Н. А. Каблуков,
Профессор Политической Экономии и Статистики

ПОСОБИЕ

ПРИ МЕСТНЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЯХ.

2-е дополненное издание „Пособия к ознакомлению с условиями и приемами собирания и разработки сведений при земско-статистических исследованиях".

БИБЛИОТЕКА
ИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Издание Центрального Статистического Управления.

МОСКВА, 1920.

Напечатано в количестве 20 000 экземпляров.

46

Заведующий Ред.-Изд. Отделом Ц. С. У. *В. Массальский.*

14-я Гостип. Типогр. (Р. В. Ц. № 43 Москва)

Содержание.

		Стр.
	Предисловие к 1-му изданию	V
	Предисловие ко 2-му изданию	VIII
I.	Составление программы местного статистического обследования. Инструкция. Таблицы	1
II.	Населенные пункты. Их расстояния	7
III.	Население	13
IV.	Постройки. Отопление	26
V.	Землевладение. Надельные и безнадельные семьи	29
VI.	Аренда вненадельной земли. Распространенность отработок	42
VII.	Обработка надельной земли. Обработка наймом. Наемные рабочие	45
VIII.	Время и количество рабочих сил для собирания сведений	51
IX.	Посевы и полевые культуры. Применение выборочного метода	59
X.	Запущенная пашня	72
XI.	Урожаи	78
XII.	Скотоводство. Значение статистической проверки	86
XIII.	Промысловые занятия	93
XIV.	Мирские доходы и расходы и податные сборы. Условия, создающие доверие населения к статистикам и определяющие доверие статистиков к ответам населения	103
XV.	Расходы по производству подворных обследований	112
XVI.	Об особенностях сельско-хозяйственной статистики	117
XVII.	Взаимоотношение местных и общих статистических обследований	120
	Приложение 1-е: Инструкция при составлении подворной карточки.	125
	Приложение 2-е: Образцы счетных карточек для мужчин и женщин.	128
	Приложение 3-е: Образец переписной (подворной) карточки	129
	Приложение 4-е: Образцы таблиц	131

Предисловие к 1-му изданию.

Предлагаемое „Пособие" составлено было первоначально совершенно не для того, чтобы служить пособием при собирании и разработке сведений при местных статистических обследованиях. Оно представляло собою просто введение к таблицам основных статистических сведений об экономическом положении селений Московской губернии в 1898—1900 гг. Введение это помещено было при 1-м выпуске I тома издания: „Московская губерния по местному обследованию 1898—1900 г." (Москва, 1903 г.), представлявшего собою работу статистического отделения Московской губернской земской управы, которым я заведывал с октября 1885 по январь 1907 года. В введении этом я имел в виду дать для лиц, которые стали бы пользоваться помещенными в этом томе таблицами, указания относительно значения отдельных граф таблиц. При этом главная задача, конечно, заключалась в том, чтобы ознакомить с источниками сведений, с характером материала, составившего содержание таблиц, а для этого нужно было выяснить, как собирался этот материал, как он разрабатывался, чему придавалось значение, какое и почему, короче говоря, надо было ознакомить с условиями и способами собирания и разработки сведений, включенных в таблицы. Но так как и способы собирания сведений, и условия, с которыми приходится при этом считаться, и приемы разработки материала—все это, сохраняя, конечно, свой местный отпечаток, свои особенности, тем не менее имело в основе те общие начала, которые выработаны долговременной практикой земско-статистических обследований не в одной только Московской губернии, то те указания и раз'яснения, которые даны были мною в „введении", и получили более общее и широкое значение, нежели служить лишь пояснением к экономическим таблицам по Московской губернии. Должен, однако, оговориться, что я лично не имел этого в виду. Но ко мне стали обращаться за этим „введением" прежде всего преподаватели статистики в Петроградском Политехническом Институте, так как они находили, что это „введение", выражая собою результаты более чем двадцатилетней практики в земско-статистических обследованиях, служит весьма подробным и наглядным пособием для лиц, желающих ознакомиться с тем, как ведутся местные статистические обследования, и с какими условиями приходится иметь дело при производстве этих работ. То же пришлось мне слышать от некоторых преподавателей Московского Коммерческого Института, а также от некоторых заведовавших земско-статистическими отделениями. Лицам, еще не занимавшимся ранее земско-статистическими обследованиями и приглашаемым для этих работ, рекомендовалось заведовавшими познакомиться с моим введением, чтобы составить себе ясное представление о том, как производить такие работы. Наконец, и отдельные лица, занимавшиеся изучением статистического материала и обращавшиеся, прежде чем приступать к земско-статистической литературе, к моему „введению,

находили, что, прочитав его, они получали настолько ясное представление о том, как собираются земско-статистические сведения и при каких условиях, что „как будто бы они сами занимались собиранием этих сведений".

Все это и побудило меня приступить к отдельному изданию этого введения, так как уяснило и значение его как „пособия" более или менее общего, а также указало и на потребность в таком пособии. Последнее понятно, если иметь в виду обширную, вдобавок ежегодно прибывавшую, земско-статистическую литературу и то значение, которое имеет изучение ее, как для научных целей (экономических и статистических), так и для уяснения многих вопросов нашей живой действительности. Но само собою разумеется, что, выпуская в свет это „введение" отдельным изданием как пособие, в котором должна иметься в виду не одна Московская губерния, я должен был кое-что изменить в нем и приспособить к его настоящей цели. При этом, однако, я необходимо должен был считаться с тем, что введение мое получило значение пособия именно в том виде, как оно было написано, а в таком случае не следовало изменять в нем что-либо по существу. Вот почему я и ограничился лишь немногими поправками по преимуществу редакционного характера. Во всем же остальном сохранилась форма повествования о том, как собирался и разрабатывался материал. Все это повествование приурочено к об'яснению каждой отдельной графы таблиц, в которые сгруппирован соответствующий материал. Это приурочение повествования к таблицам, включающим в себе материал, характеризующий действительность, помимо надлежащего выяснения условий собирания материала и условий, которые надо иметь в виду при разработке его, дает еще возможность ознакомить со многими явлениями действительности, уяснить их, показать взаимную связь и отношение различных хозяйственных условий. А это все об'ясняет таким образом, не путем рассказа только, но на анализе самых явлений действительности, значение различных условий собирания и разработки сведений, не говоря уже о том, что и самое знакомство с явлениями действительности, весьма существенными, но познаваемыми лишь путем внимательного изучения их, тоже ничему повредить не может.

В виду всего этого желательно было и в „Пособии" приурочить все об'яснения к таблицам, изображающим жизнь, как она есть. Но остаться при том, что было во „введении", нельзя было. Там таблицы, занимающие сотни страниц и дающие сведения более чем по 5 тысячам селений, составляют главное, и введение написано для об'яснения их. Здесь, наоборот, „пособие", т.-е. об'яснения, составляют главное, а таблицы нужны лишь для иллюстрации, только как пособие к об'яснениям. Сообразно с этим пришлось ввести некоторые изменения и в содержании введения, но опять-таки ничего не изменяющие по существу его.

При составлении „введения" я останавливался для об'яснения на той из таблиц, которая находилась на случайно открывшейся странице. Таким образом там речь идет то об одном селении, то о другом, совершенно другой волости или даже уезда. Здесь, в „пособии", важно сохранить, по возможности, ту же разностороннюю характеристику материала, но в то же время ограничиться немногими таблицами. Поэтому пришлось иногда заменить ссылки на одни селения или волости указаниями на другие, что и дало возможность поместить в приложении лишь несколько волостей целиком—со всеми входящими в состав их селениями—и, кроме того, ограничиться в нескольких случаях приведением лишь итогов по отдельным волостям. Сверх того, в приложении помещены некоторые параграфы инструкции и оригинал подворной карточки, на которой регистрировались све-

дения о хозяйстве, и личной, на которую перенесены были с подворной карточки сведения о населении для разработки их. Думается, что с этими изменениями и дополнениями мое „введение“ к таблицам по Московской губернии может служить действительно общим „пособием“ при местных статистических обследованиях, не вызывая никаких недоразумений.

В заключение настоящего предисловия считаю долгом указать, что желающие составить себе наиболее полное представление об условиях и способах собирания земско-статистических сведений при подворных хозяйственных переписях в различных местностях России, отличающихся в том или другом отношении от Московской губернии, извлекут для этого весьма многое: 1) из Сводного Сборника по Воронежской губернии, снабженного введением Ф. А. Щербины, много лет заведывавшего статистическим отделением Воронежской губернской земской управы и 2) из небольшой книги С. М. Блеклова „За цифрами и фактами“, в которой просто рассказывается, как собирались и регистровались подворно-статистические сведения при земско-статистических обследованиях в различных губерниях (Орловской, Тверской и др.), где С. М. Блеклову приходилось работать в качестве земского статистика. В этой небольшой книге результаты многостороннего и многолетнего опыта г. Блеклова в соединении с живым изображением всей обстановки приобретения такого опыта дают весьма наглядное и вполне правдивое изображение того, с чем и как приходится иметь дело статистику при собирании сведений на местах. В виду этого знакомство с этой книжкой, читаемой с большим интересом даже и лицами, не стремящимися при этом к какой-либо определенной цели, является крайне существенным—я склонен даже сказать необходимым—для каждого, кто желает заняться местными статистическими обследованиями и составить себе наперед наиболее полное и ясное представление о том, что предстоит ему. При этом, однако, не следует, конечно, упускать из виду, что как со времени составления упомянутых трудов Ф. А. Щербины и С. М. Блеклова, так и моего введения, в условиях деревни и в ее отношении к тому или другому многое изменилось, не устранив, однако, тех основных условий, предварительное знакомство с которыми является наиболее необходимым для каждого, желающего изучить хозяйственное положение населения путем непосредственного, правильного, систематического наблюдения.

Н. Каблуков.

с. Витенево, август 1911.

Предисловие ко 2-му изданию.

В настоящем издании почти нет изменений сравнительно с первым; только в некоторых местах, где это необходимо было по современному положению, слово земство заменено другим, как это пришлось сделать и в заглавии „Пособия". Что касается дополнений, то—заключающиеся в отделах XVI и XVII мне казались необходимыми для более полного выяснения всего, что должно входить в содержание настоящего пособия; а затем, в виду современной организации у нас государственной статистики нельзя было не остановиться на взаимоотношении ее и местных статистических обследований. Остальные дополнения, довольно, впрочем, многочисленные, введены в разные места прежнего текста, в виде, так сказать, закругления, более точного и определенного выражения того, что вытекало из того или иного пояснения к тем таблицам, для правильного пользования которыми и составлено было „Введение", положенное в основу настоящего „Пособия".

В приложении 4-ом, без которого обойтись нельзя, уделено против 1-го издания меньше места таблицам путем исключения из состава их тех селений, на которые нет ссылок в текстовом изложении.

Н. Каблуков.

1919.

Глава I. — Составление программы местного статистического обследования. Инструкция. Таблицы.

Согласно сказанному в предисловии, помещаемые в приложении таблицы представляют собою извлечение из целого ряда таблиц, заключающих в себе свод основных статистических сведений об экономическом положении селений Московской губернии. Сведения эти собраны путем подворных местных обследований. Ближайшим поводом к собиранию этих сведений послужила необходимость их для оценочных целей. Но при *составлении программы* обследования имелись в виду потребности земства в различных отношениях, так чтобы земство могло воспользоваться собранными сведениями для разнообразных отраслей своей деятельности. Чтобы полнее и всестороннее определить, какие вопросы для земства существенно выяснить путем местного обследования, программа обсуждалась и пополнялась в совещании значительного числа местных представителей земство, что и гарантировало значение вопросов для земских интересов. Участие же в совещании специалистов-статистиков определяло, насколько тот или другой вопрос может быть выяснен именно местным обследованием, и до каких пределов можно итти здесь, чтобы не затянуть обследование на слишком продолжительное время или же чтобы не удорожить его значительно сверх того, что считалось возможным ассигновать на производство статистических работ. Особенно необходимо было иметь в виду, что как для различных задач губернского земства, так и в видах равномерности оценок, необходимо собрать сведения, относящиеся, по возможности, к одному и тому же моменту времени. Но само собой разумеется, что по практическим условиям момент этот должен был растянуться более или менее значительно. Все местное обследование было организовано таким образом, чтобы сведения могли быть собраны по всем 13 уездам Московской губернии в течение двух лет. Начавшись в мае 1898 г., оно было закончено к июню 1900 г., при чем собирание сведений на местах приостанавливалось на время усиленных сельско-хозяйственных работ—на июль и почти весь август; в остальное же время года, не исключая зимы и осени, местные обследования велись непрерывно, за исключением времени бездорожья и праздников Р. Х. и Пасхи.

Конечно, такое распределение времени при статистических обследованиях не может считаться нормальным. Для выяснения *различий* в хозяйстве разных местностей *в зависимости* от общих, более или менее *постоянных* условий, сравнение этих различий только тогда уяснит что-либо и будет произведено правильно, если оно сделано *для одного определенного* времени. Иначе неизвестно, происходят ли эти различия от разницы в постоянных условиях отдельных местностей или же от тех изменений, которые произошли от одного года к другому. Поэтому растягивать обследования даже только на два года можно лишь по *необходимости* и при невозможности произвести требуемый для этого расход в течение одного года; но необходимость эта обусловливается и другим, а именно—не-

возможностью привлечь достаточное количество лиц, *подготовленных* для местных хозяйственных обследований. Это же обстоятельство, т.-е. растягивание местных обследований на два года или более, влияет и на программу и обработку сведений, а именно—оно обусловливает необходимость собирать и разрабатывать сведения только о таких явлениях, которые не подлежат быстрому изменению во времени. Что же касается остальных материалов, как, напр., данных об урожаях, то относительно их надо ограничиваться вопросами о так называемых суб'ективных средних, т.-е. каким считается средний урожай. Для явлений же быстро изменяющихся во времени надо собирание ежегодных сведений, относящихся к так называемой текущей статистике. Правда, и в основных местных обследованиях имеются вопросы о явлениях, могущих измениться от одного года к другому, как, напр., о количестве скота, но одновременно ставятся дополнительные вопросы, ответы на которые позволяли бы судить, является ли данное количество скота исключительным для этого года или более или менее обычным.

Напомню еще, что для переписей населения признается необходимым учет населения, приуроченный даже к одному определенному дню.

Прежде чем приступить к местным обследованиям, необходимо, однако, гарантировать однородность понимания тех или других вопросов, чтобы полученные на них ответы относились к одному и тому же роду явлений. С этой целью обыкновенно вырабатывается *инструкция*. Выработка ее кабинетным путем мало помогает делу. Поэтому был принят другой способ составления ее. Когда образовался уже состав лиц, достаточный для того, чтобы приступить к местным обследованиям, и выработаны формы бланков, на которых должны записываться собираемые сведения, то как формы бланков, так и смысл каждого поставленного вопроса обсуждались на общем совещании всех лиц, которым предстояло производить местное обследование. Все это требует довольно продолжительного времени, так как нередко один и тот же вопрос, в зависимости от степени знакомства тех или других лиц с явлением, к которому относится этот вопрос, понимается весьма различно. Только совместное обсуждение приводит, наконец, к определенному и однообразному заключению, как понимать тот или другой вопрос, какое явление должно быть выяснено ответом на данный вопрос и как записывать ответ. *Это заключение формулируется и записывается как параграф инструкции**). Затраченное на это время, надо полагать, вполне вознаграждается тем, что для всех участников совещания каждый, составленный таким способом, параграф инструкции является не чем-либо пришедшим извне, что подлежит лишь *пассивному* усвоению, а представляет собою нечто твердо определенное и ясное, прошедшее через *сознание* и глубоко *продуманное* при посредстве обмена мнений, предшествовавшего установлению того или иного положения. Так как, однако, и при этом способе многое могло устанавливаться лишь, так сказать, теоретически, более или менее отвлеченно, без точного знакомства с теми явлениями, которые именно ради точного знакомства с ними и подлежали обследованию, то при обследовании Московской губернии и было предрешено, что после обследования нескольких волостей или уезда, инструкция подлежит пересмотру на основании указаний опыта. Такой пересмотр и был осуществлен в июле 1898 г. во время перерыва местных обследований на время сельской рабочей поры. В результате этого пересмотра явились некоторые дополнения к инструкции; часть

*) См. приложение 1-е, но предварительно необходимо ознакомиться с подворной карточкой, помещенной в приложении 3-ем.

положений была более точно и определенно формулирована. По отношению же к способу регистрации урожая прямо были введены некоторые изменения, вследствие которых регистрация урожаев по уездам, обследованным после пересмотра инструкции, производилась несколько иначе, нежели по уездам, обследованным ранее. При этом, однако, имелось в виду, чтобы это не мешало сравнению данных об урожаях по уездам, обследование которых производилось как по первоначальной, так и по измененной инструкции *).

Производству обследования на местах, кроме отмеченных подготовительных к нему работ, предшествовали еще работы в разных учреждениях, заключавшиеся *в выборках из документов* данных по землевладению и *в снятии копий с планов* земельных владений.

Весь собранный тем и другим путем материал надлежало разработать, имея в виду различные задачи, хотя и стоящие между собой в тесной связи. Одна задача заключалась в разработке его для выработки оценочных норм для земельных имуществ. Затем, различные части этого материала подвергались разработке для различных специальных целей как губернского, так и уездных земств. Но на ряду с этим надлежало дать точную сводку его, которая, выясняя общие экономические условия каждого отдельного поселения, могла бы иметь до известной степени справочный характер—давать ответы на разные вопросы земства, касающиеся отдельного селения, и в тоже время характеризовать особенности различных местностей. С этой целью значительная часть материала и сведена в таблицы, образцом которых служат прилагаемые при сем. За основной тип их были взяты „экономические таблицы", составленные при первоначальном местном обследовании Московской губернии в 1876—78 гг. (Сборник статистических сведений по Московской губ., т.т. I, II и III). Но в силу того, что в 1898—1900 гг. по всем селениям всех уездов было проведено именно *подворное* обследование, чего не было при первоначальном обследовании, таблицы эти могли в настоящее время заключать в себе более подробные данные, и, следовательно, сравнительно с первоначальными их необходимо было значительно расширить. При этом возможно было,—а с некоторых точек зрения, было, может быть, и желательно,—итти в этом отношении настолько далеко, насколько то позволял материал, то-есть, расгруппировать весь материал на многие сотни граф. Но, имея в виду основную задачу таблиц вообще и в частности—предлагаемых, необходимо было подвергнуть стремление к такому расширению значительному ограничению.

Следует иметь в виду, что каждая таблица представляет постольку целесообразную форму группировки материала, поскольку она, обрисовывая типичные особенности явления, дает *наглядное* представление о них, дает возможность по ряду признаков уловить эти особенности при помощи, так сказать, *одного взгляда* на таблицу. С этой точки зрения чем таблица короче, чем меньше в ней граф, тем она больше отвечает своему назначению. Но сложность экономических условий не позволяет охарактеризовать их по какому-либо одному признаку или по небольшому числу их для каждой местности. Здесь, помимо отсутствия или наличности того или другого признака, на экономическом положении населения отражается и та или иная *комбинация* тех или других явлений. Поэтому необходимо в одной таблице соединить такое количество признаков, которое обрисовало бы не только различный *количественный* состав отдельных явлений, под-

*) Относительно регистрации урожаев надо иметь в виду замечание, приведенное выше по поводу явлений, подлежащих быстрому изменению во времени.

лежащих учету, но и давало бы возможность видеть *взаимное отношение их* в различных селениях. При этом, однако, нельзя все-таки упускать из виду того обстоятельства, чтобы таблицы сохраняли известную степень наглядности, давали возможность сравнительно легко ориентироваться среди заключающихся в них цифровых данных, позволяя сравнительно скоро находить в них то, что нужно. Выработка такой таблицы представляет собою дело очень сложное, очень ответственное, и каждая такая таблица всегда может подлежать возражениям с самых различных точек зрения. Поэтому трудно указать ту степень осторожности, которую надо соблюсти, прежде чем остановиться окончательно на том или ином типе таблицы.

Конечно, содержание таблиц в их наибольшем об'еме определяется программой обследования. Но затем, кроме приведенных уже соображений, необходимо при составлении таблиц считаться и с той задачей, которая имеется в виду при группировке собранного материала. Наконец, в практике земской статистики имело значение и другое. Нередко земские статистики чувствовали и знали, что как только достигнется непосредственная, прямая, практическая задача, ради которой земство предпринимало обследование, то и все статистические работы в данном земстве будут закончены. Бывало и так, что их обрывали на полдороге, не давши даже довести до конца первоначальную сводку материала, уже собранного, или прекращая местные обследования в самом разгаре их. В том и другом случае лицам, производившим обследования, вложившим в них свою душу, потратившим на них не мало сил и проведшим не мало бессонных ночей как за обдумыванием программ и способов наилучшего осуществления обследования, так и за разработкой материала,—таким работникам тяжело, конечно, ограничиться опубликованием части материала, предоставив остальному быть похороненным в земском архиве. А между тем ведь этот материал характеризует самые существенные условия жизни населения, выясняет очень много и в практическом и в научном отношении. Необходимо поэтому его сохранить, опубликовать и дать, таким образом, возможность каждому, кто умеет читать таблицы, использовать его, выяснить ту живую действительность, которая трепещет и говорит о себе под сухими цифрами, дающими нередко в среднем „полторы лошади". Так вот, чтобы достигнуть этого и опубликовываются нередко громадные таблицы не только с сотнями граф, но даже и свыше тысячи. Но статистическое отделение Московской губернской земской управы никогда не стояло в таких условиях, которые бы вызывали опасение за его существование. С самого начала оно было родным детищем Московского земства, а не пасынком. Поэтому здесь возможно было и надо было ввести в таблицы лишь то, что требовалось непосредственным назначением их. Привожу здесь это обстоятельство в связи с указанием на то, как бывало в других местах, для того, чтобы уяснить не теоретически и отвлеченно, а на явлениях самой действительности, какое значение имеет в статистике,—не только при собирании сведений, но и при сводке в простые, сухие цифры, и как увидим далее, и при самой разработке материала,—то или иное отношение к ней, тот или иной взгляд на нее, как самого опрашиваемого населения, так и тех или других правящих и общественных сфер. С этой точки зрения можно назвать статистику наиболее *общественной* наукой в том смысле, что на положение, существование, развитие, результаты ее исследований и разработки окружающие *общественные условия* влияют непосредственным образом и более сильно, чем в какой-либо другой научной отрасли.

Чтобы в составление рассматриваемых таблиц внести только то, что требовалось непосредственным назначением их, надо было предварительно выяснить, что именно является для данных условий наиболее характерным. Недостаточно было, исходя из тех или других общих положений, установить наперед, что те или иные признаки являются характерными для обрисовки данного экономического положения. Нужно было на основании знакомства с самим собранным материалом выработать правильное представление о том, что сама действительность определяет как характеристичное. Поэтому предварительно были сделаны подробные, детальные выборки из материала с целью выделить наибольшее число признаков каждого явления, чтобы подметить то, что с точки зрения общих положений могло признаваться не столь существенным и на что, однако, действительность указывала как на довольно яркий признак. После такой детальной выборки можно было уже с большей уверенностью в приближении к истине приступить к выяснению того, какие признаки надо внести в таблицу, как существенные, основные для характеристики экономического положения селения.

В то же время надо было остановиться и на следующих соображениях. Подворное собирание сведений давало возможность характеризовать для каждого селения подворное распределение в нем тех или других факторов. Следовало ли стремиться к этому в *поселенных* или, точнее говоря, *пообщинных* таблицах? Осуществление этого стремления повело бы, с одной стороны, к такому расширению таблицы, что она должна была бы заключать в себе несколько сот граф, что совершенно лишило бы ее наглядности и в значительной мере ограничило бы ее практическое значение для земства С другой стороны, против этого говорили и соображения научного характера. С точки зрения обобщения известного явления, выяснения его, как фактора, имеющего общее значение, совершенно неважно, что в *данном* селении существует, например, столько-то дворов, имеющих по одной лошади, столько-то—,имеющих по две, и т. д. Это будут единичные случаи. Значение этого определится, выяснится лишь тогда, когда, имея перед собою *массу* дворов, имеющих по одной лошади, и массу дворов, имеющих по двѣ, мы сопоставим это с каким-либо другим фактором; только тогда, при *массовом* характере этого явления, мы в состоянии определить, с каким явлением оно стоит в связи, что именно знаменуется им или чем оно обусловливается. Статистика стремится обнять массу случаев именно для того, чтобы на основании этой массы определить то общее, что оказывает свое влияние на те единичные явления, из совокупности которых и составилось представление о массовом характере явления. Раздроблять таким образом на единичные явленния что должно быть выяснено как массовое, значило бы итти наперекор тому, что выработано статистической наукой и практикой. Это значило бы фотографировать явление вместо того, чтобы дать полную художественную картину его, передающую то, что присуще ему не в данный только момент фотографирования, а что составляет его общие и основные черты, постоянно присущие ему при определенных условиях. Правда, и такое фотографирование может иметь свое значение, но только при особых обстоятельствах. Так, если производится подворное обследование для выяснения степени нужды в продовольствии населения данной деревни в данный момент или с целью принять тотчас же меры против какой-либо болезненной эпидемии, охватившей в данный момент определенный район, тогда, конечно, важно знать состав семьи каждого двора, в каком дворе есть лошадь, а в каком ее нет, и т. д., чтобы определить, кому именно, в какой мере и каким путем притти на помощь. Но тогда именно и нужно иметь точную фотографию:

не просто только количество дворов с тем или иным семейным составом, а какой именно двор обладает данным составом и т. д. Это будет уже материал для решения определенного практического вопроса в данный момент. В таблицах же, основанных на общей подворной переписи, производившейся для выяснения общих экономических условий, такое фотографирование немыслимо. Это значило бы перепечатать весь сырой материал лишь в известной системе. Но кроме того, здесь фотографирование с целью определить для каждого селения подворное распределение тех или иных экономических факторов и не нужно. Практического значения для земства оно не имеет, так как ко времени составления таблиц в этом распределении могли уже произойти более или менее заметные изменения. И если бы через полгода или даже только через месяц по окончании такой переписи земству пришлось определить, как велика должна быть продовольственная ссуда, напр., для данного селения, какому числу дворов и в каком размере она нужна, необходимо было бы снова произвести перепись такого селения, чтобы выяснить распределение экономических факторов в момент этой продовольственной нужды по каждому отдельному двору. В научном же отношении это фотографирование, как уже отмечено, давало бы в раздробленном виде то, что важно иметь в массовых данных. При обработке же последних, те экономические факторы, которые распределяются по отдельным дворам неравномерно, подлежат особому изучению путем такой группировки их по целым *районам*, которая дает основание для групповых и комбинационных таблиц.

Таблицы же, о которых идет речь теперь, должны были дать представление об общих экономических условиях каждого селения как целого, при чем подворные различія должны входить лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы дать правильное представление об основных экономических условиях данной общины. Само собой разумеется, что при этом многое имеет относительное значение, многое является более или менее условным и спорным. Относительно некоторых граф предлагаемых таблиц можно возразить, что без того или другого можно было бы обойтись и, наоборот, то или другое следовало бы ввести, имея в виду отмеченное выше назначение этих таблиц. Но все такие указания всегда можно сделать относительно любой таблицы. В данном случае, чтобы ближе подойти к тому, что именно существенно внести в них, имея в виду условия Московской губернии, таблицы эти и составлялись так, что каждый экономический фактор, выясненный местным обследованием, каждая графа таблицы подвергались тщательному, всестороннему обсуждению. Общий план таблицы, проект отдельных граф ее, намечен был одним лицом, а затем статистическое отделение во всем составе лиц, как производивших выборки материала, так и многих из числа собиравших сведения на местах, посвятило целый ряд заседаний установлению типа таблиц, который окончательно вылился в форму предлагаемых теперь. Оне являются результатом знакомства целой группы подготовленных лиц с экономическими условиями губернии, знакомства, приобретенного путем непосредственного и внимательного изучения этих условий на местах. А затем, те же лица, уже по окончании такого изучения, ознакомились при производстве выборок с характером материала, его достоинствами и недостатками, с тем, какие явления он характеризует достаточно полно, какие выдвигает, как наиболее типичные. Такой способ выработки таблиц, при котором последние не являются плодом творчества лишь одного лица, и надо признать наиболее правильным. Конечно, выработанные при таких условиях таблицы являются выражением представления выработавших их лиц о том, какое значение имеют те или

другие экономические факторы для характеристики экономического положения селений или тех или других условий данной губернии. Но гарантией значительной близости этого представления к действительности служит то, что оно основано как на тщательном и внимательном изучении той действительности, которую имеется в виду характеризовать, так и на строго обдуманном отношении к тому, чем именно наиболее правильно можно характеризовать эту действительность.

Глава II.—Населенные пункты. Их расстояния.

Переходя теперь к *выяснению условий и способов собирания и разработки сведений*, я буду вести это выяснение путем обсуждения значения каждой отдельной графы таблицы, при чем и будет указываться материал, составивший содержание данной графы, основания его выделения, как он собирался, с чем при этом приходилось считаться, и т. д.

Прежде всего нужно остановиться на самой первой графе, дающей лишь нумерацию *селений*, при чем, однако, не при каждом обозначении отдельного поселения стоит особый нумер. Это требует об'яснения.

Сведения на местах собирались по каждой земельной общине отдельно, и сообразно этому они вводятся в таблицу тоже по каждой общине отдельно, почему во 2-й графе и значится, что она заключает в себе название волостей, селений и *общин*. Но нередко две, три даже более отдельных земельных общин составляют одно селение, один населенный пункт и носят одно название. Это обстоятельство нередко вводит путаницу при определении числа селений. Дело в том, что при подсчете их далеко не всегда обращается внимание на то, обозначает ли данное название селение или общину. Одни подсчитывают каждую общину как особое селение и получают их несколько одноименных, другие же считают за селение действительно один населенный пункт, состоящий из нескольких земельных общин, отчего обычно и происходит разница в подсчете числа селений по уездам и губернии. Между тем, если принадлежность к одной земельной общине создает определенные общие хозяйственные условия для ее населения, почему и необходимо производить учет хозяйственных явлений по отдельным общинам, то, с другой стороны, для многих отраслей деятельности местного самоуправления весьма важно знать количество и распределение населенных пунктов, независимо от того, состоят ли они из хозяйств, об'единенных общностью землевладения или же совершенно отделенных одно от другого. Исходя из этого в таблице и дан перечень и подсчет сельских *населенных пунктов*, что и достигается нумерацией последних, так что при наличности нескольких отдельных земельных общин, представляющих один населенный пункт, они означены одним нумером, а сведения даны для каждой общины отдельно.

Таким образом нумерация селений относится лишь к числу населенных пунктов, и посмотрев на цифру первой графы, стоящей в конце каждой волости, можно сказать прямо, какое число в ней сельских населенных пунктов. Так, напр., в Аксеновской вол. Богородского уезда *) населенных пунктов 26, а всех общин, о которых даны сведения 28 и даже 29, если считать и Сурмино. Эта последняя оговорка необходима в виду того, что Сурмино числится не только как отдельная община, но даже как отдельное поселение; фактически же, однако,

*) См. Приложение 4.

жители его давно разбрелись, строений не осталось и населенного пункта нет. Поэтому, чтобы выдержать установленное обозначение нумером только действительно населенных пунктов, в данном случае и не стоит нумера, а показано лишь числящееся в нем приписное отсутствующее население и числящаяся за ним земля. В примечании же оговорено, что такого селения на лицо не существует. То же самое относится к некоторым другим селениям других волостей и уездов. Только что сказанное представляет собою указание на разные мелочи и единичные явления—все равно как и далее указание, напр., на поселок Дрезна, но я останавливаю на этом внимание, чтобы показать, как для правильного и точного представления о действительности и надлежащего составления для того статистических таблиц приходится тщательно относиться и к мелочам и к отдельным случаям, а не брать все, так сказать, за одну скобку.

При подворном обследовании имелись в виду не одни крестьянские поселения и общины, наделенные землей и состоящие из населения, приписанного к данной волости. Однородные сведения собирались по всем населенным пунктам, имеющим сельский характер. При этом сведения, относящиеся непосредственно к характеристике земледельческого хозяйства, собирались по всем земельным владениям. Сведения же о населении, его количестве, составе, в виду особых условий, в которые было поставлено собирание их,—что будет выяснено ниже,—собирались и могли собираться вполне лишь в поселках, имеющих крестьянский характер. При таких условиях в силу различия программ, по которым приходилось собирать хозяйственные сведения о частно-владельческих экономиях и о крестьянских землях, нельзя было выработать один тип таблиц для характеристики хозяйственных условий тех и других. Вследствие этого в понятие населенных пунктов, о которых даны сведения в прилагаемых таблицах, не входят прежде всего населенные пункты, причисленные к городским, так называемые *пригородные слободы*. Они подлежали описанию при собирании сведений для выяснения оценочных норм по городским недвижимым имуществам. Не вошли в наши таблицы как населенные пункты и *частновладельческие экономии*, а равно и такого рода *погосты*, в которых живут только духовные и церковнослужители. В таких пунктах или нет земледельческого хозяйства или оно ведется по *типу частновладельческого*, и признаки его не укладываются в графы предлагаемых таблиц. Кроме того, по таким пунктам, как уже отмечено, нельзя было произвести надлежащую перепись населения, да и другие, чисто хозяйственные, сведения удавалось получить далеко не по всем из них. Следует, наконец, указать и на то, что такие пункты не имеют, так сказать, характера общественных поселений: это—отдельные *единичные* владения, не связанные ничем непосредственно с другими такими же единичными владениями. Если этого и нельзя сказать про погосты, обитаемые духовными и церковнослужителями, сидящими на общей церковной земле, то они не подходили к нашему описанию потому, что существующая между ними связь имеет свою основу не в хозяйственных интересах. Не включены в таблицы и многие специально *дачные поселки*, в которых нет постоянных жителей, а существуют лишь помещения для временного летнего пребывания ежегодно сменяющегося населения; нет при таких поселках ни постоянных торговых помещений, ни каких-либо отраслей хозяйства. Самое описание и обследование их должно происходить при особых условиях и по особой программе.

Иной характер носят такие населенные пункты, которые представляют совокупность целого ряда владений или домохозяйств, живущих постоянно на опре-

деленном участке земли и нередко отличающихся от обычных для Московской губернии крестьянских селений только тем, что жители их хотя и крестьяне, но носят название мещан. Условия собирания сведений по таким поселкам и программа вопросов в большинстве основных отделов ее являлись сходными с тем, что относилось и к крестьянским поселениям. Такие поселки, состоящие из жителей, не приписанных к данной волости, и потому, так сказать, не волостные, но в то же время не носящие городского характера, вошли в таблицы. Таков, напр., поселок Дрезна Терешинской вол. Богородского у. *) и многие другие иных волостей и уездов. При этом следует отметить, что и среди этих поселков есть поселки не вполне однородные по составу населения, по характеру землевладения и некоторым другим условиям. Одни отличаются от крестьянских лишь тем, что жители их, выкупив землю, переписались в мещане, но являются потомками того же крестьянского населения, жившего на этой же земле. Другие образовались из лиц, сошедшихся с разных сторон, осевших в определенном месте и составивших таким образом скопище домов и жителей. В этом последнем случае такие поселки иногда образовались как особый населенный пункт, а иногда только, так сказать, примкнули к существующему крестьянскому поселению, так что особого населенного пункта не представляют, но являются особою частью этого селения, не входя в составляющую его земельную общину. Как на пример последнего можно указать на два поселка Щелково Гребневской вол. Богородского у. при селении того же наименования. Не составляя особого населенного пункта, отделенного от первого определенным расстоянием, эти поселки и не получают в наших таблицах особого нумера, как его не получает и отдельная земельная община, не отделенная от другой ничем кроме межи, и не являющаяся особой деревней. Напротив, поселки, хотя и не составляющие общины, но стоящие отдельно, имеют особый нумер, как особый населенный пункт. Таким образом выделение особым нумером только особых, отдельных населенных пунктов строго выдержано. Встречаются, наконец, и такие случаи, что два или несколько населенных пунктов, отдельных деревень, представляют собою одну земельную общину, так как земля им была наделена сообща и до сих пор между ними не размежевана. Владеют они ей сообща, распределяя лишь соответственно числу душ в каждой деревне. Бывает и так, что земля их, показанная в одном общем плане, *фактически* выделена для каждого селения к одному определенному месту; но сколько, именно, десятин находится во владении и пользовании каждого селения, того, не производя межевания, определить нельзя. Наконец, бывает и так, что усадьбы и пашни числятся врозь, а другие угодья совместно, и пользуются этими угодьями тоже совместно путем подушного их распределения для совокупности селений. Во всех этих случаях такие селения в отделе распределения земли (отд. VII табл.) нельзя показать как отдельные общины, а между тем как населенные пункты они различаются. Усадьбы и избы таких селений отделены для каждого из них, и иногда—довольно значительным расстоянием. В таком случае каждое такое селение, хотя для нескольких из них и показано одно общее количество земли, нумеровалось как отдельный населенный пункт.

Формулируя вкратце основания, по которым тот или иной пункт подвергался описанию и обследованию, надо сказать так: в виду оценочно-статистической цели обследования земельных имуществ и невозможности производить спе-

*) См. Приложение 4.

циально перепись населения, мы подвергали обследованию каждое такое земельное владение, с описанием которого связано было выяснение хозяйственных условий данной местности, и не включали в наше описание те владения, где приходилось ограничиваться только переписью населения; но последних пунктов, если не считать исключительно церковных погостов, весьма немного.

Сводя же к немногим словам все сказанное о том, что считалось населенным пунктом и нумеровалось как таковой, можно выразиться так: населенным пунктом в предлагаемых таблицах отмечается такое *отдельное* поселение, *не* принадлежащее к составу *городских*, которое представляет целую *совокупность* отдельных домохозяйств, более или менее *связанных* между собою *общностью хозяйственных интересов*. Определение, может быть, и не особенно точное, но вряд ли способное ввести кого-либо в заблуждение после всего сказанного выше.

Не лишнее отметить здесь, что в Московской губернии, как и во многих других губерниях, не мало такого рода населенных пунктов, которые не являются крестьянскими селениями, не имеют и характера городских, но, представляя собою совокупность домохозяйств, связаны многими общими, как хозяйственными, так и иными общественными интересами и, однако, не имеют никакого общественного управления, никакого органа, который заведывал бы или мог бы заведывать этими общими и общественными интересами таких поселений. Такое положение для этих поселений является общим с положением специально дачных поселков, но оказывается более затруднительным, так как жители постоянных поселков живут тут годы и имеют здесь хозяйство.

Необходимо еще сказать несколько слов о последовательности в размещении населенных пунктов, общин и поселков. Чтобы облегчить возможность нахождения их при различных справках, мы стремились расположить в строго алфавитном порядке уезды, в пределах их—волости и в пределах последних населенные пункты и общины. Но желая несколько выделить поселки, состоящие из неприписного населения, чтобы таким образом нагляднее отметить чисто крестьянское местное, мы отдельные *не крестьянские* поселки ставили в конце волости, нарушая алфавитный порядок, что, однако, не удалось выдержать вполне. Не удалось, между прочим, по следующей причине. Как уже указано, встречаются местные исконные крестьяне, выписавшиеся в мещане, т.-е. *формально* уже не состоящие крестьянами и к волости не приписанные (напр., М. Буньково Ямкинск. в. Богор. у.). Вот тут-то и в других аналогичных случаях и явился большой соблазн придержаться не формального основания, а бытового, фактического, и оставить такие неформальные крестьянские поселки на своем месте, т.-е. следуя алфавитному порядку. Но строго выдержан другой прием для выделения особо всех тех поселков, которые по тем или другим основаниям числятся не крестьянскими. Прием этот состоит в печатании *курсивом* по всем графам таблиц всех данных, относящихся к таким поселкам, которые, хотя по условиям первоначального поселения и по всем бытовым данным и являются по существу крестьянскими, но числятся не крестьянскими, население которых значится мещанами и т. п.

После сказанного о первой графе, по отношению ко 2-й следует только добавить, что в названии селения мы стремились всегда ввести как официальное, усвоенное ему по документальным данным, так и то, под которым оно значится у самого населения и которое нередко не имеет ничего общего с официальным, например, Убежище (Кашинцево) или Ивановка (Александровка),

с. Колпино (Вантеевка) и т. д. Этим дается возможность легко находить то или другое селение, зная какое-либо одно из его названий.

Отметка разряда крестьян или рода поселков, заключающаяся в 3-й графе, вряд ли требует особых об'яснений. Известно, что тем историческим прошлым крестьян, в силу которого одни являлись помещичьими, другие—государственными и т. д., определился в значительной мере и размер надела и даже состав его (наличность или отсутствие леса, напр.), и, следовательно, это прошлое поясняет многое из настоящего, а потому и необходимо было сохранить эту отметку. Но так как среди всех разрядов крестьян встречаются полные собственники, что в значительной мере изменяет их положение сравнительно с другими, то необходимо было и это отметить; но чтобы не делать для этих сравнительно редких случаев особой графы, а в то же время и сохранить указание на историческое прошлое данной общины (бывшие помещичьи или госуд.), мы печатаем для полных собственников отметку об их прошлом курсивом, что пояснено в особом примечании к первой же волости Богородского уезда и относится ко всем последующим случаям. Для не крестьянских поселков делаются соответствующие отметки с пояснением иногда в подстрочном примечании. В самых обозначениях для сбережения места мы допустили сокращения: *пм.* значит бывшие помещичьи, *гс.*—бывшие государственные, *уд.*—бывшие удельные, *в. хл.*—вольные хлебопашцы, *мщ.*—мещане, *фбр.*—бывш. фабричные или фаб. посел., *ждр.*—железнодорожный и т. п.

Несколько подробнее приходится остановиться на гр. 4 и 5, касающихся *расстояний* данного селения, которые в таблице установлены лишь по отношению к шоссейным и железнодорожным путям сообщения.

В бланках, по которым собирались сведения, отмечены для каждого поселения расстояния от наиболее важных для населения пунктов, а именно: 1) от уездного города, 2) волостного правления, 3) приходской церкви, 4) школы (с отметкой—какой), 5) больницы (с такой же отметкой), 6) станции железной дороги (какой), 7) шоссе (какого), 8) базара (какого) и, наконец, 9) проточных вод (с отметкой названия рек и речек). При разработке произведены относительно этого и соответствующие выборки, на основании которых всегда можно быстро дать надлежащую справку на запрос любой уездной управы или любого отделения губернской управы или же какого-либо другого учреждения. Возникал вопрос: вводить ли в печатаемые таблицы указания на все эти расстояния; если не на все, то на какие именно? Если вводить все отмеченные расстояния, то потребовалось бы отвести для них 9 граф, что уже не позволило бы разместить таблицу на 4-х страницах. Между тем и 4 страницы значительно умаляют ту наглядность, которая давалась бы размещением таблицы лишь на 2-х страницах; затрудняется и взаимное сопоставление разных данных, относящихся к одной общине. Пять или шесть страниц делали бы это затруднение еще более значительным. Увеличение самого формата таблиц также затрудняет их удобообозреваемость и уничтожает наглядность, представляющую одно из существенных достоинств табличной формы. Но само собой разумеется, что окончательною инстанцией для решения вопроса о включении тех или других данных в таблицу является степень значения этих данных. С этой точки зрения трудно было бы дать предпочтение какому-либо из них и сделать между ними выбор. Как справочные сведения, все они имеют свое значение, в зависимости от значения того вопроса, для решения которого они в данный момент необходимы. Но для таких отдельных справок они могут служить местным деятелям и без опубликования

их. Следовало решить вопрос, какие из них и какое общее значение могут иметь, и в зависимости от этого остановиться на опубликовании тех данных, которые являются наиболее характерными. Рассматривая вопрос с этой точки зрения, пришлось остановиться на расстояниях от шоссе и ближайшей станции железной дороги. Дело в том, что при настоящих условиях, когда крестьянскому населению приходится и отчуждать на сторону значительную часть продуктов своего земледельческого труда и приобретать извне самые разнообразные предметы своего хозяйства и потребления, затем принимать постоянное участие в промысловой деятельности опять-таки или сбытом своих изделий или же путем отхода на заработки, когда ему вообще невозможно ограничиваться районом своей деревни и кругом ее обитателей, а приходится входить в разнообразные сношения и с остальным миром,—вопрос о способах и удобствах этого сношения, этого соединения с остальным миром, приобретает очень крупное значение. Между тем, во многих местностях, можно даже сказать, в большинстве сельских местностей Московской губернии, дело обстоит так, что и до сих пор письма, напр.,—не говоря уже о посылках,—приходится отправлять и получать по старинному помещичьему укладу, „с оказией", что, конечно, не свидетельствует о беспрепятственности и удобстве сношений. Затем, личное передвижение и передвижение товаров может быть безпрерывным, т.-е. доступным в течение целого года, также далеко не везде в зависимости от состояния путей сообщения, а, главное, от степени близости или отдаленности шоссейных или железных дорог. С этой точки зрения и представилось наиболее характерным дать в таблице сведения об этих расстояниях, так как они имеют наибольшее значение как в хозяйственном, так и во многих других отношениях. Они указывают не только на большую или меньшую легкость и удобство сношений, но и на возможность или невозможность постоянства, непрерывности их, так как известно, что в распутицу, при отсутствии надлежащих дорог, прекращается всякое сообщение.

Независимо от этого пришлось остановиться на этих расстояниях предпочтительно еще и потому, что расстояние каждого селения от Москвы, напр., уже опубликовано в прежних таблицах и, кроме того, значение его определяется ближайшим образом не абсолютным числом верст, а тем, как преодолеть это расстояние, на что опять-таки указывает степень отдаленности или близости от действительных путей сообщения, при чем по отношению ко многим селениям за 20 слишком лет в этом последнем отношении произошли значительные изменения при сохранении того же расстояния от Москвы. Несомненно при этом, что сравнение предельных расстояний селений от усовершенствованных путей сообщения в то время и теперь, а также сравнение этого по отдельным селениям или районам, может уяснить многое в различии экономических условий и хозяйственного положения этих селений в то время и теперь. Все остальные расстояния, несомненно, имеют более местное и ограниченное значение, а для надобностей в справках для местных целей, как уже отмечено, имеются налицо.

Для правильного пользования данными описываемой графы следует еще отметить, что для селений, стоящих на шоссе или около станции железной дороги, расстояние обозначено знаком *0* (нуль); в тех же случаях, когда селение находится так далеко от шоссе или железной дороги, что пользоваться ими ему не приходится, против такого селения проставлено в соответствующей графе тире (—); расстояния все показаны, конечно, приблизительно,—так, как числит их население, при чем, однако, при помощи карты и некоторых других источников делалась проверка и вводились иногда поправки в отмеченные со слов

населения расстояния. Приняты во внимание также и те изменения, которые произошли с 1898—1900 г. ко времени печатания таблиц вследствие открытия движения о новым линиям.

Глава III.—Население.

Следующий отдел таблиц—*население*—требует довольно подробного пояснения. Программа подворного обследования была выработана еще к 1896 году, когда предполагалось организовать и начать это обследование. Но в то время оно не было допущено до осуществления в виду предстоявшей переписи населения 1897г., и статистическое отделение занялось собиранием и разработкой сведений для оценки городских недвижимых имуществ. По окончании всероссийской переписи населения 1897 г. подворное обследование было разрешено, но с условием исключить все вопросы, касающиеся количества и состава населения; в то же время воспользоваться вторыми экземплярами переписных листов, заключавшими в себе данные о населении во всех населенных пунктах губернии, не было разрешено, а дозволялось взять сведения из третьих экземпляров переписных листов, хранившихся в волостных правлениях и заключавших в себе сведения лишь о приписном населении, т.-е. исключительно крестьянском, принадлежащем к селениям, состоящим в ведении волостных правлений; при этом предоставлено было обратиться за выборками этих сведений к волостным правлениям. Решено было воспользоваться услугами волостного правления. Ему лучше были знакомы эти списки (переписные листы), они находились в волости, и не было основания статистику сидеть в волостном правлении, чтобы заниматься простой перепиской; кроме того, переписка эта, произведенная волостным правлением, могла сберечь время и при собирании сведений на местах, так как волостное правление, перенося сведения о населении на подворные карточки, делало на последних и отметки о названии волости, селения, что иначе нужно было бы делать на месте и что при обилии подворных карточек отнимает не мало времени. Необходимо было однако организовать выборку сведений о селении таким образом, чтобы гарантировать полноту и точность их, т.-е. соответствие записей о населении на подворной карточке записям в переписных листах. Это было вполне достигнуто.

Выборка была организована таким образом. В каждое волостное правление было послано такое количество конвертов с подворными карточками, которое соответствовало числу селений в волости, и в каждый конверт было вложено то количество подворных карточек, которое соответствовало числу дворов селения по предварительному приблизительному подсчету их, при чем в некоторых случаях пришлось, по заявлению соответствующего волостного правления, высылать еще недостающее число карточек; были случаи и излишне посланных карточек. Посылка эта сопровождалась об'яснительной бумагой. В последней об'яснялось, как надо заносить из переписного листа сведения о населении в те графы карточки, где поставлены вопросы о количестве и составе населения, и определялось вознаграждение за исполнение этой работы. На каждой карточке волостное правление записывало название уезда, волости, селения, что избавляло потом статистика от простановки этих контрольных отметок. Затем, волостное правление писало в заголовке карточки имя, отчество, фамилию домохозяина, а в 1-й графе писало отдельно каждое лицо так: хозяин, жена и т. д., с отметкой тут же физических недостатков, зарегистрированных при переписи; в следующей графе отмечался пол, затем возраст, семейное состояние, место при-

писки и обычное местожительство. Все эти сведения переносились на карточки с совершенной точностью, соответственно тому, как значилось в третьем экземпляре переписного листа. На этом работа волостного правления и заканчивалась. Статистик по приезде в волость прежде всего проверял на выдержку правильность записей в карточках, сличая их с переписными листами, затем проверял количество лиц, внесенных в карточку, с числом их у соответствующей семьи в переписном листе и, наконец, проверял все число составленных карточек, как для того, чтобы удостовериться в полноте использования переписных листов, так и для расчета с волостным правлением за исполненную работу. Такая проверка, о которой волостное правление было предупреждено в об'яснительной бумаге, показала, что повсюду работа была выполнена вполне тщательно и аккуратно.

Может представиться, что в настоящем издании, имеющем назначение общего „пособия", излишне говорить о той частности и исключительности, с которой пришлось считаться в Московской губернии в 1898—1900 гг. при переписи населения. Но мы считали нужным об'яснение этого — прямо необходимое во „введении" к таблицам—оставить и здесь, так как в этой „частности" рельефно выражается одно из тех неблагоприятных условий, с которыми в той или другой, более или менее,—и обычноболее,—резкой форме приходилось считаться при каждом земско-статистическом обследовании в любой из губерний России. А какие неблагоприятные последствия выходили от этого для полноты и точности сведений—это определится несколько дальше, при выяснении того, как производилась разработка данных о населении. Конечно, все это может измениться и при изменившихся условиях с указанными обстоятельствами, может быть, считаться не придется. Но я оставляю указание на это и при настоящем издании „пособия", так как в этом конкретном явлении прошлого времени имеется указание на то общее, с чем необходимо считаться при каждом местном обследовании, а именно—с определяемыми или сложившимися для данного времени или для данной местности особенностями тех или иных, не всегда одинаковых, условий, отзывающихся на приемах, способах, а иногда и источниках собирания статистических сведений.

Следует заметить здесь, что посещение волостного правления до приступа к подворному обследованию вызывалось не только необходимостью получить карточки с отметками о населении. Управление волости представляет собою центр, в котором находят свое проявление и отражение бытовые, экономические и юридические стороны жизни населения данной волости. Поэтому при всех местных статистических обследованиях, касающихся крестьянского населения, *необходимо* предварительно посетить такое местное управление, выбрать там из различного рода книг и документов целый ряд данных об окладах и видах различного рода сборов, все, что может встретиться относительно различных экономических условий тех или других селений, и т. п. Необходимо, затем, заручиться в местном управлении волости указанием на кратчайший и удобнейший порядок посещения селений, а иногда и его распоряжениями или предупреждениями в отдельные селения о предстоящих посещениях. Все это и требует двух—трех дней пребывания в местном управлении данной волости, при чем является возможность повидать многих должностных лиц или просто жителей тех или других селений, слышать от них о многом, касающемся различных селений, и уже по этим предварительным впечатлениям составить некоторое представление о том, что может встретиться в волости, каков характер ее, и вообще чего тут можно ожидать, а это важно и для собственной уверенности в правильном отношении к тем или другим ответам и вообще для правильного контроля показаний отвечающих.

С карточками, заполненными сведениями о населении по переписи 1897 г., статистик приступал уже к местному обследованию—подворному. Производилось это последнее так же, как это было принято и повсюду при земско-статистических обследованиях, а именно, в селении статистик обращался к старосте или десятскому и просил его собрать домохозяев села. Последние собирались или в сборной избе, или в отведенной для того по усмотрению жителей, или же просто на открытом воздухе, если время года и погода позволяли то. Обхода отдельных дворов, как то представляют иногда незнающие, что такое подворная перепись, не производилось ни здесь, ни где-либо при производстве земских подворных переписей. Такой обход потребовал бы затраты слишком большого времени и притом не только непроизводительно, но и к вреду для дела—для полноты и точности сведений. Когда опрос каждого домохозяина производится в присутствии других, то не происходит никакого перерыва между опросом одного и другого; один за другим тотчас же приближаются к столу и дают ответы; это уже сберегает много времени сравнительно с обходом отдельных дворов. Кроме того, ответить на многие вопросы можно, лишь припомнив те или другие обстоятельства, и по мере того как опрашивается один, другие припоминают касающееся их и уже не задерживают статистика ответом. Правда, тут может быть неблагоприятный момент в том, что есть возможность заранее подготовить такой ответ, который опрашиваемый *считает наиболее* выгодным. Но эта возможность не исключена и при опросе в отдельном дворе, при чем там нет внешнего контроля для поправки ответа в случае его неверности. При опросе же в присутствии других домохозяев данного селения этот контроль и заключается именно в их присутствии. Перед ними правду утаить неловко, да и нельзя: всегда кто-либо найдется, кто напомнит о ней тут же. Такие напоминания нередко касаются даже обстоятельств, умолчание о которых является совершенно ненамеренным. „А что же ты Марфутку-то позабыл?“ вдруг слышится голос из среды собравшихся. Оказывается, что опрашиваемый действительно забыл упомянуть о младшей дочери, недавно родившейся. Все это и заставляет в интересах полноты и точности ответов спрашивать каждого в присутствии других. Чтобы не задерживать, однако, без надобности население, в большом селении созывались не сразу все домохозяева или же в него прибывало несколько статистиков, и каждый из них сосредоточивал около себя группу домохозяев-соседей и вел им опрос. Для верности и правдивости показаний со стороны населения имеет большое значение—этот момент необходимо отметить—то, что при земско-статистических переписях опрашивающие ни по внешнему виду, ни по обращению с населением не имели в себе ничего устрашающего и производили впечатление лиц, интересующихся по существу тем, о чем спрашивают. Много значит также и то, что это не местные люди, со стороны которых можно опасаться каких-либо мероприятий, а в то же время по их вопросам видно, что они условия местной жизни и, главным образом, крестьянской, знают так, что в случае неверности показаний нередко и сами могут изобличать в том.

Необходимо, однако, добавить еще, что сказанное относительно приемов подворного опроса относится ко всем крестьянским поселениям при обычных, общераспространенных условиях их существования. В некоторых же исключительных случаях интерес дела требовал не ограничиваться таким опросом в присутствии других, но и обходить отдельные дворы. Это происходило в таких селениях, где в избах крестьян находилось много жильцов, о которых они не могли заглазно дать сведения; тут, как это выяснено ниже, даже обход дворов

не всегда давал точные сведения о жильцах, но все же более близкие к действительности, нежели это было бы при отсутствии подворного обхода. К этому же подворному обходу приходилось прибегать в некоторых не крестьянских, пристанционных, дачных поселках, вообще во всех тех населенных пунктах, где население не имеет никакого общественного управления, и где нет лица или органа, к которому можно было бы обратиться за созывом населения, нет и определенного места, куда бы оно могло собраться, и где, наконец, условия хозяйства и жизни отдельных хозяев настолько индивидуализованы и не об'единены, что сосед про многое относительно соседа не может знать, а потому и не может судить о верности или неверности его показаний о том или другом.

Прежде, однако, опроса отдельных домохозяев проверялось общее количество дворов в селении, дабы избежать пропуска посторонних, не приписанных, или же и приписанных, но отсутствующих, которые не везде попадали в переписные списки, по крайней мере, в третий экземпляр их, с которым приходилось иметь дело. В случае таких пропусков приходилось прежде всего отметить пропущенный двор на отдельной новой карточке; то же приходилось делать для двора, вновь образовавшегося путем раздела после переписи 1897 г. Только этим можно было гарантировать отсутствие пропусков, при чем и тут важно было присутствие, если не всех, то многих домохозяев данного селения, так как иногда легко было пропустить, невнесенную в переписной лист какую-либо бобылку, живущую „на задах", а сосед ее напомнит о ней *).

По установлении указанным путем числа дворов, числа подворных карточек, по которым нужно произвести опрос, начинался уже опрос отдельных домохозяев. При этом прежде всего проверялись и в случае надобности исправлялись и дополнялись по каждому двору сведения о населении, занесенные уже на подворную карточку. Дело в том, что со времени переписи 1897 г. во многих дворах могли произойти и действительно произошли такие изменения в составе населения, что без исправления и дополнения данных переписи нельзя было производить и остального опроса. Так, нередко домохозяином оказывалось уже не то лицо, которое значилось по переписи. Оно умерло и, значит, надо было переменить наименование домохозяина, а это влекло за собой и другие перемены: жену умершего уже надо было отметить не замужней, а вдовой, сына его—не сыном главы семьи, а хозяином, умершего вычеркнуть, чтобы установить таким образом правильный состав семьи. Нередки были перемены и по отношению к другим членам семьи: сын женился, и его надо отметить женатым, а жену его прибавить к числу жителей данного двора и селения; дочь вышла замуж в другую деревню, и ее надо отсюда вычеркнуть, равно как и других выбывших за смертью или по другим причинам; наоборот, родившихся и вообще вошедших в семью после переписи 1897 г. надо было включить. При этом, однако, во избежание недоразумения необходимо было все эти изменения и дополнения вносить таким способом, чтобы ясно было видно, что они внесены статистиком при местном обследовании. По отношению к выбывшим это делалось простым зачеркиванием выбывшего с отметкой причины выбытия (умер, вышла замуж, отделился и т. д.); что же касается вновь прибывших членов, то они записывались на карточку

*) Сказанное несколько раньше о необходимости иметь в виду *особенности* условий собирания сведений в разных отдельных местностях относится и к тому, что говорится здесь, а равно поясняет, почему я считаю нужным и здесь сказать о том, как приходилось считаться с невозможностью произвести непосредственно перепись населения при местном обследовании.

после лиц, уже занесенных из переписи 1897 г., при чем записанные отделялись от внесенных ранее чертой, проводившейся под всеми внесенными волостным правлением; этим путем совершенно наглядно определялось, что все, записанные под чертой, внесены при местном обследовании; это имело большое значение потом, при исправлении возрастов, о чем будет сказано ниже.

Для дворов, о которых не имелось переписных листов и на которые составлялись новые карточки, сведения о населении собирались уже путем опроса или самого домохозяина или же, если это был двор отсутствующий, то его соседей. Всем этим устанавливались, исправлялись и дополнялись сведения о населении по переписи 1897 года. Все остальные сведения, относящиеся к данному двору, начиная с сведений о занятиях и грамотности каждого лица, получались уже путем непосредственного опроса на местах и относятся к населению и дворам, установленным окончательно при местном обследованиии. Но так как местное обследование начато было в мае 1898 г., а окончено к июню 1900 г., то и сведения, как о населении, так и все другие, относятся для отдельных местностей и селений к различным моментам в пределах указанных двух лет.

Установить количество и состав населения каждого двора необходимо было для хозяйственного описания, производившегося в оценочных целях. Но этими сведениями о населении тотчас же пожелало воспользоваться санитарное отделение управы; немедленно же они потребовались и для выяснения числа детей школьного возраста. Для тех и других целей необходимо было делать выборки о каждом *лице* отдельно, для чего подворные карточки не представляли достаточных удобств, так как на каждой карточке выписывались все члены семьи, так что по отношению к населению подворная карточка являлась списком, весьма затруднявшим и замедлявшим выборки об отдельных лицах *). Между тем, такие выборки были необходимы и для выяснения промысловых занятий населения. В виду всего этого для успешности разработки данных о населении решено было все сведения, относящиеся к лицу, перенести с подворной карточки на отдельную личную карточку **) для каждого лица, входящего в состав двора. Так как предварительный общий подсчет мужского и женского населения по каждому уезду был сделан, то для ускорения и удобства дальнейшей разработки были отпечатаны для мужского и женского населения личные карточки разного цвета, при чем были отпечатаны и названия уездов, по числу определившихся в них жителей. Для возможности комбинации этих сведений с подворными данными на личной карточке отмечались не только названия волости и селения, но и № двора, а также и число лиц в нем мужского и женского пола. В видах опять-таки ускорения переноса сведений на личные карточки название волостей и селений не писалось, а штемпелем выбивался № волости и селения. Возможно это было потому, что уже заранее к каждой волости в уезде был приурочен свой нумер (римской цифрой) и к каждому селению тоже (арабской цифрой). Затем все, относящиеся к двору или к лицу обозначения, которые можно только было заранее отпечатать, были также отпечатаны на карточке для того, чтобы их не переписывать на личную карточку, а только подчеркивать на ней соответственно тому, что значилось для данного лица на подворной карточке. Таким образом обозначения положения лица в хозяйстве (хозяин, сын и т. д.) были отпечатаны и только подчеркивались; заранее были отпечатаны и тоже только подчеркивались

*) См. приложение 3-е.

**) См. приложение 2-е.

указания, из какого двора данное лицо: приписного, наличного, отсутствующего или постороннего. При этом на каждой подворной карточке уже заранее было отмечено, каким значится этот двор, т.-е. наличным или отсутствующим, и т. д. При этих условиях лицо, переносившее сведения на личную карточку, имело перед собой, с одной стороны, подворную карточку, с другой—бланки личных карточек, на которых было уже отпечатано название уезда, проставлены штемпелем №№ волости и селения по числу жителей этого селения; следовательно, этих отметок делать переписчику уже не приходилось и, кроме того, в числе отштемпелеванных карточек заключался уже контроль на случай пропуска какого-либо лица. Глядя затем в подворную карточку, переписчику приходилось большинство сведений о нем подчеркивать в личной карточке и *вписывать* лишь: возраст, место приписки, место жительства, род промысловых занятий, их место, время года и продолжительность, а также число мужчин и женщин в дворе.

При таких условиях перенесение с подворных карточек на личные сведений, касающихся лица, сделано было довольно быстро. В течение часа могло составляться около ста личных карточек.

Однако для такого переноса сведений нельзя было воспользоваться подворными карточками прямо в том виде, как они были привезены из местных обследований. Дело в том, что возраст лиц, зарегистрованных при переписи 1897 г., был перенесен на подворные карточки из переписных листов и, следовательно, значился для 1897 г.; возраст же лиц, занесенных на карточки при подворном обследовании, относился ко 2-й половине 1898 г., к 1899 г. и к 1-й половине 1900 г Поэтому, чтобы иметь возможность по каждому уезду правильно установить распределение населения по возрастам, что было необходимо для различных земских целей, надо было привести возрасты, показанные по переписи 1897 г. и по нашей переписи, к одному моменту времени и при том к более позднему, т.-е. к моменту местного обследования. Иначе даже возраст лиц, находившихся в одном и том же дворе, но записанный для одних лиц по данным переписи 1897 г., а для других по нашей, не допускал бы сравнения, так как разница в возрасте двух лиц (напр., невестки, включенной нами, и сына, включенного переписью 1897 г.) могла происходить от того, что они зарегистрованы в разное время. Отсюда явилась необходимость предварительно перенесения данных на личные карточки сделать в подворных исправления возрастов, т.-е. возраст лиц, записанных на подворные карточки по переписи 1897 г., заменить возрастом, который они имели к моменту местного обследования. Так как местное обследование было начато слишком через год после переписи 1897 года, то к моменту земско-статистической переписи возраст, отмеченный в 1897 г., возрос более чем на 1 год. Следовательно, надо было прибавить к возрасту по переписи 1897 г. более одного года. Но так как возрасты у нас отмечались не по месяцам, а за полный год, то приходилось уже прибавлять в этом случае 2 года, чтобы привести возраст переписи 1897 г. в соответствие с возрастом лиц, записанных в момент земско-статистической регистрации. Важно было бы, конечно, привести все возрасты к одному моменту, т.-е. независимо от того, производилось-ли обследование в данной местности в 1898 или 1900 году. Но таким моментом могла бы быть лишь перепись 1897 г; взять его, однако, нельзя было, так как многие, записанные у нас, в то время еще не существовали и, наоборот, многие, значащиеся по переписи 1897 г., уже исчезли. Взять же позднейший момент—1900 г. тоже нельзя было, так как это значило бы искусственно подгонять состав населения по записи в 1898 г. к 1900 г., когда он тоже мог уже измениться. Приходилось огра-

личиться тем, чтобы внутри каждого года нашего обследования, население, которое застал момент обследования, было приведено по его возрастному составу в правильное соответствие с тем, которое отмечено по переписи 1897 года. Вследствие этого и пришлось по уездам, где местное обследование производилось в 1898 году, для записанных по переписи 1897 г. прибавлять к их возрасту 2 года, а по уездам, где обследование производилось после 1898 г.,—3 года, так как в этом последнем случае для них протекло с момента переписи 1897 г. более 2-х лет (весь 1897, весь 1898 г. и часть 1899). Исправление это на подворных карточках делалось в виде надписания над проставленным ранее возрастом возраста исправленного и притом чернилами другого цвета; вместе с тем для облегчения работы при перенесении на личные карточки надписание это делалось для лиц мужского пола красными, женского — синими чернилами, так что сразу видно было и различие по полам; чтобы выдержать однообразие и облегчить безошибочность переноса сведений с подворных на личные карточки, возрасты лиц, вновь записанных, т.-е. не значившихся при переписи 1897 г., подчеркнуты были у мужчин тоже красным, а у женщин синим карандашом.

Все приведенные указания, как приходилось поступать вследствие того, что подворное обследование не было соединено с непосредственной переписью населения, а также должно было растянуться на два года, хотя и имеют непосредственное значение лишь для пояснения составлявшихся по Московской губ. определенных таблиц и потому как будто бы лишены общего значения,— я оставляю, однако, здесь. Делаю это, во-первых, в виду того, что указано и раньше, а именно, чтобы укрепить ту мысль, что в деле всей постановки и организации статистических обследований, нельзя руководиться каким либо общим, шаблонным планом, а необходимо *каждый раз* продумать и выяснить *самостоятельно* все детали данного статистического обследования при данных условиях. Второе основание, чтобы оставить здесь пояснение того, что имеет значение исключительно для тех условий, при которых приходилось производить местное обследование в Московской губернии в 1898 — 1900 гг., заключается в том, что это поясняет необходимость соблюдения определенных методологических требований и указывает на необходимость выработки методологических приемов, соответствующих данному статистическому материалу и условиям его собирания. Это имеется в виду и в некоторых других, последующих местах настоящего пособия.

Из сказанного относительно исправления состава двора во время собирания сведений и исправления возрастов для обработки материала видно, что необходимость в таком предварительном исправлении материала, на что ушло очень много времени и внимания, вызвана была исключительно тем, что мы поставлены были в невозможность производить перепись населения во время местного обследования. При этом не трудно видеть, что самое производство местного обследования вовсе не ускорилось от того, что на наших карточках население было уже записано; передопросы о многих лицах, исправления и дополнения все-таки надо было делать и во время обследования, что отнимало почти такое же время, как если бы прямо опрашивать население, а затем и после того понадобились упомянутые исправления возрастов, давшие все-таки материал не той точности, какая была бы, если бы возраст записывался прямо на месте во время местного статистического обследования. Независимо от этого, такое отделение одной переписи от другой отразилось весьма заметным образом и на части ре-

зультатов, а именно—на точности подсчета грамотных и неграмотных. При переписи 1897 г. лицу показано было 5 или 6 лет, напр.; в таком случае вопрос о том, учится он или нет, мог быть и не поставлен, просто, чтобы не возбуждать смеха вопросом об обучении грамоте 5-летнего, а между тем в момент обследования он мог быть уже учащимся. Вследствие этого общее число учащихся вышло, несомненно, ниже действительного. Уменьшение это должно быть сильнее для тех уездов, где обследование производилось не в 1898, а в 1899 и 1900 гг. Кроме того, не пришлось отделить грамотных от учащихся в силу того, что население часто само затруднялось сказать во время обследования в неучебное время, будет ли еще ходить в школу то или другое лицо и, следовательно, считать ли его учащимся или нет, хотя оно уже грамотно. При этих условиях отделение учащихся от грамотных было бы более или менее произвольным.

В заключение сказанного о произведенных исправлениях отметим еще, что в силу растяжения собирания сведений на два года, распределение населения по возрастам, установленное по нашим данным, не может считаться настолько точным, как при однодневной переписи, но все же за два года не могло произойти таких изменений, чтобы нельзя было пользоваться полученными данными для практических целей; тут не может быть опасения, чтобы установленное по нашим данным отношение различных возрастных групп населения отступало от действительности сколько-нибудь заметным образом.

Описав, каким путем были получены и выравнены данные о населении обратимся теперь к 6—18 графам таблиц, в которые включены они. Здесь имело интерес и значение включить для сравнения сведения о населении по X ревизии и по следующим переписям в Московской губернии. Но, во 1-х, эти сведения имеются уже в предшествующих сборниках, что дает возможность произвести сравнение по каждому селению; во 2-х, такие же сравнения важны и для других отделов таблицы. Если бы поэтому руководствоваться соображениями об удобствах сравнения, то пришлось бы перепечатывать из прежних обследований данные и по многим другим отделам. В таком случае таблицы грозили бы принять весьма значительное протяжение и утратить всякую наглядность. Между тем сравнение данных о населении, как и многих других, исключая особых, специальных надобностей, имеет с общестатистической точки зрения значение только тогда, когда оно произведено по целым группам селений, обнимает собою данные массового характера, а потому с этой точки зрения приводить прежние, так сказать, исторические сведения по каждому селению представлялось недостаточно обоснованным. Имея все это в виду, и решено было придержаться в предлагаемых пообщинных таблицах исключительно данных, относящихся к моменту обследования, не приводя прежних сведений и по другим отделам.

Обращаясь теперь к выяснению значения данных каждой из граф IV отдела, остановимся прежде всего на гр. 9—14 (приписное население). Основные данные об этом населении, как уже было сказано, взяты из переписи 1897 г. При этом, однако, из такого приписного населения часть, и иногда очень значительная, отсутствует всей семьей, сохраняя с своим обществом лишь формальную связь; есть и такие, которые, хотя и имеют избу, но тоже не живут здесь или же ограничиваются весьма редкими наездами и на очень краткий срок, при чем обычно не имеют никакого посева и вообще земледельческого хозяйства. Это фактическое положение необходимо было установить в таблицах, что и выражено в гр. 12—14. При этом отсутствующими семьями считались не только такие, которые годами не бывают в своем селении и иногда даже неизвестно где находятся,

но и такие, которые приезжают на несколько летних месяцев (менее 6) и не для работ, а „как бы на дачу", при чем обычно в определении того, является ли данная семья отсутствующей, т.-е. не сохраняющей с населением своего общества никакой или почти никакой связи, нами придавался большой вес тому, как определяет такую семью *само население*. Вообще можно сказать, что в числе отсутствующих значатся те семьи, которые в момент обследования действительно были такими, если только это отсутствие не было экстренным, случайным, а являлось обычным по указанию самого населения.

Здесь не лишнее отметить, что при классификации различных явлений мы вообще считали нужным исходить из тех *определений, которые давало само население*. Взгляд населения представляет обыкновенно отражение того, что дает сама действительность, которую именно и требуется характеризовать. Поэтому вместо искусственного, выведенного из каких-либо условных соображений определения того, что такое отсутствующее население, правильнее держаться того взгляда, который проявляет в этом отношении само население. Этой точки зрения мы держались и в остальных случаях, вводя, конечно, в эти определения те поправки, какие необходимо было, чтобы выдержать повсюду одно основание для разграничивания тех или других явлений.

Обращаясь теперь к отсутствующему населению, необходимо еще отметить, что нередко члены данной общины могли сообщить весьма немногое о своих отсутствующих однообществениках, и по отношению к некоторым из таких семей данные о количестве и составе их населения можно признать лишь приблизительно точными; впрочем, мы можем с полною уверенностью сказать, что таких неполных отметок о составе отсутствующих семей очень немного, да и в селениях, где приходилось довольствоваться такими неполными отметками, они касались обыкновенно одной, много — двух семей; эта редкость неполных сведений об отсутствующих об'ясняется тем, что почти всегда кто-либо из наличных семей, а нередко и все наличные семьи, сохраняют с отсутствующими ту или иную связь: или сами навещают их, или кто-либо из отсутствующих нет, нет да и наведается в свою деревню, и таким образом имеются все сведения об изменениях, происшедших в составе, положении отсутствующей семьи, ее занятиях, месте жительства и т. д.

Отметить число отсутствующих семей и их численный состав важно: 1) потому, что количество их в отношении ко всему приписному населению является характерным или как признак или как одно из условий экономического положения данной общины, 2) для земства не безразлично и в других отношениях знать число их, так как сохраняемая ими формальная связь с своим обществом дает повод и к фактическому проявлению ее, в силу чего земство не может совершенно выбрасывать из своихъ соображений это отсутствующее население. Дальнейшая характеристика состава и условий существования таких отколовшихся членов общины имеет большое значение в том отношении, что способствует выяснению более общих экономических условий жизни этой части крестьянского населения Московской губ. Но для этой характеристики должны быть выработаны особые таблицы с иными рубриками, чем для наличного населения, и потому в дальнейших графах напечатанных теперь таблиц по отношению к отсутствующему населению дано только количество принадлежащих им изб (гр 23). Это указание необходимо было, чтобы отсутствием его не повредить правильному представлению о размерах поселка и в то же время избавить от ошибки приписать все число изб одним наличным семьям. Кроме того, в гр. 49 показано число

необрабатывающих землю из числа отсутствующих. Это необходимо было указать, так как среди них есть и такие, которые берут надельную землю, т.-е. не совсем еще порвали с своим селением, что, впрочем, приходится сказать и о тех из них, которые имеют избы. Более подробно основания, по которым в таблице приведены сведения об необрабатывающих землю среди отсутствующих, будут приведены в своем месте.

Что касается гр. 9—11, содержащих сведения о приписных наличных семьях, то они также требуют пояснения. Прежде всего надо сказать, что такие семьи должны быть выделены из всего состава приписного населения, так как они представляют собою обычно не просто только семьи, сохранившие связь с общиной, но и такое приписное население, которое сохранило или стремится сохранить свое земледельческое хозяйство, чем оно и отличается от других слоев сельского населения. При этом, однако, необходимо решить вопрос: что такое наличная семья? В состав ее входит иногда больше 15 лиц, а в то же время налицо их очень немного. Останавливаясь на этом вопросе, мы, во избежание произвольного и искусственного толкования, также придерживались того взгляда, которого в этом отношении держится население, и соответственно тому считали наличною семьей каждую, из состава которой кто-либо, хотя бы одно лицо, *имеет в данном селении постоянную оседлость, и при том как самостоятельное лицо*, а не на положении лица, живущего, напр., в семье своего опекуна. В силу этого семья, в которой 8 членов, напр., но из них двое или более постоянно отсутствуют, считалась наличною семьей, и в ней считалось нами то число лиц мужского и женского пола, которое причисляется к ней, т.-е. все 8. Так как, однако, в действительности не все они наличные, то в гр. 9 мы пишем: „наличных семей", а в гр. 10 и 11 говорим: „в них наличных и отсутствующих", чтобы тем самым оттенить, что не все число членов этой семьи находится налицо, хотя семью и надо считать наличной и имеющей столько-то лиц, причисляемых к ней.

Но при современных условиях деревни вообще, а в Московской губернии, может быть, более, чем где-либо, нельзя было для характеристики состава данного населенного пункта ограничиться лишь приписным населением. Во многих селениях население не приписное, но постороннее представляет, однако, обычное явление, живет тут постоянно, или имея землю или арендуя ее, или имея хозяйство или промысел, или же в качестве рабочих промысловых, сельско-хозяйственных, жильцов-одиночек и т. п. Рабочих мы вводили в счет постороннего населения лишь годовых; летние рабочие (3—4 мес.) в счет постороннего населения не вводились в наши таблицы. Питомцы Воспитательного Дома числились в составе населения того *наличного* двора, которым они приняты. Если же они достигли уже возраста, когда подлежат приписке, то числились посторонними, если только не были уже приписаны к данному селению или волости. В последнем случае они также попадали в состав приписного наличного. Отметить число постороннего населения было необходимо, чтобы дать правильное представление о населенности данного пункта. Помимо своего значения в разных отношениях, это важно было и для земства, которое должно во всех своих мероприятиях считаться с наличностью, количеством и составом всего населения, а следовательно, и постороннего, живущего здесь.

Но относительно этого населения мы должны оговориться, что в подсчете его есть различного рода дефекты. Дело в том, что, как это уже и отмечено выше, собственно перепись населения не была допущена, и данных о постороннем

населении в третьих экземплярах переписных листов не было. Обращаться же к постороннему населению непосредственно можно было только в том случае, если оно находилось налицо. Если же его не было дома, то сведения о нем приходилось собирать от других лиц, не тревожа его специально для опроса. Других же сведений о таком населении во многих случаях и не приходилось собирать, так как часто оно имело здесь лиш квартиру и больше ничего. И вот в наиболее крупных поселках, в особенности расположенных поблизости фабрик, значительная часть постороннего населения обычно была вне дома, на работе. В таких случаях, хотя и делался подворный обход, где могут быть жильцы, но и войдя в дом, приходилось довольствоваться показанием квартирохозяев, что у них живет столько-то лиц; при этом квартирохозяева не всегда даже могли сказать, сколько из числа квартирантов мужчин и сколько женщин, не говоря уже о возрасте. В силу этого гр. 15 и 16 показывают лишь то число посторонних, о которых при регистрации были даны сведения о составе их по полу. Затем в этих таблицах, где имелось в виду установить общее количество населения данного пункта, по отношению к посторонним не установлено число семей, и вот почему. В составе такого населения много одиночек, принадлежащих к семье, не имеющей местожительства здесь, и не представляющих собою в хозяйственном и, так сказать, в бытовом отношении чего-либо самостоятельного. В силу этого среди постороннего населения приходится различать, во-первых, семьи с составом принадлежащих к ним лиц, а, во-вторых, одиночек. Определить, сколько тех и других, весьма существенно для характеристики постороннего населения, но в связи с этим надо было бы выяснить и другие различия в условиях жизни семейных и одиночек, иначе это различие не дало бы ничего. Для постороннего населения необходимо выработать особые таблицы, в которые должны войти те признаки, отметить которые существенно именно для постороннего населения. Вводить же лишь некоторые признаки, при невозможности ввести для постороннего населения в данные таблицы все необходимые признаки, являлось недостаточно обоснованным. Поэтому в описываемые таблицы о постороннем населении введено только то, что необходимо для определения общего количества населения, не останавливаясь уже на делении посторонних на семейных и одиноких; введено только число лиц, без обозначения числа семей. Из других сведений, касающихся постороннего населения, приводятся лишь сведения о числе посторонних семей, имеющих избы (гр. 24), да еще только (в графах 75 и 76) количество крупного скота у посторонних, чтобы дать сведения о всем количестве скота в поселении. Далее, по отношению к постороннему населению необходимо отметить, что возможно было ввести только то население, которое живет вне фабричного двора; даже за полноту подсчета того населения, которое ютится в избах местных жителей и вообще вне фабричного двора и его корпусов, нельзя поручиться, так как нередко приходилось от хозяев получать ответы лишь приблизительные: „человек 20, а может быть и поболее, кто их знает, может и не наберется 20, а так около того есть“. Точно так же относительно такого рода поселков, которые имеют дачный характер, приходилось установлять количество постороннего (в смысле не приписного) населения только более или менее постоянного, совсем не касаясь дачного. При таких условиях постороннее население в общем подсчете является преуменьшенным и, главным образом, для тех населенных пунктов, где оно наиболее характерно, т.-е. где оно довольно значительно, и это, конечно, представляет очень существенный недостаток. Но с другой стороны публикуемые

данные представляют для Московской губернии первый случай опубликования цифры постороннего населения по каждому селению, и отмеченные выше пропуски, имевшие место именно для крупных пунктов, не способны, по крайней мере, местных лиц ввести в заблуждение. Местные лица, взглянув в таблицу, сразу увидят, что в таких, всем известных, крупных пунктах зарегистровано далеко не все население, и уяснят себе сразу, что регистрация коснулась в дачных, напр., пунктах лишь такого постороннего населения, которое представляет собою постоянное, а не текущее и переходящее. Но с другой стороны, отметка количества постороннего населения по отношению к каждой общине показывает, насколько является распространенною в Московской губернии наличность постоянного постороннего населения даже в таких общинах, которые ничем не выделяются. По отношению именно к этим последним общинам, представляющим подавляющее большинство, наши данные, и притом опубликовываемые впервые, представляют всю ту степень точности, которая только достижима при современном состоянии статистической техники. При таких условиях, при возможности определить те немногие пункты, где текущее постороннее население не досчитано, при возможности определить приблизительную цифру этого недочета, возможно иметь правильное представление и о количестве постороннего населения и о распределении его по территории волости, уезда, губернии. Возможно, следовательно, и сопоставление этого фактора с другими и выяснение распространенности, значения его и условий, вызывающих там и тут наличность такого населения.

Следует еще заметить, что по отношению к каждой общине мы считали посторонними лиц, живущих в ней, но не входящих в состав ее, не приписанных именно к ней, хотя бы они были той же волости и принадлежали (по приписке) к составу соседней общины. В итоге по волости такие лица не могли считаться посторонними для волости, так как они приписаны к ней, и поэтому для правильного итога по волости пришлось определить число таких посторонних для селений лиц, которые не являются посторонними для волости. В силу этого в гр. 15 и 16 и значится по волости два итога: один ариѳметический, представляющий простой подсчет числа посторонних по общинам, другой, напечатанный курсивом и в скобках, означает число лиц, посторонних данной волости, т.-е. полученное путем вычитания тех, которые, хотя и являются посторонними для данной общины, но приписаны к той же волости.

После этих об'яснений можно перейти к об'яснению гр. 6—8, заключающих данные об *обычном* населении. Что понималось под этим термином? Помимо значения для земства сведений о наличном, отсутствующем и постороннем населении, о чем сказано выше, для земства имело специальное значение знать, как велико и как распределяется то население, которое является более или менее постоянным, с интересами и потребностями которого ему приходится считаться обычно, так сказать, ежедневно. Определить это обычное население для Московской губернии представлялось в данных таблицах тем более существенным, что раньше этого не делалось, а между тем, при наличности в Московской губернии значительного числа посторонних и при большом количестве отсутствующих, цифры *обычного* населения далеко не совпадают с простым подсчетом или суммированием разных разрядов населения. К такому обычному населению, очевидно, надо было отнести все постороннее, живущее в данной местности постоянно, т.-е. большую часть года, затем, из приписного населения, и притом только наличных дворов, к составу такого обычного населения нельзя

причислять тех, которые в действительности постоянно отсутствуют, хотя и сохраняют связь с своей семьей. В силу этого в состав обычного населения мы включили: из неприписного—все зарегистрованное нами постороннее, а из приписного—население, принадлежащее к составу наличных дворов, за вычетом из него тех лиц, которые в течение всего года (12 мес.) живут на стороне. Но среди постороннего населения, как указано выше, сосчитано много лиц, о которых было дано только указание, что их столько-то, при чем неизвестно было, сколько среди них мужчин и сколько женщин. Исключить их из подсчета—значило бы для некоторых пунктов значительно умалить количество населения. Поэтому в гр. 7 и 8 мы выставили то число обычного населения, состав которого по полу известен, почему и в заголовке этих граф поставлено: „с обозначением пола". В графе же 6-ой поставили не просто итог гр. 7 и 8, а прибавили к нему и то число посторонних, которое, за отсутствием разделения по полу, не могло войти ни в 7-ю, ни в 8-ю графы. Соответственно этому и в гр. 15 и 16 значится только то число посторонних, состав которых по полу установлен. Из сравнения, однако, итогов мужского и женского пола с цифрой гр. 6-ой: „всего" видно, что населения, состав которого по полу не зарегистрован, весьма немного и лишь в немногих пунктах *). Чтобы нагляднее отметить, что гр. 6 не составляет просто итога гр. 7 и 8, цифры 6 гр. набраны курсивом.

Определив таким образом в гр. 6—16 общее количество населения в данном поселке и состав его по полу и по степени связи с поселком, мы в гр. 17—20 даем выделение населения в рабочем возрасте и грамотного только для лиц, входящих в состав приписных наличных семей. Ограничиваемся здесь приписными наличными семьями отчасти потому, что только для них имеем эти данные надлежащей точности, так как для лиц отсутствующих семей из приписных и для посторонних не всегда можно было установить их возраст, тем паче грамотность, что совершенно понятно, если иметь в виду, что иногда приходилось ограничиваться просто отметкой о числе лиц. Но есть и другая причина, в силу которой в этих таблицах число лиц рабочего возраста установлено только для приписного наличного населения. Для характеристики условий жизни и быта населения отсутствующих дворов и постороннего необходимы особые таблицы, в которых должны быть и рубрики другие, просто уже в силу отличия их условий существования, основных занятий и т. п., от тех условий, в которых находится население наличных дворов, сидящих, так сказать, на своем наделе. Предлагаемые же таблицы, имея в виду дать, с одной стороны, число населенных пунктов, приуроченных по преимуществу к крестьянскому населению и представляющих собою совокупность ряда хозяйств, а также определить численный состав

---

*) Необходимо еще заметить, что в некоторых очень исключительных и редких случаях в таблицах и по отношению к наличному населению встречается неполнота указаний о составе населения по полу Произошло это по следующей причине. В подворной карточке всчед за графой о положении лица в семье стоит графа для отметки пола буквами „м" и „ж". При разработке материала иногда трудно было различить, что написано: „ж" или „м". Если перед этим стояло, что это отец, мать, сестра, сын и т. п., то вопроса о принадлежности к тому или иному полу, конечно, и не возникало; но если перед этим значилось: „работн.", „племян.", то решить, значит ли это работник или работница, племянник или племянница и т. п., было не всегда возможно, и тогда пол записанного оставался неизвестным; в таких случаях в гр. 6: „всего обычного населения" тоже приходилось по этой причине ставить не итог гр. 7 и 8, а прибавлять к нему тех лиц из приписного наличного населения, пол которых не установлен, но число которых известно. Однако такие случаи совершенно исключительные.

и величину этих пунктов, затем, во всем остальном имеют своей задачей сгруппировать основные сведения, характеризующие экономические условия того населения, которое представляется по преимуществу земледельческим, сидящим на своем земельном наделе, а это и есть наличные семьи приписного населения.

Соответственно этой задаче—характеризовать экономические условия жизни этого населения—и выделено здесь лишь для него население рабочего возраста, и притом работоспособное, почему из числа лиц в рабочем возрасте выделены все калеки, неспособные к труду, находящиеся в рабочем возрасте, а также все солдаты на службе, являющиеся не работниками, не добытчиками. Здесь имеется в виду, таким образом, определить количество населения в рабочем возрасте не с демографической, а экономической точки зрения—трудоспособное. Соответственно этому и рабочий возраст определен не в тех пределах, как это принимается обыкновенно при изучении возрастного состава населения (от 20 л.), а так, как его принимает население, т.-е. для мужчин от 18 до 60 л., для женщин от 16 до 55 лет. Но так как число нетрудоспособного населения среди лиц рабочего возраста имеет свой самостоятельный интерес даже и с экономической точки зрения, то по каждой волости оно и показано в особом примечании.

Что касается количества грамотных и учащихся (гр. 19 и 20), которые неразделены по причинам, указанным выше, то хотя эти данные для характеристики экономического положения могут служить лишь весьма условно, но они имеют самостоятельное весьма существенное значение, и потому представлялось весьма важным не поскупиться для них на две лишние графы таблицы.

Глава IV.—Постройки. Отопление.

Установив количество и состав населения в указанных пределах, последовательно было перейти к квартирам, в которых живет население—к постройкам, почему вслед за этим и идет отд. V—постройки.

Соответственно подразделениям отд. IV, и здесь, в V отделе, дается все число изб и затем число семей, имеющих избы, по установленным уже подразделениям населения (гр. 21—24).

Ограничиться простым указанием числа изб было недостаточно, так как иные семьи имеют более одной избы; необходимо было поэтому определить и число семей различных разрядов населения, чтобы можно было видеть и число семей, не имеющих изб, откуда выясняется также и то, насколько число изб превышает число семей, имеющих избы. При этом необходимо было отметить семьи отсутствующих и посторонних, имеющих избы, чтобы выделить тем и обеспеченность избами наличных семей. Встречаются, однако, случаи (хотя и очень редкие), что в данном селении постороннего населения не числится, а число семей из посторонних, имеющих избы, отмечено (гр. 24). Это бывает в тех селениях, где постороннее население, хотя и имеет избы в данном селении, но оставило его, не живет в нем: тогда в счет населения оно у нас не попадало, а избы его всетаки были зарегистрованы.

Имела бы, конечно, значение и характеристика изб по материалу стен и крыш, но при преобладании деревянных, крытых соломой, строений наличность или многочисленность построек из иного материала явилась бы характерною лишь для очень немногих селений, а таблицы из-за этого пришлось бы удлинить для всех, в ущерб наглядности. Кроме того, было принято в соображение и то, что материал этот для каждого отдельного селения имелся в страховых ведо-

мостях, чем и можно было пользоваться всегда для справок и сопоставлений по отдельным селениям. Важно, конечно, комбинировать эти данные с другими сведениями о тех же дворах, возможность чего дается нашим материалом. С этой точки зрения,—конечно, независимо от данных страховых ведомостей,—имеет значение и наша разработка построек по материалу и проч. Тогда это получает более общее значение и может характеризовать условия распространенности лучших построек, но для этого материал наш должен быть разработан уже не поселенно, а по районам, или же и прямо должны быть взяты дворы с постройками, крытыми железом, напр., и с этим сопоставлены другие сведения. Тогда получится обработка массового материала, которая действительно может дать что-либо существенное и которая нисколько не исключается опубликованием настоящих таблиц.

Только что сказанным имеется в виду дать некоторое указание на то, в каком направлении можно и должно разрабатывать заключающиеся далее в общих сводных таблицах материалы по отдельным сторонам жизни населения, чтобы дать то, что необходимо выяснить для правильного подхода к удовлетворению тех или других нужд населения и для установления определенных зависимостей и причин того или другого.

Более значения могло бы иметь указание на число изб различного размера, но это опять-таки имеет значение не столько по отдельным селениям, сколько по дворам, в связи опять-таки с другими сведениями и при суммировании их в массовый материал, а не при раздроблении их на единичные случаи по отдельным селениям. При этом, однако, представлялось крайне существенным дать здесь для приписных наличных семей, хотя бы путем более грубого приема, представление о жилищном просторе или, вернее, тесноте помещения. Это важно было и для характеристики экономических условий и в санитарном отношении. Поэтому и было решено дать в квадратных аршинах средний размер жилой зимней избы (гр. 25). Площадь вычислялась, конечно, *внутренняя*, т.-е. площадь пола. Для получения ее из наружного размера (8×8 арш., напр.) вычиталось у деревянных изб на углы по пол'аршину с каждой стороны у каждой стены, т.-е. скидывалось с длины и с ширины по аршину; для каменных изб (случаи исключительные) скидывалось на толщину стен по $1^1/_2$ аршина. Для двух'этажных изб (случаи тоже исключительные) вычислялась площадь каждого этажа отдельно и затем обе площади складывались для получения площади одной избы. Конечно, правильнее было бы брать кубическое содержание, но высоту мы не регистрировали и именно потому, что для крестьянских изб она довольно однообразна. Пределы ее колебания приходится принять от 3 до 4 аршин. При этих условиях, имея наши данные, всегда можно для несколько грубого определения кубической площади сделать соответствующее помножение, принимая указанные колебания высоты; необходимо только иметь в виду, что большей площади соответствует и большая высота. Изба, построенная из 7-ми или 8-миаршинных бревен (по наружному обмеру), никогда не имеет 4-х аршин высоты, а самое большее $3^1/_2$, и наоборот, изба 12×12 арш. имеет не менее $3^1/_2$ арш. и до 4 арш. *внутренней* высоты.

Брали мы внутреннюю площадь именно зимней избы, так как, конечно, размер жилого помещения имеет большое значение для этого времени года, в особенности, если в избе помещаются вместе с людьми и овцы и телята, а весьма нередко и коровы. Если семья имеет две избы, из которых служит в зимнее время жильем лишь одна, то брался размер лишь этой последней. Размеры всех таких

изб в селении суммировались и сумма делилась на число взятых размеров. Конечно, в тех сравнительно редких случаях, когда избы отдельных хозяев слишком резко отличаются по размерам, приводимые средние не характерны и мало что говорят. Но в большинстве случаев в каждом почти селении преобладают избы, отличающиеся по размерам в небольших сравнительно пределах (от 6 до 10 арш. кругом), при чем преобладание выпадает на долю какого-либо одного размера: 7-ми—или 8-миаршинного, напр. Для всех таких случаев—а их подавляющее большинство—наши средние, при сопоставлении с величиной приписных наличных семей для селения, указывают уже довольно определенно, где живут просторнее и где теснее.

В частности, для характеристики состояния земледелия введено еще число холостых построек (гр. 26), так как необходимость в них и число их обусловливается тем, имеет ли, и в каком количестве, население продукты земледелия, для хранения которых нужны амбары, сараи и т. п. При этом в число холостых построек мы нигде не включили погреба, частью потому, что для состояния земледелия они не характерны, частью потому, что при самой регистрации была внесена некоторая неясность в то, что считать погребом, и в силу этого по некоторым местностям то, что регистрировалось одним как погреб, не регистрировалось другим, и поэтому разница в числе погребов там и тут иногда обусловливается не фактическим различием, а различием в способе регистрации. Если бы при этом условии мы внесли погреба в общий итог холостых построек, то не только дали бы повод другим сравнивать неоднородные величины, отчего получались бы неверные выводы, но могли бы и самих себя ввести в заблуждение. Под холостыми постройками не подразумевались также и дворовые ограды. Их нельзя было ввести уже и потому, что понятие двора в смысле дворовой ограды для разных мест губернии весьма неоднородно в зависимости нередко лишь от условия снабжения лесом для построек и дороговизны его. То, что назвали бы двором в Богородском, напр., уезде,—вряд ли бы заслужило то же название в Волоколамском у. Для правильного сопоставления пришлось бы подсчитывать не просто число изб с дворами, но еще и по различию понятия—двор, а это черезчур усложнило бы таблицы и притом по такому признаку, который характеризует то же, что определяется и многими другими, более существенными, признаками, внесенными в наши таблицы.

Остановившись на постройках, да еще на величине площади зимнего жилья, естественно было к ним же приурочить данные об отоплении, характерные и для экономических условий. Отсюда и явилась постановка этих данных вслед за постройками. Ограничиться здесь указанием среднего расхода на протопление избы, что само по себе составляет очень ценное сведение, *) представлялось недостаточным, так как в каждом селении найдутся дворы, как обходящиеся без покупного топлива, так и такие, которые его покупают. Средний расход на протопление выводится, конечно, лишь для тех дворов, которые покупают топливо (этот вопрос ставился при подворной же переписи), а в таком случае два селения, в которых средний расход на протопление избы одинаков, да, может

*) Такого рода сведения, собранные при первом основном обследовании Московской губернии в 1876—78 гг., послужили для выяснения разницы в условиях засыпки зерна в хлебозапасные магазины по различию среднего расхода на протопление одной избы в разных уездах. Они обнаружили существование определенной связи между расходом на протопление и распространенностью засыпки зерна сыромолотого или подвергнутого овинной или рижной сушке (см. т. X. Сборн. стат. свед. по Московской губ.,—Продовольственное дело, вып. I, отд. 2, стр. 207, М. 1890 г.).

быть, и средний размер зимней жилой избы оказался бы одинаковым, но в одном из которых покупают топливо во *всех* семьях, а в другом *лишь в трех, четырех*, — попали бы по этому признаку, так сказать, в одну группу, между тем в действительности условия обеспеченности большинства населения непокупным топливом в том и другом селении весьма различны. Так вот, чтобы не оставить это неотмеченным, в отделе VI, помимо гр. 28, проставлена и гр. 27, показывающая % дворов, покупающих топливо. Против селений, в которых обходятся своим (*непокупным*) топливом в гр. 27 и 28 проставлено тире (—). При этом, конечно, как основное явление, имелось в виду протопление древесным материалом и покупка с уплатою деньгами. Но условия жизни так многообразны, что никак не втискиваются в однообразные рамки, и вот пришлось для тех селений, где довольно распространено отопление торфом (Богородск. у.), отметить это особо, а именно—в гр. 27 печатать курсивом цифры, относящиеся к селениям, где на протопление идет торф, при чем против селений, где дворов, покупающих топливо, нет, а торфяное отопление добывается с собственного надела, в гр. 27 поставлены звездочки, чтобы не стереть все эти особенности.

Пришлось тут же отметить и другое. При покупке древесного топлива за него не всегда приходится расплачиваться деньгами. Есть местности, где оно отпускается за „отработки". Это тоже покупное топливо, но так как перевод его на деньги являлся бы искусственным, то его и необходимо было отметить, как покупное, но за тот особый вид расплаты, которую представляют „отработки", характеризующие определенные экономические условия; важно было *не стереть* эту особенность, и потому к селениям, где практикуется этот способ, сделаны особые примечания. Отметить это здесь, в настоящем пособии, необходимо опять таки с методологической точки зрения, чтобы ясно было, что дело статистики не только *обобщать*, но и определять отличия и особенности и давать отчетливое и правдивое представление *о разнообразии* условий действительности.

Глава V. Землевладение. Надельные и безнадельные семьи.

Так как земля для приписного крестьянского населения служит не только местом жительства, но и основным условием его земледельческих занятий, то данные о ней и размещены тотчас за данными о постройках и в начале остальных данных, характеризующих состояние земледелия. В этом отделе (VII) помещены сперва данные о *надельной* земле (гр. 29—40), как принадлежащей всей общине и в то же время имеющейся во всех крестьянских общинах, а затем две графы (41 и 42) уделены купчей земле, как дополняющей землевладение данной общины, чтобы указать всю землю, которою данная община пользуется как собственною.

Остановимся сперва на надельной земле. Важно не только общее количество земли, но и известное положение ее. 300 дес., расположенных в одном участке, во многих хозяйственных отношениях представляют далеко не одно и то же, что те же 300 дес., расположенных в 5 или 6 участках. Последнее явление по отношению к надельной земле далеко не редкость. В Беззубовской вол., напр. (Богородск. у), из 16 общин только в двух надел представляет по одному участку; есть община, надел которой расположен в 14 участках, у других — в 5, в 6, в 11; по Дорховской в. (того же уезда) нет ни одной общины, которая бы имела свою надельную землю в одном участке, то же в Теренинской в. (того же уезда) и т. д. В общем же по Богородскому у., напр., из 414 общин 193, т.-е.

46,6%, или немного менее половины всех общин, имеют надел, расположенный не в одном, а в нескольких участках, число которых доходит даже до 15 при 400 десятинах. Последний случай означает, что каждый участок *в среднем* занимает менее 27 дес., что при 58 надельных семьях в этом селении (д. Барская Запонорск. в. *), дает на семью в каждом участке менее $^1/_2$ дес. и лишь около $^1/_4$ дес. на душу (104 надельных душ) всех угодий. Такая раздробленность, вызываемая не стремлением уравнять всех по качеству и количеству земли, как то делается при общинном распределении ее, конечно, влияет на население лишь отягощающим образом. Влияние это выражается не в одном лишь неудобстве работ при такой разбросанности земли, но и в других последствиях ее. Разбросанность эта нередко ведет к необходимости со стороны населения арендовать участки земли, разделяющие его землю, и арендовать их только для того, чтобы иметь возможность попасть с одного участка своей земли на другой. К этому же нередко ведет и неправильная фигура надела, в середину которого, и часто в самой причудливой форме, врезываются чужие земли. К сожалению, табличная форма не позволяет вместить в нее выражение этого последнего явления, а между тем, не имея его в виду, нельзя иногда выяснить, что обусловливает в данном селении ту степень экономического упадка, которою оно превосходит соседнее селение, стоящее во всем остальном в сходных условиях.

Сказанным определяется значение того явления, которое отмечено в гр. 29 таблиц. Переходя теперь к другим графам этого отдела (VII), заключающим в себе данные об общем количестве земли и распределении ее по угодьям (графы 30—37), скажем предварительно, как установлялись эти данные.

До от'езда на местные обследования статистическим отделением в разных учреждениях были добыты документальные данные о землях, а также были сняты в различных учреждениях копии с планов крестьянских надельных и частновладельческих земель. С крестьянских надельных земель копии были добыты почти со всех; если их не удавалось почему-либо добыть ранее, то иные находились в волостных правлениях, иные на руках в крестьянских обществах. В конце-концов, таких копий не было только в редких исключительных случаях. Копии эти предварительно раскрашивались так, чтобы сделать наглядным расположение усадеб, дорог, различных угодий и т. д., что и давало возможность населению, вглядевшись в такую копию, легко определить расположение своего надела по отношению к местонахождению селения.

Останавливаю особое внимание на указанном приеме, который имеет особое значение в методологическом отношении, так как ведет к тому, чтобы ознакомить наиболее конкретно население с задачами, целям и значением статистических обследований. Как показала в данном случае практика, население относилось особенно живо к картам и планам его надела, придавало серьезное значение статистическому обследованию и заинтересовывалось им, так как усматривало из этого совершенно определенно и ясно, что статистическое обследование имеет особое значение для выяснения его нужд и интересов. Кроме того, всякий прием, дающий населению наглядное представление о способах, задачах и целях статистического обследования, имеет очень существенное значение уже потому, что ведь мы при каждом статистическом обследовании обращаемся к самому населению, ему задаем вопросы и, следовательно, успех обследования как в практическом, так и теоретическом отношении получает значение и достигает цели только

*) См. приложен. 4-е.

тогда, когда население относится к обследованию серьезно и уясняет его значение. *В населении и его отношении к делу—вся сила*, о чем, к сожалению, очень часто забывают на деле статистики, а забывать этого никак не следует.

С указанными документальными данными статистик и приступал к выяснению размеров надела и распределения угодий в данный момент. Обыкновенно, это выяснение производилось лицом, уже опытным в местных обследованиях, и притом или по окончании подворного опроса или же, если опрос этот, при большом селении, производился в нескольких группах, то после опроса более или менее значительного числа домохозяев. Предварительное производство подворного опроса давало возможность наметить поселян более толковых, правдивых, знающих местные условия. К ним-то статистик и обращался с просьбой уделить после подворного опроса еще некоторое время на то, чтобы ответить на вопросы, касающиеся всей общины и отпечатанные на особом *поселенном бланке*. Если при этом поселенном опросе желали присутствовать все домохозяева, то против этого обыкновенно ничего не имелось, тем более, что в малых селениях само собой дело складывалось так, что обращаться приходилось ко всем. Население вообще интересовалось всем опросом до конца, и только наступление спешных работ или невозможность лишиться промыслового или какого-либо иного заработка или утратить из него время заставляло, иногда и многих, уходить тотчас же, как только по отношению к данному лицу кончен опрос об его хозяйстве.

Поселенный опрос обыкновенно начинался с выяснений условий землевладения. Копия плана раскладывалась перед крестьянами так, чтобы они могли ориентироваться и определить, какому месту на плане соответствует определенная часть их надела в натуре. Затем велся опрос: не произошло ли прибавления новых усадебных мест; где они отводились; как велик размер усадьбы, при чем этот размер подвергался нередко и измерению в натуре. Таким путем можно было не только получить *числовые данные* об изменении пространства под усадьбой, с определением, на счет каких угодий произошло оно, но и наметить тут же на плане эти изменения. Далее, путем опроса выяснялось: произошли ли, и если да, то какие изменения *в площади пашни*; в случаях очень сомнительных показания о площади пашни тут же *проверялись сопоставлением с подворными данными о посеве*; на плане же при помощи населения делались отметки о границах, напр., запущенной и заросшей лесом пашни или об отчужденной (проданной) земле, и т. п. Согласно этим отметкам на плане производилось потом, а иногда и тут же, измерение площади угодья или отчужденного участка. Этим путем делалась проверка показаний, при чем измерение производилось посредством наложения полетки *), и таким способом выяснялось пространство каждого угодья. Конечно, такое определение его довольно грубо и далеко от той точности, какой можно достигнуть при измерении в натуре. Но можно уверенно сказать, что те данные о распределении по угодьям, которые представляются в настоящее время, весьма близки к действительности и во всяком случае значи-

*) Полетка—это прозрачный прямоугольник, разделенный на равной величины клетки, каждая из которых соответствует квадратной сажени, выраженной в определенном масштабе. Наложив такой прямоугольник на определенную площадь плана,—соответствующую, напр., части пашни, обращенной под лес,—можно определить, какому количеству квадратных сажен или десятин полетки отвечает эта площадь. Если масштаб плана не соответствует масштабу полетки, то, зная тот и другой, легко сделать соответствующее вычисление При одинаковом же масштабе дело ограничивается простым подсчетом на полетке того числа клеток, которое покрыло определяемую площадь.

тельно ближе всех существовавших доселе данных о распределении по угодьям земель Московской губернии. Уверенность в этом дается, между прочим, и тем, что при помощи описанных приемов *удавалось нередко установить большее или меньшее количество всей земли данного общества* сравнительно с числящейся по планам, удавалось установить существование *новых угодий*, которых нередко не значилось, и т. п.

Конечно, все эти поправки приходилось делать только в тех случаях, когда со времени отвода надела произошли изменения в распределении по угодьям, и вообще, если план не отвечал отводу в натуре,—что тоже встречалось. Во всяком случае, в каждой общине приходилось делать проверку и нередко и исправления. Это обстоятельство не позволяет без особой предварительной работы сравнивать наши теперешние данные о распределении по угодьям с данными, внесенными в сборники по обследованию 1876—78 гг. Тогда брались прямо документальные данные, т.-е. сведения, значащиеся в выкупных актах или даже в уставных грамотах, и они проставлялись в таблицах. Данные уставных грамот во многих случаях не однородны с данными выкупными, эти последние тоже не всегда отвечают натуре или плану. При таких условиях для многих общин разница между распределением по угодьям теперь и в прежнее время, а нередко и разница в общем количестве земли, является результатом не действительной разницы, происшедшей с того времени, а только следствием различия способов выяснения как общего количества земли, так и распределения ее по угодьям, — способов, применявшихся тогда и теперь. Чтобы сделать правильное сравнение, т.-е. такое, которое определило бы действительно происшедшие изменения в распределении по угодьям или в общем количестве земли (вследствие, напр., отчуждения), необходимо знать, в каких именно селениях произошли эти изменения, и только по ним и проделать сравнение. Здесь необходимо упомянуть об этом, чтобы пояснить, насколько осторожно и внимательно надо, так сказать, всматриваться в материал, прежде чем воспользоваться им для сравнений и сопоставлений. Вместе с тем это указывает на то, как важно при разработке статистических материалов и сравнении данных одного обследования с данными другого знать условия собирания материала в том и другом случае, а также и те приемы, которые применялись при его сводке и группировке. Без предварительного ознакомления с этим нельзя делать никаких выводов или заключений и можно притти или к неправдоподобным заключениям или же дать такое ложное представление о явлениях действительности и их эволюции, которое может повести практически к очень печальным результатам, а теоретически к совершенно ненаучным и неверным обобщениям.

Установленное описанным выше путем как общее количество надельной земли (отпечатанное для наглядности курсивом), так и распределение ее по угодьям проставлено в гр. 30—37 предлагаемых таблиц. Здесь нужно отметить лишь, что в гр. 36 особыми угодьями значатся такие, которые не подходят ни под одно из общепринятых подразделений: тут будут и торфяные болота, и каменоломни, и хмельники и т. д. Для ясности правильнее было бы,—в особенности в виду того, что это не так часто встречается,—в примечании по волости отмечать, какого рода особые угодья значатся по каждой общине, где они есть, но, к сожалению, это не было предусмотрено до напечатания таблиц, хотя данные для определения этого по каждой общине имеются в материале, группировка которого выражена в об'ясняемых здесь таблицах.

Что касается неудобной земли, то ею считается здесь нередко не то количество земли, которое значится по планам, а то, которое определилось по местному обследованию, за выделением из нее, напр., того, что пришлось отнести к особым угодьям.

По поводу приведенного распределения по угодьям необходимо заметить еще следующее. Покосом (гр. 33) мы считали здесь только те угодья, которые представляют из себя лишь покос. Между тем в действительности крестьяне снимают траву и с части приусадебной земли, косят и по лесу,—не ограничиваясь полянами по лесу, но косят и между деревьями. Все это вместе взятое и дает количество сена, накашиваемого на душу надела, которое у нас приведено далее в гр. 65. При таких условиях нельзя это количество сена на душу считать определяющим укосность крестьянских покосов, площадь которых показана в гр. 33. Это необходимо оговорить, чтобы не дать повода к сопоставлению граф 33 и 65, что повело бы к увеличенному и во всяком случае неверному представлению об этих покосах. Определить же *только их* укосность невозможно путем опроса. Этого население не может выяснить уже потому, что оно в редких случаях может упомнить, сколько возов сена привезено из лесу, сколько—с лугового покоса, тем более, что нередко из лесу возят травой, чтобы сушить при усадьбе, а с луга возят сеном. Кроме того, иногда и фактически угодье, служащее исключительно покосом, сливается с лесным, с которого тоже снимают траву, и границу между ними провести нельзя. Примером этого может служить хотя бы селение № 3 или № 9 в Запонорской волости *). Иногда, таким образом, приходится соединить и выгон с покосом и лесными угодьями или с одними последними, как, напр., там же в селениях № 11 или № 18. Нельзя, наконец, по гр. 65 судить об укосности специально сенокосных угодий еще и потому, что и чистыми покосами население не всегда пользуется, как таковыми. Если покос расположен непосредственно около поля, то в тот год, когда оно под паром, на котором пасется скот, население вынуждено (за невозможностью ставить изгороди) стравливать этот покос скоту. В таких случаях население получает с этих покосов сено из трех лет только два года, почему в земской статистике и усвоено было таким покосам название *двухтретных*. Следовательно, там, где имеется такой покос, если бы количество снятого сена и относилось исключительно к покосной земле, нужно было бы еще определить, каждый ли год снимается оно со всего покоса. В виду же того, что мы вообще брали все количество сена, снимаемого со всей надельной земли, без различия угодий, с которых оно снимается, нам представлялось излишним отмечать здесь селения, имеющие двухтретные покосы. Но в других случаях — при выводе, напр., оценочных норм — это должно быть принято во внимание.

Необходимо еще отметить, что несмотря на все меры, принятые для выяснения землевладения каждой отдельной общины, это не всегда удавалось. Есть случаи, и сравнительно нередкие, когда при нарезке надельной земли на несколько обществ вместе (по преимуществу у государственных крестьян) не удавалось определить, насколько соответствует экспликации к плану то распределение земли по отдельным обществам, которое существует в натуре, и в таких случаях приходилось брать за одно целое все пространство надела на несколько обществ, что и обозначено в таблицах проставлением этой земли против одного

*) См. приложение 4-е.

из селений с отметкой для других: „вместе с обществом (№) таким-то". Об этом, впрочем, уже сказано выше в об'яснении к 1-й графе таблиц.

Соответственно общей задаче таблиц, дающих сведения о хозяйственных условиях крестьянских земельных общин, в отделе VII приводятся сведения лишь о *надельной* крестьянской земле, при чем дарственные земли, находящиеся обычно в пользовании на таком же условии, как и надельные, включены здесь в состав последних. Поступить иначе нельзя было уже потому, что дарственную не всегда можно фактически отделить от надельной, т.-е. население редко само различает ту и другую. К тому же случаи эти очень редки, поэтому они крупных изменений в общие итоги по волости не вносят. Кроме того, во всех таких случаях делается примечание, сколько именно по документальным данным значится дарственной земли, количество которой обыкновенно также не велико. Выделять же ее из надельной, как особый участок, значило бы навязывать действительности то, чего она не представляет. На угодий этой земли, входящей в общий передел с надельной, ни посев на ней—ничего этого нельзя отделить от надельной. Фактически эти земли, т.-е. надельные и дарственные, приобретенные по различному юридическому основанию, населением не различаются.

Чтобы не вводить путаницы в подсчет общего количества надельной крестьянской земли по волости, здесь не приводятся данные о землевладении не крестьянских поселков и лишь отмечается—на собственной или арендованной земле сидят они, при чем не приводится данных о количестве ее. Однако, как то было отмечено и выше, для таких поселков, которые только номинально и формально являются не крестьянскими, при чем и земля-то ими была приобретена в свое время как надельная, данные об этой последней приводятся тут же. Но в соответствие с общим, принятом нами для них, правилом сведения эти печатаются курсивом, чем и дается возможность для тех, кто не согласится с нашим толкованием и пожелает их выделить из состава крестьянских, легко сделать это, пользуясь нашими таблицами.

По отношению к надельным землям обыкновенно принято определять еще размер надела на душу. Не могли и мы обойти этого вопроса молчанием, так как, несомненно, размер надела на душу составляет весьма важное условие, влиявшее и влияющее на экономическое положение населения. Но за 40 лет, протекших со времени момента, когда определен был этот размер, произошел ряд значительных изменений в жизни населения. Если тогда размер надела на *ревисскую* душу влиял на характер и степень этих изменений и поэтому может пояснить многое в современном экономическом положении населения, то теперь оно характеризуется уже размером надела, определенного не на ревисскую душу, а на определенную единицу, существующую теперь. Кроме того, размер надела на ревисскую душу дан уже в таблицах по обследованию 1876—78 гг., и подобно тому, как мы отказались от включения данных о населении по прежним обследованиям и в частности по ревизии 1858 г., мы не включили здесь и данных о размере надела на ревисскую душу по уставным грамотам или выкупным актам.

Определить, однако, различие в размере надельной площади землевладения на определенную единицу для настоящего времени было необходимо. На какую же единицу? Брать цифру приписного населения? Но какого? Наличного одного или же и отсутствующего? Решить этот вопрос однообразным образом нельзя было, ибо собранные данные говорили, что действительность представляет тут самые разнообразные случаи, и принять то или другое решение—значило бы искусственно подводить ее под установленные рамки, вместо того, чтобы давать вытекающие

из нее определения. Пришлось рассуждать таким образом. Количество приписного населения дано; следовательно, всегда есть возможность определить, как велик размер надела на мужскую душу в настоящее время при разделении его на наличное и отсутствующее население; для выяснения этого же имеются в прежних сборниках и данные исторического прошлого—размер надела на душу при наделении землей. При этих условиях существеннее выяснить другое: как велика доля тех, которые держат эту землю, так или иначе пользуются ею, и для которых она, следовательно, имеет фактическое значение. Кто же эти пользующиеся? Это могут быть не все наличные семьи, но из этого исключаются и не все отсутствующие. По разным общинам это бывает различно. Но определяется это всюду числом душ, на которые делится земля в настоящее время, т.-е. в момент обследования. Гр. 38 и дает то число душевых долей, на которое распределяется вся надельная земля населением в настоящее время, и соответственно которому каждая семья получает столько земли, сколько, по принятым для деления основаниям, считается за ней душ; в соответствии с этим числом душ обычно распределяются для каждой семьи те платежи, которые падают на нее в силу владения надельной землей.

Поясним теперь несколько значение гр. 38-й. Зная общее количество земли (гр. 30) и вычитая из него количество неудобной (гр. 37), можно, руководствуясь гр. 38, определить, как велики отдельные земельные доли в настоящее время. Сопоставляя же это с данными, помещенными в сборниках по обследованию 1876—78 гг., и с данными о количестве приписного мужского населения теперь, можно видеть как изменения, происшедшие в размере надела на мужскую душу вследствие прироста населения, так и изменения, вводимые в размер душевого надела самим населением путем того или иного распределения его. В самом деле, возьмем, напр., Тимашевскую в. Волоколамского у. *). В ней значится всей надельной земли $13610_{,1}$ дес. или за вычетом неудобной $13296_{,5}$ дес., что составляет на мужскую душу по X-й ревизии по $3_{,58}$ дес. (т. 3-й Сборн. стат. свед. по Моск. губ. 1879 г., стр. 30). Мужчин из числа приписного населения наличного и отсутствующего в настоящее время значится 4378, что дает уже на мужскую душу лишь 3 дес. земли. Делится же эта земля на 3150 долей, что составляет уже на каждую долю по $4_{,2}$ дес. земли. Оказывается, что население, выделив из себя по той или другой причине часть населения, не пользующегося землей, при помощи общинного землевладения распределило землю так, что при значительном уменьшении надельных долей, явившемся результатом прироста населения, на каждую душу, держащуюся за землю, фактически приходится земли больше того, что полагалось по наделению землей. Этим путем население как бы устраняет последствия малоземелья, воздействуя до известной степени на повышение земельных долей для каждого, остающегося при земле. Возможность воздействовать таким способом, т.-е. увеличивать на счет оставляющих землю земельную долю *каждого* из остающихся при ней, дается, конечно, только порядками общинного владения землей. Такое же явление мы можем подметить и по всем другим волостям. Возьмем для примера еще Чулковскую в. **) Бронницкого у. Проделав те же расчеты и сопоставления, что и по Тимашевской волости, получим, что в ней на ревисскую душу надел составлял $1_{,8}$ дес., в настоящее время на наличную мужскую душу $1_{,28}$ дес., а по числу душ, наделенных

*) См. Приложение 4-е.
**) Прил. 4-е.

землей, приходится по $1_{,56}$ дес. на душу, т.-е. население опять-таки увеличило доли оставшихся при земле.

Такие, выработанные жизнью, приемы увеличения пространства надельной земли на работников ее свидетельствуют несомненным образом о необходимости увеличения крестьянского землепользования. Вот эта-то необходимость и об'ясняет без всяких теоретических и отвлеченных соображений аграрные волнения, происходившие у нас, и отобрание крестьянами частновладельческих земель Но помимо об'яснения этого прошлого, она настоятельно предостерегает от попыток и в будущем восстановить это прошлое малоземелье и тем затормозить и успехи сельского хозяйства у крестьян и развитие благосостояния населения не только крестьянского, а вместе с тем сделать неустойчивым и, так сказать, рискованным существование других слоев населения и весь гражданский внутренний порядок жизни. В связи с этим замечу, что та наглядность существующих зол жизни, которая вскрывалась местными статистическими обследованиями, достаточно об'ясняет то враждебное отношение к ним, о котором сказано выше, но в то же время говорит о неразумности такого отношения и о важном жизненном значении статистики.

Если надельные доли данного времени оказались более значительными сравнительно даже с первоначальными, что обнаружилось по всем волостям и даже почти по всем селениям, то очевидно, что земля распределяется не на все население, и должны быть семьи, не получающие или не берущие надел, семьи, члены которых не вводятся в расчет для определения числа долей при распределении земли. Так оно в действительности и есть. При поселенном опросе всегда ставился вопрос, на сколько душ распределяют землю. Этот вопрос, помимо самостоятельного значения, имел и контрольное. Дело в том, что в подворной карточке для каждой семьи ставился вопрос, на сколько душ имеет надел, что и отмечалось в своем месте. Если надела семья не имела, то соответствующее место прочеркивалось. То число душ, которое отмечалось для каждой семьи, подсчитывалось для всей общины. Если поселенный опрос давал иное число душ, нежели полученное путем подсчета по дворам *), то это заставляло выяснить причины такого различия. И вот оказывалось, что или какой-либо двор был пропущен,—это давало основание к пополнению его,—или же бывало и так, что это вело к выяснению каких либо особенностей в земельных распорядках: либо были, так называемые, мирские души, числившиеся сверх надельных долей, определяемых на дворы по числу лиц мужского пола, либо же платежные доли (души) не совпадали с надельными и т. п. При таких условиях одно указание, на сколько долей разделена земля, еще не дает надлежащего представления относительно разделения ее, тем более, что число этих долей не совпадает с числом мужских душ ни всего приписного населения, ни одного наличного, не стоит также ни в каком прямом отношении и к числу мужчин рабочего возраста. Все это, равно как и указанное выше увеличение земельных долей, заставило нас выделить еще в гр. 39 и 40 число надельных и безнадельных семей. Тут уже ясно можно видеть, что далеко не все семьи пользуются надельной землей, при чем для каждой местности можно определить и % таких семей. Но, надельной землей пользуется не все приписное

*) Эта проверка результатов одного опроса результатами другого—указывает, как важно в самой программе вопросов ставить их так, чтобы они, имея самостоятельное значение для выяснения определенного явления, в то же время служили и как *контрольные* данные. Это видно было уже и в других случаях, приводившихся ранее, будет ясно и при рассмотрении некоторых других отделов таблиц.

население по различным причинам. Часть его не пользуется уже по причинам, так сказать, юридического характера; таковы, напр., разные бобылки, „вышедшие из годов“ старики-одиночки, которым обработка земли и уплата податей не под силу, и т. п. Но есть—и нередко не мало—и такие семьи, которые имеют и рабочие силы и право на пользование надельной землей, но по тем или другим причинам не желают пользоваться ею, хотя иногда, в качестве членов общины, участвуют в платежах за нее. Различие непользования землей по тем или иным основаниям очень существенное. Одни непользующиеся являются безземельными, так сказать, естественно: они вообще уже не работники; другие же—имеют право на надел, имеют обязанность участвовать в выкупе его и, тем не менее, не берут его. Определенно установить и выяснить, кто из домохозяев в каждом селении не имеет надельной земли по той или другой категории причин, вполне возможно на основании тщательной разработки подворного материала в связи с теми основаниями, которые приняты в данной общине для наделения землей. Но такая разработка имеет значение, когда она основана на массовом материале, и, исходя из данных каждой отдельной общины, приводит к общему выводу по отношению к целому ряду их, усвоивших себе определенное и однообразное основание для распределения надельной земли. Вводить поэтому в таблицы такое выделение не берущих надел по той или другой категории по каждому селению особого значения не имело. Поэтому в гр. 39 и 40 и решено было ограничиться простой отметкой числа надельных и безнадельных семей, не выделяя тех, которые не берут надела по нежеланию брать его, от тех, кто не получает его, потому что уже утратил основание к получению его.

Не имея, таким образом, в виду в прилагаемых таблицах выяснить все условия землевладения и распределения земли, что было бы и невозможно, мы не могли дольше останавливаться здесь на каких-либо различиях в том или другом отношении семей надельных и безнадельных. Тем не менее, предлагаемые таблицы дают возможность подойти к выяснению этого различия и наметить, что основанием для выделения семей, не наделенных землей, служит не произвол и не случайность, а определенные условия, в силу которых происходит отбор семей определенного состава, как среди берущих, так и не берущих надел. В самом деле, если иметь в виду условия земледельческого хозяйства, то естественно предположить, что среди не берущих землю должны преобладать семьи отсутствующие. Это соображение подтверждается и тем, что среди последних весьма немного семей, имеющих избы, как то видно из гр. 23. А в таком случае то, что нам дает анализ семей отсутствующих, можно без особенно большой неточности распространить на семьи безнадельные, допуская, однако, наперед, что среди отсутствующих семей есть и берущие надел. И действительно, если мы возьмем для примера ту же Чулковскую вол., которую брали и ранее, то увидим, что из общего числа 903 приписных семей—семей, берущих надел, 739, не берущих 164. Если сравним эти последние числа с числом семей наличных и отсутствующих, то увидим, что там эти 903 семьи приписного населения распределяются несколько иначе, а именно—наличных 655, т.-е. менее числа семей-надельных, отсутствующих же 248, т.-е. более числа безнадельных. Отсюда ясно, что из числа отсутствующих часть семей берет надельную землю. Возьмем другую волость, тоже приводившуюся выше,—Тимашевскую. Здесь мы имеем 1287 надельных семей при 1331 приписных наличных, т.-е. здесь обратно—даже не все наличные берут надел, но из этого не следует, что никто из отсутствующих не берет его. Просматривая остальные волости и отдельные селения, мы уви-

дим, что обыкновенно цифры семей безнадельных и отсутствующих не совпадают, при чем чаще встречается преобладание надельных над наличными, т.-е. преобладает прямое указание на то, что часть отсутствующих семей берет надел. В то же время, однако, не трудно заметить, что цифры безнадельных и отсутствующих не особенно разнятся друг от друга. По Чулковской в., напр., отсутствующие семьи составляют $27_{,1}\%$ всех семей приписного населения, а безнадельные — $18_{,1}\%$, по Тимашевской первые составляют $19_{,6}\%$, а безнадельные—$22_{,2}\%$; по другим волостям получаются приблизительно такие же соотношения. Допуская таким образом, что по составу семей отсутствующих мы можем, хотя и с некоторою степенью неточности, судить о составе безнадельных, среди которых отсутствующие представляют значительное большинство, посмотрим, какая разница замечается среди семей наличных и отсутствующих? В Тимашевской в. Волоколамского у. приписных наличных семей 1331, мужчин в них 3884, т.-е. в среднем на семью почти 3 человека ($2_{,9}$); семей же отсутствующих 325, мужчин в них 494. т.-е. в среднем на семью менее 2-х мужчин ($1_{,5}$). Возьмем Чулковскую вол. Бронницкого у. Семей наличных 655; в них мужчин 1868, т.-е то же в среднем около 3-х человек ($2_{,85}$), тогда как на семью отсутствующую приходится в среднем менее 2-х человек (на 248 семей 404 мужч.) Возьмем Запонорскую в. *) Богородского у. На 2326 семей наличных имеем 6494 муж., т.-е. опять более 2-х человек в среднем на семью, в отсутствующих же семьях менее 2-х (828 мужч. в 459 семьях). Возьмем Короваевскую в. **) Дмитровского у., в ней находим в 1480 наличных семьях 4453 мужч., т.-е. более трех человек на семью, тогда как среди отсутствующих и здесь опять имеем менее двух мужчин на семью (364 мужч. в 256 семьях). Такое различие, а именно—около трех мужчин в среднем для семьи наличной и менее двух—для отсутствующей, получим в каждой волости. Так как среди безнадельных у нас включены, как отмечено выше, и бобыли и одиночки, то можно пожалуй сделать предположение, что на малый состав этих семейств в среднем влияет большое количество таких одиночек, безсильных пользоваться землей по причинам, так сказать, естественным. Но против этого говорит уже то, что такие одиночки не составляют настолько большого числа, чтобы оно могло влиять столь понижающим образом на среднюю величину безнадельных семей. А кроме того, мы берем здесь не средний состав безнадельных, а отсутствующих, по преимуществу семейных, что видно и из гр. 12—14, где, следовательно, не может отражаться приведенное обстоятельство. Имея это в виду, даже правильнее пользоваться анализом состава отсутствующих семей, чтобы выяснить условия, вызывающие отказ от земли по причинам, не стоящим в связи с физическим слабосилием данного лица, как это последнее случается среди безнадельных.

Но если выяснилось, что меньший состав отсутствующих семей представляет собою общее явление, то, очевидно, оно не есть дело случайности; здесь, несомненно, сказывается определенная закономерность. Попробуем об'яснить ее.

Известно, что мужское население рабочего возраста (от 18 до 60 л.) составляет обыкновенно около половины всего населения. Так получается и для Московской губернии. Если взять приведенные в наших таблицах данные о населении в рабочем возрасте (гр. 17), то получим точно так же процент населения в рабочем возрасте от 47 с небольшим до 52% по различным волостям. Это

*) См. приложение 4-е.

**) См. приложение 4-е.

значит, что в семьях с тремя мужчинами приходится в среднем более одного лица в рабочем возрасте и во всяком случае можно считать при одном лице в рабочем возрасте имеется еще одно в полурабочем. Напротив, в семьях, где не насчитывается и двух мужчин, редко может быть более одного лица в рабочем возрасте. Земельный надел распределяется обыкновенно на каждую семью по числу в ней лиц мужского пола. Семьи, имеющие по одному или по два лица мужского пола, получат, следовательно, надел на 1 душу или на две. Семьи же с тремя лицами получать его на 3 души. В первом случае общая площадь надела составит самое большее 3 или 4 дес. при одной душе и 6—8 при двух, а для большинства местностей, имея в виду преобладающую величину надела, еще меньше. При трех душах надел может доходить уже до 9 десятин, местами и до 12; в большинстве же случаев менее 9 десятин, но все же больше того, что при двух душах. Недостаточность этих размеров надела установлена была еще при первом основном обследовании. Как мы видели, уменьшение этих надельных долей задерживается тем, что до 20% и более семей не берут надела, т.-е. бросают занятие земледелием, при чем этими не берущими надел (отсутствующими) являются семьи с числом мужчин менее двух. Чем же об'ясняется, что бросают земледелие по преимуществу семьи с малым числом мужчин? Приведенные цифровые расчеты вполне уясняют это. Надел является недостаточным в двух отношениях. Во-первых, такой размер его, как 6 или даже 8 десятин при двух душах, недостаточен для того, чтобы использовать на нем всю рабочую силу мужчины или данной крестьянской семьи. Во-вторых, он недостаточен в том отношении, что не дает такого количества продуктов, чтобы их хватило на существование семьи и на уплату денежных сборов, недостаточен для этого даже в том случае, если семья будет заниматься в свободное от полевых работ время каким-либо промысловым трудом. Это последнее одинаково справедливо и при трехдушном наделе. С него (при 9—12 десят.) тоже не получается в Московской губернии такого количества продукта, чтобы можно было обойтись без промыслового заработка или ограничиться последним на зимнее лишь время. Поэтому, как при двухдушной, так и трехдушной семье, необходимо, чтобы кто-либо из членов ее имел весь год внеземледельческий заработок. Кому же, однако, итти на него в одно-или двухдушной семье, но имеющей только одно мужское лицо в рабочем возрасте? Конечно, лицу в рабочем возрасте, и тем более ему, что на наделе все равно он не может использовать всю свою рабочую силу. Но если он уйдет, то кто же будет обрабатывать землю? Некому. А если некому, то незачем и брать ее. Конечно, такое положение наступает не сразу. Прежде чем бросить землю, и такие семьи еще держатся за нее, пробуют так или иначе уделять время на обработку ее, пытаются обрабатывать ее наймом и т. п. В силу этого и получается, что среди отсутствующих есть еще получающие надел, но в то же время среди них обычно весьма много не обрабатывающих его, хотя это и допускает большие колебания по отдельным волостям в зависимости от различия других условий; влияет на это и род промыслового заработка, и то обстоятельство, вошло ли в обычай занятие женщин всеми полевыми работами, и т. д. В общем же необходимость иметь кому-либо из членов семьи *постоянный* промысловой заработок, не дающий возможности обрабатывать землю, и отбирает, так сказать, семьи с малым числом мужчин в разряд отсутствующих, а это обстоятельство уже ведет к постепенному прекращению земледелия у таких семей.

В ином положении находятся трех-и вообще многодушные семьи. При 9—12 дес. надела есть уже возможность использовать на нем силу *одного* лица рабочего возраста, а при наличности двух таких лиц есть уже возможность еще одному отдать все свое время промысловому труду, почему и нет оснований ни удаляться всей семье из деревни, ни бросать землю. Такая семья даже в том случае, если надел оказывается только на две души, все-таки поставлена так, что имеет возможность через одного из членов ее пользоваться весь год промысловым заработком и тем пополнять недочет, получающийся от работы на земельном наделе; это и дает ей возможность не оставлять занятия земледелием; тогда как для семьи с одним рабочим это возможно лишь при особо сложившихся условиях.

Все приведенное об'яснение может быть подтверждено цифровыми данными тех же таблиц. Так, если мы суммируем мужское и женское население приписных наличных семей, прибавим к ним постороннее население и сравним эту сумму с общим числом обычного населения, то всегда получим сумму последнего на много меньше. Так как обычное население получается у нас указанным суммированием, за вычетом из состава наличного тех, кто отсутствует круглый год, то такой результат и показывает, что этих отсутствующих круглый год на промысловом заработке столь много, что они есть почти в каждой наличной семье. Возьмем для примера хотя Синьковскую в. *) Дмитровского у. В ней мужчин и женщин среди наличного населения 9110 (4296+4814), да постороннего населения 118, итого 9228, а всего обычного 7957, т.-е. на 1271 лицо меньше; всех же семей *наличных* 1341, т.-е. число отсутствующих круглый год из числа лиц, принадлежащих к этим наличным семьям, немного менее всего числа наличных семей; следовательно, в среднем такие лица имеются почти в каждой наличной семье. Во многих других случаях эти цифры сходятся еще ближе или же число лиц из состава наличных семей, отсутствующих круглый год, превосходит число наличных семей,—это значит, что не мало семей, отпускающих на весь год более одного лица, т.-е. часть лиц и в нерабочем возрасте.

Наконец, указание на необходимость почти для каждой наличной семьи промысловых занятий подтверждается и последующими графами таблицы, дающими число семей и лиц с промысловыми занятиями (отд. XIII, гр. 78—80). Всего лучше это можно видеть, если брать для анализа отдельные селения. Возьмем хотя бы ту же Синьковскую в. Из 43 общин, входящих в состав ее, мы находим более половины, т.-е. 24 общины, в которых среди приписных наличных семей число семей с промысловыми занятиями (гр. 78) совпадает с числом всех наличных семей; значит в общем результате в этих последних общинах ни одна из семей не обходится без таких заработков; в остальных 19 общинах семьи без промысловых занятий являются в очень небольшом числе, при общем числе семей 39—без промысловых занятий одна, при 22-х—1, при 31—2, и т. п. Но промысловые занятия могут быть на месте и на стороне и притом и не круглый год. Чтобы определить число уходящих на круглый год, возьмем хотя бы д. Жуково Чулковск. в. **) В ней 17 наличных семей и все с промысловыми занятиями. Всех лиц, занятых промыслами, 35 мужч. и 24 женщ. (гр. 79 и 80), т.-е. всего 59 лиц, или более 3-х лиц на каждую семью в среднем. Из них только 24 лица (гр. 81 и 82) заняты в своем селении, остальные далеко ли, близко ли, но вне его. Этих последних 34 мужчины и 1 женщина (гр. 83 и 84), всего 35 лиц.

*) См. приложение 4-е.

**) Прил. 4-е.

Сколько же из них отсутствует круглый год? Графы 10 и 11 дают нам всего населения семей приписных наличных 139 человек. Графа 6. всего *обычного* населения, число которого получается за вычетом из этой суммы в 139 тех лиц из состава наличных семей, которые отсутствуют круглый год, дает нам всего 115 ч., т.-е. на 24 менее. Следовательно, всего занятых промыслом на стороне в течение всего года имеется 24 человека, т.-е. на 7 человек более общего числа наличных семей, которых числится в Жукове—17. А это и указывает, что занятие промыслом *на стороне* в течение всего года представляет для данного селения общее правило, т.-е., что уходящие на сторону на круглый год имеются здесь из каждой семьи и из некоторых более чем один человек. Но мы, когда говорили выше о необходимости иметь кому-либо из членов семьи промысловый заработок в течение всего года, и не имели в виду, что он должен быть непременно на стороне; он может быть и здесь на месте, но раз он продолжается весь год, то лицо, занятое им, не может обрабатывать землю. В данном случае характерно уже и то, что на каждую семью, как мы видели, приходится в среднем более трех лиц, занятых промыслами. Примеры всех других селений дают ту же картину необходимости для Московского земледельца промыслового труда, и хотя степень этой необходимости не везде одинакова, но различается по отдельным селениям и даже семьям весьма незначительно.

Нам казалось необходимым дать это подробное об'яснение по поводу гр. 38, определяющей, на сколько душ разделена земля, и гр. 39 и 40, выясняющих, какое количество семей из всего числа приписного населения пользуются земельным наделом. Оно необходимо было для того, чтобы показать, какое значение имеют эти графы, как многое уясняют они при сопоставлении с другими графами той же таблицы. Это же об'яснение, думается нам, указывает на существование тесной связи между отдельными графами и всеми отделами таблицы и показывает, как такого рода таблицами можно пользоваться для выяснения зависимости между различными условиями и для установления связи между теми или иными явлениями. Вместе с тем, показав определенную связь и зависимость между составом семьи и отношением ее к земле, мы дали тем самым и *критику нашего материала по существу* и притом в таких частях его, которые разрабатывались совершенно отдельно, независимо одна от другой. Такая критика материала нам представлялась необходимою для того, чтобы яснее дать представление о том, насколько он заслуживает доверия, насколько можно им пользоваться, и как много может дать такое пользование нашими таблицами. При этом условии можно видеть, насколько оправдывается данный состав таблиц не только соображениями, приведенными в его пользу выше, но и анализом их содержания по существу. Кроме того, всем этим дается наглядное, взятое не в виде предположительного примера, а полученное из самой действительности указание на то, *в чем состоит критика материала* не по внешним данным или признакам, а по существу ее, по установлению и выяснению закономерной связи явлений. Этот же анализ дает пример и того, *как* производить эту критику по существу.

На этом почти и заканчивается то, что следовало об'яснить здесь относительно надельного землевладения. Остается еще добавить, что в некоторых общинах земля распределяется не на душевые доли, что является наиболее распространенным, а по тяглам, представляющим уже иное основание подразделения. В подобных случаях, чтобы дать правильное представление об единицах деления, мы проставляли в гр. 38 эти цифры курсивом, что и об'ясняли в примечании. (См. в приложении 4-м Аксеновскую в. Богор. у., селения № 2, 11, 24). Точно

так же встречаются общины, где различного рода угодия делятся по различным основаниям, что и отмечалось нами в особом примечании, как это можно видеть в подстрочн. прим. 2 и 3 к той же Аксеновской в. Правда, такое введение курсива по тому или другому случаю или каких-либо особых обозначений, а также подстрочных примечаний, делает таблицу несколько пестрой, мешает глазу скользить по ней без помехи, заставляет особо останавливаться на том или другом обозначении, вчитываться в примечание. Все это, может-быть, составляет и недостаток таблиц, но, с другой стороны, это помогает лучшему уяснению значения тех или других данных; во-вторых, не позволяет соединять и суммировать неоднородные явления или признаки их. Главное же—это то, что коль скоро таблицы имеют назначением характеризовать основные хозяйственные условия *отдельных* селений и общин, то, характеризуя эти общие основные условия, *нельзя итти так далеко, чтобы стирать индивидуальные черты отдельных селений, резко отличающие их от остальных.* Таблицы в этом виде, выясняя общие условия, как то мы старались показать немного выше, в то же время позволяют выяснить и те особенности, которые отличают отдельные селения, и на основании этого произвести еще и *группировку селений по их особенностям*, не прибегая даже для этого еще к каким-либо другим материалам. Но, конечно, это обилие и разнообразие примечаний и их значение делают необходимым—*прежде* чем анализировать цифры, при обращении к каждой странице таблиц ознакомиться со всеми находящимися на этой странице примечаниями. Только тогда и можно *правильно пользоваться каждой цифрой* и надлежащим образом оценивать ее значение.

Надельным землевладением для многих общин не исчерпывается все количество земли, находящейся в их распоряжении. Некоторые общины имеют и купчую землю, что значительно отличает их от неимеющих ее. Поэтому в гр. 41 и показана купленная обществом земля, где она есть. Так как таких общин немного, то выделять для них еще графу или графы с показанием распределения этой земли по угодьям, значило бы черезчур расширить таблицы для всех селений. А между тем указание на распределение по угодьям купчей земли гораздо целесообразнее сделать в особой таблицѣ группирующей лишь селения, имеющие землю, купленную всем обществом.

Степень экономического благосостояния населения той или другой общины определяется, однако, не только общим количеством земли, принадлежащей ей, как одному целому, но в значительной мере и тем, как велико в ней число семей, имеющих землю, купленную в личную собственность; оно же может служить до известной степени показателем того, насколько сильно ощущается недостаточность надельной земли. В виду этого гр. 42 и уделена отметке о числе семей, имеющих личную купчую землю. Указание на количество такой земли имеет значение по преимуществу уже для подворной характеристики и притом сравнительно немногих дворов, а так как такая характеристика выходит за пределы задачи, намеченной для данных таблиц, то *число десятин* земли, составляющей личную собственность отдельных дворов, и не приводится здесь.

Глава VI. Аренда вненадельной земли. Распространенность отработок.

Для характеристики как вообще экономических условий отдельных селений, так и в частности условий их земледельческого хозяйства, нельзя было ограничиться данными о принадлежащей общинам или отдельным хозяевам надельной

и купчей земле. Трудно найти в Московской губернии общину, в которой если не все общество, то значительная часть домохозяев довольствовалась бы принадлежащей им землей и не вынуждена была бы арендовать землю, чтобы иметь возможность вести земледельческое хозяйство. Поэтому отд. VIII и уделен сведениям об арендовании *вненадельной* земли.

Но земля может арендоваться или всей общиной или отдельными домохозяевами. В первом случае это, конечно, может быть только вненадельная аренда, т.-е. аренда земли сверх той, которая принадлежит данной арендующей общине, как надельная. Отдельные же домохозяева могут арендовать землю или вне надела, принадлежащего общине, или же и внутри его, арендуя, например, надел, отведенный соседу однообщиннику. Арендуя затем землю вне надела, принадлежащего общине, можно арендовать или частновладельческую землю, или же землю, составляющую надел другой общины, т.-е. тоже надельную, но вне надела своей общины. Такую же надельную землю другой общины может арендовать и общество. В виду наличности всех этих возможностей, мы и считаем необходимым об'яснить здесь, что под *вненадельной* арендой мы разумеем аренду вне надела своей общины, так что в этой арендуемой вненадельной земле может заключаться и действительно значится в наших таблицах и надельная крестьянская земля, но принадлежащая не той общине, к которой принадлежат арендаторы, а привлеченная к ней *извне*, от кого бы она ни была привлечена. Понимаемая в этом смысле вненадельная аренда характеризует таким образом, насколько данная община или совокупность ее домохозяев не довольствуются землей, находящейся внутри общины.

Аренда отдельными домохозяевами надельной земли внутри своей общины, конечно, представляет собой явление очень характерное и заслуживающее серьезного внимания, но это явление уже особого рода. Оно характеризует собою уже порядки и условия распределения надельной земли внутри общины; для данной общины, где происходит такое арендование, оно определяет не столько недостаточность земельного надела, сколько условия и способы распределения надельной земли; при этом, конечно, не следует упускать из виду, что самый способ распределения надельной земли между отдельными домохозяевами или необходимость сдавать соседу или арендовать у него землю, которая могла бы, и в силу условий передела, поступить в те или другие руки, может быть также последствием того или иного размера надельной площади. Наиболее же характерным арендование надельной земли является для отдельных дворов или групп их, и потому для характеристики этого явления, для выяснения его значения важно знать не только *количество* в каждой отдельной общине домохозяев, *арендующих* надельную землю, но и необходимо разгруппировать таких домохозяев *по различным хозяйственным признакам*, приуроченным к дворам, как *арендующим* наделы, так и *сдающим* их. Но такая группировка и вообще характеристика подворного распределения тех или иных признаков, поскольку она нам не представлялась особо характерной для всей общины, как уже выяснено, не входила в задачу этих табиц. Отдел VIII предназначен исключительно для характеристики недостаточности надельной земли.

Но при недостатке в земле прежде всего и будут арендоваться те угодья, в которых более всего ощущается недостаток, и потому в гр. 43 показаны арендуемые *обществом* угодья (сенокос—сн.,'выгон—вн., пш.—пашня, пст.—пастбище, прг.—прогон и т. д.). Показать площадь арендуемых угодий не всегда можно, так как нередко бывает неизвестно пространство арендуемой земли: арендуется

просто „на глаз"; установить, сколько десятин арендуется, можно только в сравнительно редких случаях; цена же, за которую арендуется угодье, почти всегда может быть установлена, почему она и проставлена в гр. 44. По разработке данных об аренде особо, возможно, конечно, разделив сумму арендной платы (гр. 44) на среднюю высоту ее за десятину в данном уезде, выяснить во многих случаях (где арендуется одно какое-либо угодье, а не соединение их) и приблизительное количество земли, арендуемой общиной.

Аренда обществом, однако, не всегда происходит за деньги; нередко общество обязано за предоставляемую в его пользование землю произвести определенные работы. Переводить эти работы для каждого данного случая на деньги значило бы, во-первых, вносить в эту оценку много произвольного и суб'ективного *), а, во-вторых, этим бы была закрыта та экономическая особенность данного селения или целой группы их, которая характеризуется *арендой за отработки*. Поэтому там, где аренда происходит всецело за отработки, в гр. 44, определяющей, на какую сумму (платеж всегда берется *годовой*, тем более, что и аренда-то происходит в большинстве случаев на год, хотя и возобновляется постоянно) арендуется обществом,—ставится звездочка против селений, отвечающих за аренду лишь работой. Для селений же, которые платят за аренду и деньгами и работой, проставляется в этой графе годовой денежный платеж, и, кроме того, ставится еще звездочка. При этом условии является вполне возможным выделить те местности, где распространен такой отработочный способ, и даже при беглом взгляде на таблицы можно подметить довольно значительную распространенность его в одних местностях при полном отсутствии его в других. Насколько же вообще велико по губернии распространение этого способа, об этом можно судить по тому, что всего в Московской губернии арендуют землю всем обществом 2.780 *общин*, или 48,8% всех общин, т.-е. почти половина их. Из этого числа 473 общины, или 17% их, уплачивают за аренду земли *только отработками*, да еще 721 община—*и деньгами и отработками*. Это составляет вместе 1.194 (721+473) общины, или 42% арендующих общин, которым приходится уплачивать за арендуемую землю в большей или меньшей мере непосредственно трудом, что представляется для арендующих гораздо более отяготительным, хотя при безденежьи населения является для него иногда и более предпочтительным. Вместе с тем распространенность аренды за отработки свидетельствует и о приемах, применяемых землевладельцами не-крестьянами для обеспечения себя рабочими силами. При чем нетрудно понять, что это, однако, не может отражаться благоприятным образом ни на успешности и культурности хозяйства таких землевладельцев, ни на своевременной обработке и уборке в хозяйствах крестьян, обязанных за арендуемые угодья определенными работами. Факт как-

*) В самом деле, например, за 5 дес. арендуемой пашни требуется сполна обработать, скажем, хотя 2 десятины пашни на арендатора. Если мы для перевода этой работы на деньги примем стоимость обработки десятины пашни (до 20 р.), то получится арендной платы свыше 40 р., т.-е. по 8 р. за десятину пашни; тогда как обычная арендная плата здесь при арендовании за деньги может быть лишь 5 р., т.-е. за 5 десятин всего 25 рублей. А в таком случае возникает вопрос: не следует ли остановиться в определении стоимости работ на этой последней сумме? То или иное решение вопроса может иметь за себя свои основания: если население отдает за 5 дес. такую работу, которая стоит 40 руб., то почему ценить эту работу в 40 р., когда оно получает за нее то, что можно получить за 25 рублей? С другой стороны, если землевладелец отдает 5 дес. земли за такую работу, за которую должен бы был заплатить 40 р., то почему определять арендную плату за эту землю в 25, а не в 40 рублей.

будто бы не особенно крупный, но, как видим, чреватый многими последствиями. Так в хозяйственной жизни все тесно связано одно с другим.

Аренда за отработки служит довольно ярким показателем условий, при которых населению приходится арендовать землю. Такое развитие натуральной оплаты аренды тем более останавливает на себе внимание, что оно уживается рядом с развитием оплачиваемых деньгами промысловых заработков. Развитие же последних достаточно характеризуется тем, что из числа 199.120 приписных наличных семей в 187.109 семьях, или почти у 94% их, имеются промысловые занятия.

Заметим еще, что арендная сумма в связи с величиной общества, а также распространенность отработочной системы характеризуют степень значения и тяжести этой аренды для общества, что и дополняет характеристику экономического положения данной общины.

Но арендовать обществом не всегда возможно по разным условиям; кроме того, и при существовании аренды земли она обычно еще не покрывает всего размера потребности в площади землепользования. И потому общераспространенное явление представляет аренда отдельными домохозяевами, общее число которых по общинам может изменяться не только в зависимости от степени экономического достатка отдельного домохозяина, но и от степени общей земельной обеспеченности данной общины. Чтобы дополнить эту характеристику, и введена гр. 45, показывающая, какое число отдельных домохозяев арендует землю единолично или как участники в товарищеской аренде, при чем по соображениям, отмеченным выше, пришлось здесь ограничиться лишь отметкой числа их, не приводя подворной группировки, которая не входила вообще в план этих таблиц. Здесь, конечно, имело бы значение указание арендуемых угодий, но мы нашли возможным обойтись без этого в виду того, что в громадном большинстве таких случаев в Московской губ. арендуется обыкновенно покос.

Глава VII. Обработка надельной земли. Обработка наймом. Наемные рабочие.

Установив в предшествующих отделах таблиц количество всего населения и его рабочих сил, с одной стороны, и с другой—пространство земельной площади, подлежащей воздействию этого населения, вводим в таблицы отдел IX, показывающий, так сказать, комбинацию этих двух деятелей: *обработку надельной* земли. По отношению к этому отделу необходимо пояснить, что здесь имеются в виду исключительно семьи надельные, т.-е. те, которые значатся в графе 39-й. Этот отдел характеризует, таким образом, как пользуется надельной землей не все приписное население, имеющее право на нее, а только та часть его, которая осуществляет это право тем, что берет на себя надел. Так вот, из этих берущих надел далеко не все пользуются им для ведения хозяйства за свой счет. В Аксеновской вол. Богородского у., напр., мы видим, что из 874 (гр. 39) надельных семей— 191 (графы 48—49) не обрабатывают землю, не ведут своего хозяйства на надельной земле, взятой ими себе. Кроме этих 191 семей, сюда же следует прибавить 242 ненадельных (гр. 40), и получим 433 семьи из общего числа 1.116 приписных семей (гр. 9 и 12) *). Это составляет 38,8% семей, не ведущих хозяйства на надельной земле, из всего числа приписных семей; из числа же надельных семей не обрабатывают землю, т.-е. не ведут земледельческого

*) См. приложение 4-е.

хозяйства,—21,8% их. Но, конечно, по отдельным селениям, волостям и уездам это явление выражается далеко не одинаково. Так, если мы возьмем, например, Кульпинскую в. Волоколамского уезда, то там из 1.442 надельных семей найдем лишь 43 необрабатывающих, т.-е. менее 3%, что составляет крупную разницу с тем, что получается в Богородском уезде. Если же возьмем все число приписных семей (1867) по этой волости, то не берущие надел и необрабатывающие его составляют в их числе 25% (468 семей гр. 40+гр. 48+гр. 49), что хотя и много менее того, что мы нашли в Аксеновской вол. Богородского уезда, но все же представляет довольно значительный процент. Отметим еще, что процент ненадельных семей, как в Кульпинской, так и Аксеновской волостях почти одинаков: в первой—22,7%, а во второй—21,6%. Если, таким образом, при одинаковом проценте надельных семей там и тут, получается значительная разница в проценте необрабатывающих среди них, то это свидетельствует о далеко не одинаковом отношении к земле там и тут. Или ее берут там и тут неодинаково охотно, т.-е. в одном случае ее берут и те, кто не хотел бы, но общество, „мир", распределяет ее так, что должны взять и те, кто не желает. Но это нежелание брать землю вовсе не говорит за достаточность ее и отсутствие малоземелья. Напротив, наличность его характеризуется необходимостью арендовать землю и не отдельными только домохозяевами, а всем обществом. Тут дело в том, что со взятием надела надо принять на себя и соответствующую взятой доле его тягость платежей; а это—непосильная тягость, когда они превышают доходность надела; вот общество и производит „поравнение" этой тягости, распределяя землю по всем равномерными долями. Когда же доходность земли выше лежащих на ней платежей, тогда такого принудительного поравнения не существует, и надельную землю берут только те, кто желает, и общество не принуждает брать не желающих. Или может быть, другое: условия распределения мирской земли между членами общины одни и те же, но там и тут неодинаковы условия обработки ее. Выясниться это может, конечно, в другой части работ. об условиях и порядках наделения землею, но данные таблиц ставят вопрос, на который надо обратить внимание при разработке материала и выяснить взаимную связь отмеченных явлений.

Входить здесь в анализ условий, вызывающих такое различие в проценте необрабатывающих, не может составлять задачи настоящего пособия. Мы только отметили те отличия, которые встречаются в действительности, и указали на некоторые из тех условий, которые могут вызвать эти отличия. Этим, думается нам, определяется уже значение IX отдела таблиц, показывающего число обрабатывающих и необрабатывающих семей среди надельных. Значение это обусловливается тем, что этот отдел, как то можно видеть из сказанного при раз'яснении относящихся к нему граф таблиц, вызывает ряд вопросов относительно весьма существенных условий как жизни населения, так и состояния земледелия.

Обработка надела за свой личный счет может производиться различным способом. Можно обрабатывать его лично, т.-е. прилагая свой собственный труд; можно производить ее через посредство наемных рабочих—годовых или летних; в том и другом случае необходимо иметь для этого свой живой и мертвый инвентарь. Но обычное, наиболее распространенное явление, это—то, что если домохозяин имеет свой инвентарь, то к обработке земли прилагает свой личный труд, или же труд своих семейных; в тех местностях, например, Волоколамского у., в которых развиты отхожие промыслы, за отсутствием мужчин, все полевые работы, не исключая и пахоты, исполняются женщинами. Имея в виду это преобладание личного труда, при наличности собственного инвентаря, в гр. 46 и по-

ставлена отметка „лично“ на первом месте; но так как при обработке своим инвентарем бывают случаи обработки через посредство взятых в дом наемных рабочих, то, чтобы пояснить, что „лично“, не значит непременно приложение личного труда, мы и добавили тут же: „своим инвентарем“.

Однако не мало и таких случаев, когда домохозяин, не имея собственного инвентаря, все же обрабатывает свой надел. В таком случае ему приходится прибегать к найму не только инвентаря, но и рабочей силы того, кому принадлежит инвентарь, так как тот только в исключительном случае доверит свой инвентарь другому лицу. Но такой собственник инвентаря, не доверяя применение его к делу другому лицу, не отдаст в распоряжение другого и своей рабочей силы, т.-е. не пойдет в чужой дом на положение наемного рабочего; следовательно, в этом случае домохозяину, не имеющему инвентаря, но желающему обработать свой надел за свой личный счет, остается одно: предоставить обработку его за определенную плату другому домохозяину, имеющему инвентарь; этот другой домохозяин берется за обработку чужого надела уже в качестве как бы подрядчика, ответственного предпринимателя работ, которые он уже по своему усмотрению и распределяет в полном круге их, взятом им на себя. Здесь происходит то же, что делается и у частных землевладельцев при сдаче их земли под обработку „кругами“ или вообще при найме—для обработки земли инвентарем нанимающегося. Вот эти-то случаи и вошли у нас в гр. 47: „наймом“. а чтобы пояснить, что это наем не рабочей силы человека только, а, так сказать, всего рабочего аппарата, и что сюда не подходит наем работника в дом для работы инвентарем нанимателя,—в этой графе и добавлено: „чужим инвентарем“. Эти случаи обработки наймом необходимо было выделить, так как они являются довольно-таки распространенными, хотя степень распространенности их и не одинакова в разных местах. О значительной распространенности их можно судить как по прямым данным гр. 47, указывающим число домохозяев, обрабатывающих наймом, так и по тому, что есть местности (селения), где для некоторых домохозяев, обладающих инвентарем, принятие на себя обработки чужого надела за определенную плату, представляет собою нечто в роде промысла. Иногда является расчет завести на лето лишнюю лошадь, так как затраты на покупку ее и летнее содержание окупятся тем, что можно заработать, взяв на себя обработку 2-х—3-х чужих наделов. Вряд ли есть надобность отмечать особое значение этого явления—обработки наймом. Если есть возможность, обрабатывая свой надел, обработать еще 2—3 чужих, используя для этого собственную силу, то, очевидно, наделы весьма невелики, т.-е., по крайней мере, вдвое, втрое менее того, что необходимо для использования крестьянской силы за летнее время; так что и здесь сказывается значение крестьянского малоземелья. Следует, впрочем, отметить, что, хотя и редко, но бывает и так, что такой подрядчик по обработке чужих наделов имеет у себя наемного рабочего; но необходимость в этом наемном рабочем вызывается тем, что либо сам домохозяин летом не живет дома, а женщины полевую работу не исполняют, либо тем, что, имея в семье малолетков, он имеет на их долю надельной земли больше того, что под силу обработать одному; во всяком случае это—явления исключительные. С другой стороны, если обработка земли наймом является довольно распространенной, при чем она настолько выгодна для нанимающегося, что заменяет промысловой заработок, то это опять-таки говорит о такой малой величине наделов, что многим хозяевам не приходится содержать рабочего инвентаря для обработки только своей надельной доли. В то же время распространенность такой обработки наймом показывает, насколько и

при этих условиях сильна еще необходимость или склонность держаться за землю. В самом деле, процент обрабатывающих землю наймом почти ни в одной волости не падает ниже 10% всех обрабатывающих, а доходит и до 53%, как, например, в Беззубовской вол. Богородского уезда; то же встречаем в Дорховской вол. того же уезда, в Вохринской вол. Бронницкого уезда (свыше 54%), и т. д. Такое преобладание обрабатывающих наймом над обрабатывающими своим инвентарем представляет, конечно, настолько существенное явление, что заслуживает самого серьезного внимания. В самом деле, если в Вохринской вол. из 1.112 приписных семей—238 безнадельных, затем из 874 надельных 118 не обрабатывающих землю, а из 756 обрабатывающих 414 обрабатывают ее наймом, то что же получается? Из 1.112 приписных семей только 342, т.-е. менее $^1/_3$ всех семей, являются действительно обрабатывающими землю при наличности всех условий для того, т.-е. лично и своим инвентарем; остальные же $^2/_3$ семей или не берут надела, или, беря его, совсем не обрабатывают его (356 сем.), или же обрабатывают его наймом, т.-е. не имея своего инвентаря, что уже представляет существование такого хозяйства чрезвычайно случайным. Получается такой результат, что более $^2/_3$ крестьянских семей в Вохринской вол. нельзя назвать крестьянскими в том смысле, как понимается крестьянство. В виду этого невольно обращает на себя внимание тот факт, что вся удобная площадь крестьянской надельной земли по Вохринской вол. составляет вместе с усадебной (195,6 дес.) всего 4004,6 дес., что дает на 342 семьи, обрабатывающих землю своим инвентарем, в среднем лишь 11 дес. Такое пространство, как 11 дес. всех угодий, при существовании трехполья, представляет собой не более того, что необходимо для использования одной мужской рабочей силы; следовательно, при данном наделе только $^1/_3$ семей и может вести правильно хозяйство. Но так как и остальным семьям бросать его не приходится, то земля распределяется на 874 семьи, что дает уже лишь 4,5 дес. на надельную *семью*. На каждую же надельную долю приходится менее 2-х десятин, что уже очень далеко отодвигается от того количества земли, которое может считаться достаточным для использования одной мужской рабочей силы. При этих условиях нетрудно усмотреть, в чем лежит основная экономическая причина превращения в Вохринской волости настоящего крестьянства в крестьянство только по имени.

Необходимо отметить, что помимо указанных случаев отношения к земле встречаются еще, так сказать, смешанные случаи, когда, например, обработка надела происходит своим инвентарем, но производит ее сосед или обратно — у соседа нанимается лошадь, а работает на ней сам обладатель надела. При первоначальных выборках эти случаи выбирались отдельно, при чем имелось в виду дать еще особую графу „смешанной“ обработки. Но этих случаев оказалось так мало, они являются настолько исключительными, именно *случайными*, не характерными, что было решено не прибавлять для них лишней графы. Характерно то, что они есть, но число их, распространенность, наличность их там или тут, насколько можно было судить об этом, ничего не характеризует, поэтому и представлялось излишним приводить их особо и тем удлинять таблицы, умаляя их удобообозреваемость. Но так как в таких случаях земля обрабатывается или лично или своим инвентарем, то все они и попали в соответствующую графу, т.-е. в 46-ю; графа же 47-я представляет чистые случаи обработки надела и чужим трудом и чужим инвентарем.

Заметим еще, что при подворной переписи иногда были случаи недостаточно точной отметки того: обрабатывает надел сам или наймом. Проанализи-

ровав данную подворную карточку, можно было иногда притти к определенному заключению: если имеет лошадь, имеет посев, то, очевидно, обрабатывает сам, но были случаи, когда и такой анализ ничего не уяснял; несомненно было только одно, что земля обработана, но самим или наймом неизвестно. Тогда эти случаи записились в отдел обрабатывающихся, но без пояснения сам или наймом, и прибавлялись в итоге по волости под итогом гр. 46 и 47, как это можно видеть, напр., в итоге по Аксеновской волости. Считаю нужным привести это здесь, между прочим, и потому, чтобы еще раз дать указание, как путем сопоставления того—имеет лошадь или нет, и обработана ли земля, можно было притти к заключению, что обрабатывает землю сам. Это еще раз подчеркивает значение контрольных данных, а также указывает и на приемы критики материала по существу путем сопоставления отдельных частей его.

По отношению к обрабатывающим следует еще добавить, что обрабатываться надел лично или наймом может или весь или частью, т.-е часть поля может запускаться, не распахиваться, или же и распаханная остается без посева по недостатку семян. Такого рода данные собирались нами, и притом подворно. Но здесь в таблицах мы включали всех, обрабатывающих надел, не различая, обрабатывают ли они весь или часть его Для правильной характеристики этого явления важно не только отметить—обрабатывается весь надел или часть его, но и относится ли это к озимому или яровому полю, так как это два явления существенно различные: необработка части озимого—признак уже упадка хозяйства, а часть ярового может быть не обработана лишь в данном году, в зависимости не от общих условий, а от условий данного года, как, напр., недостатка семян в этом году или болезни хозяина, работника и т. д. При таких условиях значение того обстоятельства — обработана вся земля или часть — может быть выяснено лишь при рассмотрении массового материала, при группировке дворов по районам. Дело в том, что это явление не представляется таким, которое само по себе характеризовало бы *общие основные условия* хозяйства данной общины: оно является как бы производным и зависящим еще от условий, в которых стоят отдельные дворы, хотя бы и под влиянием более общих причин; а в таком случае, при наличности в наших таблицах данных о более общих основных условиях, для выяснения совокупности обстоятельств, вызывающих обработку лишь части надела, нужна уже подворная группировка, что не входит в задачу предлагаемых таблиц.

Во избежание недоразумений, по отношению к обрабатывающим надел следует еще заметить, что как общее правило имелась в виду обработка именно полевой земли, за исключением тех общин, где центр тяжести хозяйства лежит в садоводстве или огородничестве; там бывает так, что полевая земля сливается с усадебной и представляет сплошь одну огородную или садовую культуры. В таких случаях имелась в виду обработка именно для этих культур. Способам же пользования покосной землей не придавалось значения. Напротив, даже, тот, кто не обрабатывал полевую землю именно как полевую, а запускал ее под траву и сам скашивал последнюю, считался необрабатывающим надельной земли и зачислялся в гр. 48 или 49; сюда же включались и те, которые сдавали свой полевой надел в аренду, независимо от того, обрабатывал его арендатор или нет. Иными словами, необрабатывающими считались все те, которые *за свой счет* не обрабатывали *полевой* земли, как таковой: не пахали, не взрывали, не засевали и не засаживали ее, а пользовались ею или как покосом или как имуществом, приносящим доход посредством сдачи его в аренду. Иначе говоря, распределение

по обработке надела характеризует не распределение обработанной и необработанной площади полевой земли, а *отношение* к ней обладателей надела. При этом, как среди обрабатывающих надел, так и среди необрабатывающих имелись в виду только те, которые получили на свою долю надельную землю. Но по отношению к необрабатывающим представлялось еще желательным выделить среди них наличные семьи (гр. 48) и отсутствующие (гр. 49). Здесь, как это и естественно было ожидать, — среди отсутствующих находится значительно больше необрабатывающих, что и подтверждает правильность примененного нами выше приема: по числу отсутствующих семей заключать об условиях, влияющих на сохранение земледельческого хозяйства. Однако, с другой стороны, сравнительно значительное количество необрабатывающих из числа отсутствующих, но надельных семей, говорит за то, что отсутствие члена общины не служит еще признаком отсутствия у него надельной земли. При таком положении дела представляет уже самостоятельный интерес выяснение того, *насколько велика разница в проценте необрабатывающих среди наличных и среди отсутствующих*. Но выяснение этого, т.-е. установление связи этого явления с другими, обусловливающими его, возможно *лишь при массовом материале*, т.-е. при подведении итогов по волости или определенным районам, почему такого рода данные мы и нашли возможным не вводить в пообщинные таблицы.

В гр. 50 для характеристики распространенности крестьянских хозяйств, имеющих вид батрацких, более крупных, показано, какое число семей из числа значащихся обрабатывающими лично имеют сельскохозяйственных наемных рабочих — годовых или летних; если какой-либо двор, имеющий промысловых рабочих, пользовался последними или частью их для сельскохозяйственных работ, то и он попадал в гр. 50. Эти данные, несмотря на довольно малое число таких случаев, или скорее, вследствие малого числа таких случаев, мы сочли целесообразным привести по каждой общине отдельно, так как они именно и характерны-то могут быть только для отдельных общин, а никак не для более крупных единиц. Правильнее говоря, данные этого рода характерны даже не столько для отдельных селений или общин, сколько для отдельных дворов, и потому включение их в наши таблицы может считаться и не совсем отвечающим общему плану и типу наших таблиц. Но мы сочли необходимым включить их сюда, так как эти данные дополняют *общую* характеристику крестьянского хозяйства, показывая, насколько является распространенным в Московской губернии то, что составляет тип крестьянского хозяйства, т.-е. обработка земли силами своей семьи, а не наемных батраков.

Останавливаясь в этом отделе на обработке земли, мы нашли нужным сюда же прибавить и графу 51, говорящую о распространенности в губернии такого орудия обработки земли, как плуг. Для общин Московской губернии замена сохи плугом, представляя собою факт известного прогресса в земледелии, в то же время стоит в связи с теми условиями, которые позволяют населению или заставляют его уделить больше внимания земледелию. А в таком случае та или иная распространенность плугов является довольно заметным признаком того или иного состояния крестьянского земледелия. В этом отношении характерно сравнение и по отдельным общинам одной волости и по отдельным волостям разных уездов. Так, например, в Гребневской вол. Богородского уезда мы имеем в д. Корякино 22 семьи с плугами на 25 семей, обрабатывающих лично, в д. Щелково ни одной семьи с плугом на 20 семей, лично обрабатывающих надел. С другой стороны, для всей, например, Васильевской вол. того же Богородского

уезда мы имеем 116 семей с плугами на 917 семей, обрабатывающих землю лично, а по Плосковской, например, волости Волоколамского уезда 713 семей с плугами и столько же семей, обрабатывающих землю лично. Это и характеризует степень значения земледелия там и тут и совпадает и с другими данными, характеризующими то же.

Глава VIII. – Время и количество рабочих сил для собирания сведений.

Определив отношение труда к земле, переходим к выяснению формы этого отношения, выражающегося в посеве. В этом отделе мы имели в виду выяснить как род культуры—виды посева, так и количество его по каждому из наиболее распространенных сортов. Графы 52—54 определяют таким образом в четвертях количество высеянной ржи, овса и посаженного картофеля на полевой земле. Определение этого количества имеет значение, хотя бы для выяснения потребного количества на обсеменение в обычном размере, что для земства имело существенное значение, пока продовольственное дело не было из'ято из его ведения, а таблицы вырабатывались еще в то время. Но и после того определение этого количества сохраняет свое значение во многих отношениях, особенно в настоящее время (1919 г.), когда выяснилось, насколько для населения Московской губернии важно посевами и урожаями с угодий в пределах губернии обеспечить себе пропитание, а не искать его неверными путями и по невозможным ценам неизвестно где и как. Данные этого рода собраны были путем записи о фактическом посеве каждого двора, при чем они относились по ржи или к 1897 или к 1898 г., а по яровым хлебам или к 1898 или к 1899 и даже к 1900 г., смотря по тому, когда производилось местное обследование. Соответственно этому и в таблице в этом отделе обозначен тот или другой год: в Богородском уезде, например, для ржи 1897 г., а в Бронницком 1898 г. Эти подворные данные суммировались, и получался посев общий. Если же таких данных по каждому сеющему двору не было, то по имеющимся данным выводился средний посев на посевную душу и множился на число действительно засеянных душевых долей, чтобы получить общее количество посева по общине. Здесь необходимо сделать отступление, чтобы пояснить, в силу чего при подворном собирании сведений о посеве нам приходится говорить здесь о том, что такие данные не всегда были по каждому сеющему двору, и прибегать к средним, выведенным по неполному числу подворных данных.

Сведения о посеве, как и все остальные, относящиеся к отдельным дворам, предполагалось собирать по каждому двору, и вначале этого придерживались довольно строго. Но впоследствии пришлось немного отступить от такой строгой последовательности и сознательно ограничиваться опросом относительно посева лишь некоторых дворов в каждом селении. Дело в том, что, как указано выше, все местное обследование предположено было закончить в два года, и выполнение этого требования считалось весьма существенным в видах большей одновременности данных, что должно вести и к большей равномерности оценок по отдельным уездам. При этом, конечно, важно было выяснить хозяйственные условия при наиболее обычном состоянии их. Для достижения последней цели было обращено, например, очень большое внимание на порядок обследования уездов. Нужно было принять во внимание очень *много соображений, чтобы решить, с какого уезда начать обследование.* С одной стороны, это должен быть наиболее простой, несложный уезд, чтобы с самого же начала, при неполноте над-

лежащего опыта, не встретиться с такими затруднениями, которые могут оказать вредное влияние на результат обследования, тогда как при большом опыте они могут разрешиться очень легко и без нежелательных последствий. В силу этих соображений Московский уезд, напр., был обследован одним из последних. В нем одном встречается, и притом в наиболее развитом виде, все то, что можно найти во всех остальных уездах губернии (почти чисто земледельческие местности, местности с огородным, садовым, молочным хозяйством, фабричные, с развитой дачной жизнью, и т. д.), но так, что в одном встречается одно, в другом—другое, и притом в небольшом сравнительно районе и не в столь развитом и сложном виде. Поэтому представлялось целесообразным отложить обследование Московского у. до того времени, когда все, встречающееся в нем, будет уже несколько знакомо по не столь трудному изучению подобных же условий в других уездах. Но, помимо этого различия по *сложности хозяйственных условий*, необходимо было иметь в виду и другое, чтобы определить, с какого уезда начать обследование. Год, предшествующий обследованию, не везде был одинаков по урожаю, а это должно было отразиться, например, на количестве скота, которое под влиянием неурожая является уже не тем, какое можно признать за среднее, обычное. Но предшествующий неурожай мог отразиться и более существенным образом на несоответствии полученных сведений средним, обычным хозяйственным условиям. Так, например, оценка урожая, *представление о том, что такое средний урожай, может под влиянием предшествующего неурожайного года значительно понизиться*; то же может проявиться по отношению к другим хозяйственным условиям. Это не всегда является возможным уловить и проконтролировать, и в результате может получиться картина довольно далекая от той средней, обычной действительности, выяснение которой необходимо для выработки нормальных оценок. Если бы на это не обратить внимания, то могло бы случиться так, что для того или другого уезда были бы выработаны оценочные нормы, заметно отступающие от оценочных норм по другому уезду, но не в силу соответствующего тому различия хозяйственных условий, а в силу только того, что в одном уезде местное обследование было произведено при условиях более благоприятных для выяснения обычной действительности, в другом—менее. Остерегаться этого необходимо было не только ради оценочных целей обследования, но и ради других задач его, чтобы дать земству картину тех различий, с какими ему приходилось бы считаться обычно, и знакомство с которыми необходимо для правильного представления о последствиях для того или другого уезда хозяйственных и иных явлений данного года. В то же время соблюдение этого условия устраняет и возможность той неравномерности оценок, которая, отражаясь на плательщиках, может затем получить влияние на изменение их хозяйственных условий в ту или другую сторону. Иначе говоря, здесь уже приходится иметь в виду прямо непосредственный практический результат местного обследования, произведенного при тех или иных условиях, благоприятствующих выяснению истинного положения дел. Имея в виду изложенные соображения, обследование и начато было с Верейского уезда, как более простого. При всем этом все же оставалось необходимым выполнить его в течение двух лет, не более. Согласно с этим было намечено и необходимое число лиц для местного обследования, что возможно было определить с довольно приблизительной степенью точности, зная об'ем программы, условия местного обследования и руководствуясь предшествующими работами, как в Московской, так и других губерниях, где по инициативе земств производились подворные обследования. При этом, однако, как

это довольно обычно во всякого рода предначертаниях, имеющих дело со многими неизвестными и немогущими быть предусмотренными обстоятельствами, наперед составленные расчеты оправдались не вполне. Для производства местных обследований всего было намечено 127 лиц, считая в том числе и заведующего статистическим отделением. Из этого числа было утверждено губернатором 118 человек. Из последних по разным причинам не приняло участия в местном обследования 46 человек; участвовало же лишь 72 лица, считая и заведующего статистическим отделением. Но участие его должно быть поставлено особо, так как строго местному обследованию, т.-е. подворной и поселенной переписи, им уделено было очень немного времени. Такое обследование непосредственно заведующим было выполнено всего по нескольким селениям, а затем его дело заключалось в том, что первые месяцы с начала обследования он переезжал от одной партии к другой, чтобы уяснить встречающиеся трудности, недочеты, и установить необходимое об'единение в производстве работ и в способах разрешения тех или других затруднений и случаев, встречающихся на практике и непредусмотренных инструкцией По мере же дальнейшего хода обследования и усложнения работ, заведующему уже совершенно не приходилось выезжать на места: ходом дела требовалось его постоянное присутствие в определенном центральном месте, т.-е. в Москве, так как к нему обращались за раз'ясненнями и с сообщениями о необходимости увеличить состав работающих, или за теми и другими справками. Для всего этого необходимо было находиться в определенном центральном месте, куда направлялся и материал законченных обследований, с которым тоже надлежало знакомиться заведующему. Укажу, между прочим, что при производстве описания для оценки городских имуществ раз даже пришлось в один из городов давать на запрос статистика раз'яснение по телефону. Все это указывает на те условия, с которыми необходимо считаться при постановке и организации статистических местных обследований.

Имея все это в виду, правильнее считать, что местное обследование производили не 72, а 71 лицо. И, конечно, если бы оно производилось всеми ими одновременно, то обследование Московской губернии закончено было бы не в два года, а всего в течение нескольких месяцев, и во всяком случае оно потребовало бы менее года. Но в действительности время работы и число работающих распределялись таким образом.

Работали:												
Месяцев	1—	2—	3—	4—	5—	6—	7—	8—	10—	12—	16—	18
Сколько лиц	11+	15+	6+	4+	1+	3+	2+	7+	3+	4+	4+	11 = 71 лицо.

Итого рабочих месяцев. .... 11+30+18+16+5+18+14+56+30+48+64+198 =508 месяцев

При общем числе описанных дворов по губернии, доходящем до 270.000 (269.032 двора, считая наличные семьи, отсутствующие и посторонние, но необходимо иметь в виду еще и посторонних, живущих не семьями, так что при некотором округлении нужно считать 270.000),—это составляет на каждого работавшего в среднем в месяц 531—532 двора или, принимая 24—25 рабочих дней в месяце, от 21 до 22 дворов в день в среднем. Но для правильного представления об этих расчетах и их результате необходимо принять во внимание следующее. Если иметь в виду производство исключительно подворного описания, то в день описывалось каждым не менее 30 дворов, считая до 10-ти чистых рабочих часов в течение дня. В отдельных, и неисключительных, слу-

чаях число описанных одним лицом дворов в течение дня доходило до 50; бывали случаи, что описывалось одним лицом в день до 70 и даже до 100 дворов. Но последние случаи надо считать уже исключительными и осуществимыми лишь при крайнем напряжении сил, при растяжении рабочего дня значительно свыше 10-ти часов, при пребывании в этот день в одном селении без передвижения в другое и при большом опыте и навыке со стороны обследователя. Все эти колебания в числе описанных в день дворов зависели от различных условий: от величины селения, т.-е. от возможности вести перепись в одном месте в течение дня, не перебираясь в другое селение, если же селение было настолько мало, что приходилось в тот же день перекочевывать в другое, и таких селений было подряд несколько, то, конечно, значительная часть дня терялась на переезды, в особенности, если расстояния бывали не особенно незначительные; следовательно, намечается и второе условие— расстояния селений друг от друга; далее, способ и условия передвижения, т.-е. по шоссе или грунтовой дороге, и в последнем случае—степень ее проездности; время года влияло в двух, даже можно сказать, в трех, четырех отношениях: оно определяло степень проездности дороги и, следовательно, быстроту передвижения, определяло быстроту производства описания, смотря по тому, было ли все население на месте, или разбрелось по работам—в поле, на пахоту, посев ярового и т. д., оно определяло в связи с этим и быстроту, с которой могла быть готова подвода и насколько бодра была лошадь, на которой везли статистика. В об'яснение этого надо сказать, что земским статистикам нередко, а во многих случаях и исключительно, приходилось пользоваться для передвижения из одного селения в другое крестьянскими *очередными* подводами. При таких условиях ранее, чем подвода готова, идут нередко очень длинные об'яснения обывателей данной деревни по поводу того, *на ком черед*, затем, или надо привести лошадь с пастбища, что нередко отнимает тоже не мало времени, или же лошадь была перед тем на работе и совершенно измучена или и вообще заморена—и все это, конечно, отзывается на быстроте передвижения, не говоря уже об отсутствии каких-либо удобств от переезда в обычной крестьянской телеге, подчас и такой, на которой вывозят в поле навоз. При отмеченных условиях снаряжения подводы—можно иногда выиграть время, передвигаясь из одного селения в другое, если это не далеко, пешком. Наконец, время года, когда производилось собирание сведений, влияло и на величину рабочего дня, т.-е. как на время начала его с утра (летом можно начинать опрос очень рано, зимою же нельзя было начинать его и в 7 час. утра), так и на время окончания его вечером, так как нельзя было долго задерживать вечерним опросом население, утомленное дневной работой в поле. Помимо этого рода условий—на количество описанных в течение дня дворов влияла и сложность или простота хозяйственных условий данного селения, степень разнообразия культур в нем, род их и т. п.; влияли также и бытовые условия, в виде большего или меньшего количества постороннего населения, условий распределения его по дворам, необходимости подворного обхода, нередко измерения рулеткой длины и ширины усадебного места и т. п. и т. д. Затем имела значение и степень культурности населения, так сказать, его развязности, большей или меньшей склонности давать правильные ответы, большей или меньшей быстроты и точности их, на что влиял и род занятий его вообще или в данный момент, когда производился опрос. Наконец, при значении всех этих, так сказать, внешних условий, многие из которых нами не намечены, важную роль играет и степень опытности и вообще индивидуальность опрашивающего. В виду

значения этого последнего обстоятельства, укажем на состав сил, работав ших в Московской губернии при местном обследовании 1898—1900 гг. Всего, как сказано, не считая заведующего, работало 71 лицо. Из них 21 лицо, занимавшееся ранее статистическими обследованиями, как из числа статистиков Московского земства, так и работавших в других губерниях; затем, было 2 лица с агрономическим образованием, 1 ветеринар, 1 лесничий, 1 врач и 10 сельских учителей,—также частью из Московской, частью из других губерний,—итого 36 лиц, которые уже по прежней своей деятельности были более или менее знакомы как с деревней, так и с производством местных обследований. Остальные 35 человек были студенты Московского университета, среди которых были и лица, практически неподготовленные, почему и может возникать вопрос о соответствии их необходимым требованиям. Однако, некоторые из студентов, производивших местные обследования в Московской губернии, занимались ранее подворными обследованиями в других губерниях и обладали тоже необходимыми знаниями и опытом; остальные же, прежде поездки на места, знакомились с некоторыми из прежних статистических обследований по Московской губернии. Это необходимо было, во-первых, для того, чтобы у отправляющихся на местные обследования было уже некоторое представление о хозяйственных условиях Московской губернии; во-вторых, знакомясь с этими условиями по статистическим трудам, лица эти получали сведения и о том, как собирается земскими статистиками материал на местах, как он обрабатывается, и что получается из тех разрозненных данных, которые каждому из них приходится собирать на месте. Это предварительное, хотя и беглое, знакомство со всем ходом работ существенно в том отношении, что оно, давая предетавление о конечном результате работы, вносит в нее более содержания, более интереса, устанавливает более определенное представление о значении того или иного вопроса, о том, что именно должен выяснить ответ на данный вопрос, и дает понятие, *насколько серьезное значение имеет точная отметка обстоятельств и явлений, которые на первый взгляд могут представляться маловажными и несущественными.* После этой предварительной, так сказать, книжной подготовки каждый, еще не производивший ранее местных обследований, как то было выяснено выше, принимался за местные обследования, уже достаточно ознакомившись, как они производятся. Все это и гарантировало достаточную подготовленность и опытность лиц, собиравших сведения на местах. При всем том, конечно, практическая подготовка и опытность лиц, уже отдававших свои силы и ранее тому или иному общественному служению, в том числе и статистике, конечно, должна быть поставлена выше опытности и подготовленности тех студентов, которые не работали по статистике ранее, а потому, может быть, не лишнее отметить, что хотя студенты и составляли почти половину всего персонала, собиравшего сведения на местах, но на их долю выпала работа лишь в течение 168 месяцев, т. е. менее трети всего числа месяцев, посвященных местному обследованию. Эти 168 месяцев работы студентов распределились следующим образом. Работали на местах:

Месяцев	1—	2—	3—	4—6—	7—	8—10—	12—	16—18	
Число лиц	8+	8+	5+	3+1+1+	4+	1+	1+	2+ 1	= 35 лиц.

Месяцев ..... 8+16+15+12+6+7+32+10+12+32+18 = 168 месяцев.

Отсюда видно, что более половины всего числа студентов (21) занимались собиранием сведений не свыше 3-х месяцев; остальные же, как уже отмечено,

или обладали опытом и необходимой подготовкой и ранее или же приобрели за это время усиленной работы настолько достаточную опытность, что даже занимали потом руководящую роль, при чем многие из них продолжали, по окончании курса, заниматься статистикой в других земско-статистических отделениях (Вологодском, Смоленском, Таврическом, Тульском, Черниговском и др.). Сказанного достаточно, чтобы судить, насколько опытным персоналом было произведено собирание сведений, и в какой степени качество последних, поскольку оно находится в зависимости от этого условия, может считаться удовлетворительным.

Изложенное о времени, затраченном на обследование, и о среднем числе описанных дворов в день может возбудить, однако, два вопроса:

1) Каким образом при двухлетнем периоде обследования не оказывается ни одного лица, занимавшегося им полных два года, т.-е. 24 месяца?

2) Каким образом при принимаемом нами минимальном числе 30-ти дворов в день для описания при исключительно подворном опросе среднее число описанных в день дворов получалось у нас ниже этой минимальной нормы, а именно, лишь 21—22 двора?

Ответить на оба эти вопроса необходимо. Приступаем к ответу сперва на первый вопрос

Выше было уже указано, что местное обследование прерывалось во время страдной рабочей поры, — с конца июня и до второй половины августа, т.-е приблизительно на два месяца; но, кроме того, его приходилось приостанавливать на Святки, на праздник Пасхи, прерывая за несколько дней до наступления этих праздников; в течение масляницы тоже надо было приостановить, да перед Пасхой или после нее неделю—другую не позволяла производить местные обследования весенняя распутица Все это вместе взятое прерывало обследование на местах тоже не менее, как месяца на два, что с прежними двумя и составляет четыре месяца, так что год местных обследований и приходится считать не более, как в 8 месяцев. При этом, однако, нужно заметить следующее. Не производилось у нас местное обследование в страдную летнюю пору только в 1898 г., да в 1900 г. мы его закончили к этому моменту В течение же 1899 г. местное обследование производилось и все летние месяцы. Выше было указано, сколько условий надо было принять во внимание, чтобы определить, с какого уезда начать местное обследование. Но точно так же и далее, при определении последовательности уездов для описания, необходимо было считаться со многими условиями. Важно было принимать во внимание и время года, в которое удобнее производить обследование в том или другом уезде. Стремясь, насколько возможно, не растягивать обследование губернии на срок свыше двух лет, мы должны были предусмотреть возможность не останавливаться с обследованиями и в летние месяцы. Уезды с преобладающим фабричным заработком населения представляли в летние месяцы даже более удобств для местного обследования. Зимою во время промысловых занятий пришлось бы для опроса отрывать население от дела, что замедляло бы опрос, вызывало бы неудовольствие населения на потерю заработка и могло бы отразиться на обстоятельности ответов населения. Летом же, когда приостанавливаются фабричные и домашние промысловые заработки, население с этой стороны свободно; в то же время население таких районов—в особенности мужское—не настолько уже привязано и к полевым работам, чтобы особенно неохотно отрывалось от них; во всяком случае оно охотнее оставляло для ответов полевые работы, нежели фабричные и промысловые занятия зимой. Имея

это в виду, на летние месяцы 1899 г. и были намечены фабричные районы Богородского и частью Бронницкого уезда. Таким образом, за указанными выше вычетами на праздничное время и время весенней распутицы, у нас один год обследования исчисляется в 8, а другой в 10 месяцев, что и дает для работавших весь период 18 месяцев местного обследования. Для лиц же, занимавшихся местным обследованием менее этого времени, принято в приведенном подсчете то число месяцев, в течение которых они действительно работали. Привожу все эти раз'яснения, имевшие как будто бы значение только при данном обследовании, для того, чтобы ясно было, насколько и как приходится считаться с различными обстоятельствами и условиями при организации статистических обследований.

Каждый месяц мы считаем в 24—25 рабочих дней тоже на основании фактического положения дел. здесь приходится иметь в виду не праздничные дни, которых в обычном месяце набирается вместе с воскресеньями не менее пяти; напротив, многие праздничные дни, обычные воскресенья представляли собою иногда даже наиболее удобные дни для местного обследования, так как тут население было свободно, и статистики этим пользовались; вообще при местных обследованиях статистикам не приходится считаться с праздниками, как днями отдыха. Несмотря, однако, на это, во многие праздники не приходится совсем производить местное обследование или же приходится сокращать его на добрую часть дня. Храмовые, приходские праздники совсем уже непригодны для работы, и иногда дня на три; в некоторые другие—приходится ждать окончания времени церковной службы, да и вечером кончать ранее: конечно, выбирается время так, чтобы не обследовать данного селения в приходский праздник или на это время перекочевать в другое селение, но все же избежать этих помех не всегда возможно, и таким образом из каждого месяца праздничные дни отнимают дня 2—3. Затем, помимо праздников, окончание местного обследования в одном районе, одной волости, вызывает необходимость перемещения в другую, а это уже сопряжено с такою дальностью расстояния, что требует дня, а иногда, если необходим предварительный заезд в Москву, и более времени. Избежать этого невозможно, как бы ни организовывать работы, а кроме того немыслимо же и статистику, как бы он ни был ретив, кочевать из селения в селение без всякой передышки долее известного периода времени. Приезд же в Москву всегда задержит еще на день, на два,—просто в видах необходимого отдыха. Если взять это в расчет, то не только нельзя считать в среднем на каждого работника более 24—25 дней местного обследования в течение месяца, но надо признать и это число дней несколько преувеличенным

Во избежание недоразумений, добавим еще к ответу на поставленный нами первый вопрос, что те четыре месяца в году, которые мы выкидываем из времени местного обследования, конечно, не пропадали даром, исключая действительно праздничных дней. Помимо приведения в порядок собранного материала, это время затрачивалось теми же лицами на проверку его, а затем и на некоторые выборки из него, благодаря чему, еще до окончания всего местного обследования, можно было пользоваться частью уже собранного материала, что и делалось.

Что касается ответа на второй вопрос—о среднем числе описанных в день дворов, то он решается также очень просто. Когда я говорил о 30-ти дворах в день как минимальном числе, то имел в виду день, посвященный исключительно подворному описанию. Приводя же средний расчет, дающий 21—22 двора в день,

я брал всю совокупность работ местного обследования. Наглядно это можно представить так: в селении присутствуют два статистика; один—производит подворное описание и описал за день 40 дворов, а другой—в это время составил учет земель по этому селению и поселенное описание, а затем, если позволило время-то побывал еще у соседнего владельца и собрал и там сведения; работало два лица, и в среднем на одного выходит лишь двадцать дворов. Но в совокупность работ местного обследования входили не только учет земель, составление общинного бланка и описание частно-владельческих имений, где это оказывалось возможным, но и предварительное посещение волостных правлений, проверка там перенесения сведений о населении, сделанного волостным правлением, выборка необходимых сведений из книг волостного правления, снятие иногда копий с имеющихся там и недобытых ранее планов земельных владений и т. п. Все это вместе с описанием селения, в котором помещается волостное правление, требует не менее двух дней, а при более обширной волости, а в особенности при значительной величине селения, в котором находится волостное правление, задерживает и на 4, на 5 дней. Совокупность всех работ местного обследования и обусловливает получение в среднем расчете 21—22 описанных дворов в день при фактическом описании не менее 30-ти дворов.

Не могу не заметить здесь, что из книг, находящихся в волостном правлении, весьма полезно бывает просмотреть две книги, повидимому не имеющие отношения к статистике: это—„книгу сделок и договоров" и книгу, в которую вписываются приговоры волостных судов. Та и другая дают указания на явления хозяйственной жизни, на условия арендования земли дома, на условия отдачи в ученье, по какому мастерству, в какую деревню и вообще на различные частности и случаи по отдельным селениям. Знание же этого важно опять и в том отношении, что приводит опрашиваемых к заключению, что перед ними человек, которому многое известно такое, что и они не все помнят, а это тоже побуждает говорить то, что есть, не искажая действительности и не умалчивая о ней.

Добавлю к этому еще, что упомянутое выше передвижение из одного селения в другое с очередной или же и добровольно нанятой в каждом данном селении подводой имеет одно незаменимое удобство: по дороге возница, если он сколько-нибудь разговорчив, пояснит и расскажет многое и относительно того селения, из которого едешь, и о том селении, куда направляешься. В том и другом случае получишь к сведению много таких черт, которые пояснят и пополнят многое уже из узнанного и помогут составить из собранного материала более полную и яркую картину того, что интересует исследователя. В особенности важно получить некоторые сведения о селении, куда едешь, так как тогда являешься туда вооруженный такими подробностями и частностями, которые свидетельствуют населению, что „тут все известно, он все знает", причем население и не подозревает откуда эти сведения. А раз „он все знает", так тут уже нечего и умалчивать о чем-либо или сообщать неверные сведения. То же нужно сказать и по поводу пешего передвижения, если оно совершается в сопровождении местного человека.

К сказанному должен еще добавить, что такая предварительная осведомленность сильно влияет не на крестьянское только население. Из многих примеров, свидетельствующих об этом, укажу два. В одном случае статистик путем опроса крестьянского населения и пред'явления ему планов установил местонахождение неотмеченных на плане частей владения одного землевладельца. Приехав к этому

землевладельцу, статистик получил от него сведения о той части имения, в которой находилась усадьба данного лица. Покончив с этим, статистик заявил, что землевладелец имеет еще участок земли там-то; землевладелец проявил некоторое удивление и дал ответы на ряд вопросов, после чего статистик заявляет землевладельцу: „у вас имеется еще столько-то десятин там-то". Тогда землевладелец сказал подобно крестьянам: „Э, да я вижу, вам все заранее известно, и от вас ничего не скроешь". Другой случай, когда землевладелец (он же и земский начальник), присутствуя в деревне при подворном опросе, поинтересовался узнать, какие же предварительные материалы имеют статистики; тогда статистик достает из пачки планов план на землю этого землевладельца; землевладелец, еще не прочитав надписи, воскликнул: „да ведь это план на мою землю, откуда же он у вас"? Ему ответили, что из Дворянского банка. В результате, при опросе об имении этого землевладельца — он самолично в присутствии статистика делал выборки из книг и счетов по имению. А это имело и другие последствия. За этим делом и производимым статистиком опросом застали земского начальника волостной старшина и писарь, что произвело на них очень сильное впечатление, которое передалось в остальную крестьянскую среду в том виде, что перед статистиками никто не уклоняется от правильного ответа на вопросы.

Глава IX.—Посевы и полевые культуры. Применение выборочного метода

Теперь пора перейти к об'яснению того обстоятельства, по поводу которого я заговорил обо всем только что сказанном. Было отмечено, что данные об общем посеве приходилось иногда получать путем вывода средней, так как были дворы, по которым не был отмечен их высев. Если мы указали, как на общее правило, что определять общий высев по селению приходилось по среднему, выведенному по высеву дворов, о которых дан ответ, то из этого должно следовать, что дворы с отсутствием отметок о высеве в них не представляли чего-либо исключительного и являлись, так сказать, типичными. Возникает вопрос: что же это было—недосмотр регистратора или невозможность получить такие сведения или же сознательное отступление? Не отрицая возможности пропусков по первым двум причинам (в особенности по второй: самого крестьянина не было на лицо, а женский персонал семьи не всегда осведомлен или не решается в отсутствии главы семьи дать ответ по этому вопросу), но пропусков во всяком случае весьма редких и исключительных, мы должны сказать, что во многих случаях отметки о величине высева для ряда дворов не делалось сознательно— и по преимуществу в уездах, обследовавшихся позднее. Произошло это таким образом. Я уже указал общее число лиц, занимавшихся местным обследованием указал, и на то, что новые лица, неопытные еще в производстве местных описаний, выдерживали, так сказать, некоторый период подготовки к тому. Независимо от этого весь план работ был построен так, чтобы начать обследование с небольшим числом лиц, сравнительно подготовленных, и затем, по мере того, как они совершенно освоятся с делом, присоединять к ним новых лиц, увеличивать и число партий и численный состав каждой партии. Из представленных выше данных видно, что 11 лиц работали в течение всего периода работ; следовательно, обследование во всяком случае могло быть начато не менее как с 11-ю лицами; в действительности же обследование начато было в составе 18-ти лиц, уже утвержденных для производства его; однако часть их затем по разным причинам прекратила эти занятия в разное время, но ранее окончания всего периода обследова-

ний. С осени 1898 года происходило постепенное пополнение состава, доведенное к лету 1899 г. до 56 лиц, работавших одновременно в течение двух месяцев. Если бы такое пополнение производилось совершенно беспрепятственно по мере надобности, вызываемой планомерным расширением дела, то можно было бы рассчитывать, что работы будут производиться все время так, как были намечены сначала, и закончатся в течение двух лет. Но на практике приходилось иногда замедлять увеличение партий, когда по существу дела медлить с этим не следовало: замедлять же приходилось потому, что те лица, которыми предполагалось пополнить партии, еще не были к тому времени утверждены. Конечно, возможно и должно было и это предусматривать, и потому, если то было возможно, представлялись лица на утверждение за два, за три месяца до того, когда предполагалась необходимой работа этих лиц, но иногда и такой срок оказывался малым, и утверждение своевременно не поспевало. Бывало так, что на утверждение представлялось лицо в апреле или марте и в мае могло бы ехать, а между тем к этому времени утверждение не получалось, отсутствовало и то губернаторское удостоверение на производство подворного обследования, наличность которого была поставлена непременным условием для командировки управою лица на местное обследование, причем на местах происходило за этим наблюдение со стороны лиц, уполномоченных на то администрацией; удостоверение же это получалось нередко только к июню, когда до перерыва местных работ оставалось меньше месяца. А так как такая задержка происходила по отношению не к одному лицу, то это и вело к тому, что иные месяцы работало на несколько человек менее против того, что по существу дела было бы возможно и что предполагалось сообразно планомерному расширению дела. В результате это означало, что в течение данного месяца оказывалось обследовано на несколько тысяч дворов менее того, что можно было бы при иных условиях и что нужно было для производства работ без задержки и в предустановленный заранее срок. Представлять же на утверждение всегда так, чтобы иметь в запасе лишний месяц, нельзя было, так как далеко не все желающие работать могли выжидать такой срок, чем объясняется, между прочим, и то обстоятельство, что из 118 утвержденных—46 лиц, т.-е. почти две пятых (39%) всех утвержденных, не принимали участия в работах: многие не могли выжидать такого продолжительного срока на утверждение, как 2—3 месяца, и за это время уже устроились где-нибудь в других местах. Таким образом продолжительность времени, необходимого для утверждения статистиков, лишала части работников и иногда весьма подготовленных, а затем это же обстоятельство все время отзывалось на замедлении хода работ, не дозволяя увеличивать число работающих тогда, когда это по существу дела было возможно и нужно, или же позволяя увеличивать их не в той мере, как было необходимо.

Не могу не заметить при этом, что то подозрительное отношение администрации к земским статистикам, которое выражается и в особо строгом расследовании до утверждения и в контроле над статистиками на местах, производит на население совсем не то действие, которое повидимому должно было бы вытекать по взглядам администрации из ее отношения к статистикам. Сужу об этом хотя бы потому, что в одном уезде местный землевладелец—состоявший губернатором в одной из соседних губерний—по поводу нашего местного обследования выразился в своем кругу: „зачем вы тут допускаете такое обследование, я бы у себя в губернии не допустил его". Слова эти дошли до местных крестьян, и они спрашивали статистиков: „почему это господа так не лю-

бят вас"? И насколько можно было судить из дальнейшего—эта „нелюбовь господ к статистикам" сильно влияла на доверие к последним со стороны крестьян. Но если это могло влиять на охоту крестьян раз'яснять все, как есть, и благоприятствовало получению сведений, то, с другой стороны, неблагоприятно влияло на ход работ и на подбор подготовленных лиц. Не каждый, желавший заняться исследованием и подготовлявшийся к нему, мог выжидать два-три месяца, пока решится в ту или другую сторону вопрос об утверждении его. Вместе с тем это мешало единовременно иметь надлежащее количество рабочих сил, что замедляло ход работ. Наконец все это осложняло организацию работ. Это еще раз свидетельствует о важном значении для статистических обследований всех внешних условий, в зависимости от которых находится и самое составление программы и постановка вопросов. Чтобы не возвращаться к этому еще раз, укажу на приложение 1-е—вопрос о надельной и купленной земле. Вместо прямого вопроса о времени передела земли и основаниях передела пришлось поставить вопрос: давно-ли имеет надельную землю в этом составе душ, так как вопрос о переделе общинной земли администрация вычеркнула из программы, опасаясь вообще всяких толков о земельном переделе. Конечно, на вопрос: давно ли имеет землю в этом составе душ, нельзя отвечать, не говоря о переделе, и таким образом запрет администрации не помешал выяснению вопроса о переделе общинной земли. Но это еще раз свидетельствует, как при всей склонности настоящих статистиков к прямой, открытой постановке вопросов—им приходится прибегать к ухищрениям в форме постановки их. Все это делает статистиков, несмотря на их склонность к спокойному, об'ективному обследованию действительности, крайне заинтересованными в том, как складываются условия общественной жизни и политическое и административное положение страны, и не позволяет им оставаться равнодушными к тому.

Было еще обстоятельство, которое нельзя было принять в расчет в полной мере, и которое задерживало местное обследование: это—необычайно дождливая осень 1898 г., а отчасти и 1899 г. Дороги осенью у нас, как известно, становятся вообще крайне неудобопроездными. Осень же 1898 г. более, чем обычно, обильная непрерывными дождями, сделала грунтовые дороги уже почти совершенно непроездными, а это не только вызывало медленность в передвижении, но даже и совершенное прекращение его на вечернее время при темных осенних вечерах. Вследствие этого много времени пропадало совершенно напрасно. При обычных условиях, если статистик заканчивал местное обследование в данном селении, напр., к 3—4 часам дня, то оставалось достаточно времени, чтобы переехать в следующее селение и начать там местное обследование; далее, если он заканчивал в каком-либо селении местное обследование в 8—9 час. вечера то и тогда еще являлась возможность переехать в другое, за 2—3 версты, чтобы переночевав в нем, начать обследование рано утром. Не так, однако, приходилось поступать осенью 1898 г. Если статистик заканчивал работу в селении к тому времени, когда уже стемнело, то, хотя бы это было 4—5 часов дня, его нередко не брались везти в следующее селение, до наступления рассвета, не брались потому, что темно, а дорога настолько грязна, что ехать в темноте совершенно невозможно, не рискуя увязнуть, а то так и утопить лошадь и телегу, самого себя и седока. И вот приходилось весь вечер безплодно сидеть в селении, где все уже исполнено, и сидеть далеко не в такой обстановке, которая давала бы отдых. Пропадал весь вечер, т.-е. чуть не полдня, да и на следующее утро то время, которое могло бы быть занято уже работой, уходило на то, чтобы

медленно тащиться в следующее селение. Пропадало прямо непроизводительно много времени; но, кроме того, вечер, проведенный безплодно в душной избе и не давший отдыха, а лишь одну скуку и томление, и затем утро, проведенное под дождем в тряской телеге по невозможной дороге, влияли, конечно, неблагоприятно на работоспособность, что тоже должно было сказываться на быстроте работы.

Все эти обстоятельства и повели к тому, что заставили серьезно задуматься над тем, как выполнить местное обследование в течение намеченного для него периода времени. Увеличивать число приглашаемых лиц новыми и еще неопытными, при том условии, что обследование переходит к уездам более сложным и разнообразным,—было рискованно по отношению к качеству сведений; да кроме того, этот путь был бы неверен и потому, что опять-таки рассчитывать на труд этих лиц, может быть, пришлось бы не тогда, когда это было наиболее необходимо, так как утверждение их могло прийти слишком поздно. Организовать собирание сведений как-либо иначе тоже не приходилось. Сокращать программу, опускать прямо целый ряд вопросов тоже было невозможно. Оставалось одно—разобраться в собираемых сведениях и посмотреть, нельзя ли тут, не опуская ни одного из отделов их, поступиться по некоторым вопросам исчерпывающей записью их, без ущерба для полноты обследования. Практика обследования за 1898 год была достаточно обширна, чтобы можно было основываться на ней. А между тем она показала, что в каждом селении некоторые явления настолько однородны, что достаточно их знать по ряду дворов, чтобы распространить на целую группу их. А в таком случае можно ограничиваться опросом об этих явлениях в нескольких дворах и затем сберечь время, не опрашивая о том же в остальных дворах.

Практика здесь показала то, что можно было предположить и заранее, но что надо было все-таки проверить. А именно, можно было предположить, что при наличности известного размера надела посев ржи на надельную душу будет одинаков у всех домохозяев одной и той же общины. При таких условиях как будто и не следовало совсем включать такого вопроса в подворную карточку: достаточно было поставить общий вопрос в поселенном бланке— как велик посев на душу. Но ограничиться этим нельзя было. Посев этот может измениться в отдельных дворах от многих причин: от качества семян, от числа надельных душ у данного домохозяина, от числа полос, на которое разбит его надел в поле; это число полос у двух домохозяев, имеющих одинаковое число надельных душ, может быть неодинаково в зависимости от того, сразу ли получил домохозяин надел на это число душ или оно у него изменилось путем прибавки ему освободившегося надела; в таком случае один домохозяин будет иметь в одном месте двухдушную полосу, а другой будет иметь две одноду шных в разных местах: в первом случае полосы будут шире, во втором—уже, а это все может иметь влияние на количество семян, которое будет рассеяно в том и другом случае при одинаковой густоте посева. Все эти обстоятельства обусловливают таким образом различие в количестве посева, вызывают колебание в нем; вследствие этого ответ на вопрос: как велик посев на душу, является обобщенным ответом, выводом средней из всех колебаний. Такие же вопросы, ответы на которые являются обобщенными, представляют собою уже не сообщение о конкретном факте, а вывод отвечающего,—вывод, который является не об'ективным установлением факта, а суб'ективным представлением отвечающего. Постановка таких вопросов не отвечает требованиям правильной регистрации явлений и допускается лишь в самых исключительных случаях. Имея все это в виду, мы и решили вопрос

о посеве поставить в подворную карточку; это было тем более необходимо, что посев данного двора может не ограничиваться посевом на надельной земле; бывает посев на арендованной, на купленной, наконец посев может распространяться на весь надел и на часть его. При таких условиях для более близкого к действительности определения посевной площади крестьянского населения необходимо собрать сведения о высеве в каждом хозяйстве, т.-е. в каждом дворе. Еще более это необходимо по отношению к яровому полю, где помимо отмеченных обстоятельств влияют и другие: наличность или недостаток семян вообще, или того или другого рода хлебов, состав семьи (есть кому прясть—сеется лен, иначе нет: имеются ребятишки—посеят гороху, и т. п.), даже занятие членов ее (извозчик предпочтет посев овса; есть промысловой женский заработок—не будет посеян лен, и т. д.). Все это и вызвало необходимость подворного опроса о высеве. Но практика показала, что в большинстве селений по отношению к отдельным дворам, имеющим в пашне только надельную землю, больших различий в размере посева при одном и том же числе надельных долей не замечается, т.-е., при двух душах, высев будет у всех дворов колебаться в таких повторяющихся пределах, что, отметив его у нескольких дворов, приходится потом у остальных встречаться с теми же повторяющимися величинами, так что средний высев на душу у десяти, напр., двухдушных дворов получится для данного селения такой же, как и у двадцати, тридцати или же отступление будет самое ничтожное. Факт этот был уже подмечен статистиками независимо от возбуждения вопроса об ускорении обследования. Остановившись на нем и найдя ему удовлетворительное об'яснение в определенном, так сказать, среднем подборе домохозяев — однодушников, двухдушников и т. д.—в данном селении, при обсуждении вопроса о дальнейшем ходе работ и решено было, при известных условиях, при отсутствии аренды и т. п., ограничиваться опросом о посеве у нескольких дворов, не тратя времени на опрос этого у всех, чтобы таким образом сократить время на подворный опрос. В связи с сокращением этого опроса, сокращался для таких дворов и опрос об урожае, о сборе с посевной площади. Конечно, этим допускалась некоторая произвольность со стороны статистика, ведущего опрос: от него зависело решить, что об этом опрошено достаточное количество дворов. Но при том моменте нашего обследования, когда это решено было, такую произвольность можно было допустить без опасения существенных погрешностей. Дело в том, что в этот момент статистическое отделение включало в свой состав достаточно лиц уже опытных, ознакомившихся с условиями губернии и вполне компетентных во всех отношениях, чтобы не допустить здесь серьезной ошибки; лицам же новым такие пропуски не рекомендовались. Вот те причины, по которым у нас, хотя и не везде, но по отношению не к каждому двору имеются сведения о его высеве, почему и приходилось прибегать к установлению среднего по имеющимся записям. Независимо от этого встречаются пропуски, вызванные тем, что почему-либо и при желании получить сведения о том или другом дворе, достигнуть этого нельзя было, как то случается при каждом статистическом обследовании.

Но в таком случае, значит, наши сведения о размере посева, о величине посевной площади далеки от той близости к действительности, которую они имели бы, если бы сведения эти собирались по каждому двору, без намеренных отступлений? Вряд-ли, однако, можно сказать это. *Во-первых*, мы тут имеем то, что представляет собою, все чаще и чаще практикуемое в настоящее время, *выборочное исследование*, произведенное при таких условиях, когда мы имеем и

массовый материал, совершенно достаточный для установления довольно точной средней, а в данном случае по отношению к такой средней, которая устанавливается по *однородным* явлениям: у двухдушников, трехдушников и т. д. Можно даже сказать, что в данном случае само изучение действительности совершенно нормально привело к необходимости и возможности применения выборочного приема исследования. Должен, однако, отметить, что в нашем применении этого приема не было соблюдено одно очень важное условие правильности пользования им, а именно—выбор опрашиваемых производился не механически, а по усмотрению статистика, так что тут могли влиять на подбор опрашиваемых и суб'ективные представления статистика. Это было уже оговорено выше. А затем, и при этом все же мы должны сказать: *во-вторых*, если бы даже и допустить, что в данном случае наши материалы о высеве недостаточно точны, тем не менее есть основание допустить, что они более близки к действительности и более совершенны, чем сведения этого рода, собираемые где-либо, не только у нас в России. В самом деле, как собираются и устанавливаются данные о размерах посевной площади и о высоте урожаев? Не вдаваясь в существующие относительно этого различия приемов и организации, от которых зависит большая или меньшая степень совершенства установленных данных, можно указать их общую черту: сведения эти никогда не имеют исчерпывающего характера, они никогда не получаются не только от всех хозяев, но даже от большинства их. Вследствие этого обыкновенно сведения, полученные о некоторых хозяйствах, распространяют на ряд их, в предположении—часто без особых исследований, а просто на основании единства природных условий—что они однородны с теми, о которых получены сведения. И обыкновенно в результате этого как посевная площадь, так и сбор с нее выясняются путем обобщения и вычислений. Мы пользуемся таким же приемом, но при условиях, более гарантирующих близость к действительности полученных результатов. Мы имеем сведения о нескольких разнородных дворах (хозяйствах) по *каждому* селению, и среднюю, полученную как вывод из данных, относящихся к этим хозяйствам, распространяем не на целый, довольно обширный район, как то обыкновенно делается, а лишь на поля к хозяйства этого же селения, той же общины, при чем имеем возможность сделать это по группам дворов, т.-е. подойти, так сказать, вплотную к подлинной действительности, и это уже одно приближает наши данные к действительности в большей мере, чем где-либо. Но, кроме того, мы имеем здесь дело с хозяйствами, где различие индивидуальных условий далеко не в такой мере влияет на различие строя и уклада каждого отдельного хозяйства, как это бывает в частновладельческих хозяйствах или при подворном владении. Условия наделения землей, условия распределения ее при общинном землевладении, общая пастьба скота, нередко общий наем выгона, прогона, покоса, пашни—создают такую однородность факторов, наиболее определяющих строй хозяйств, что здесь распространение того, что дознано о посеве и урожае одного двора, на ряд других того же селения и того же типа опять-таки более допустимо, и гарантирует близость к действительности полученного результата в гораздо большей мере, чем там, где приходится распространять известное о некоторых хозяйствах на ряд их, различающихся значительно по обстоятельствам и условиям, только что перечисленным. Все это и заставляет нас думать, что в данном случае более, чем в каком-либо другом, оправдывается применение выборочного метода, и что сведения, включенные в отделы X и XI наших таблиц, весьма близки к действительности и во всяком случае ближе, чем какие-либо, имевшиеся об этом до сих пор.

В предлагаемых таблицах, однако, мы имели в виду определить не всю крестьянскую посевную площадь, а лишь посев на надельной земле. В подворных карточках у нас стояли *отдельно* вопросы о посеве и сборе на надельной земле, купленной и арендованной, и во всех случаях, когда это можно было различить, показания давались отдельно для каждого рода земли. В таблицах мы тоже имели в виду определить посев на надельной земле. При этом, однако, здесь подразумевался посев не только крестьянский. Часть надельной земли арендуется иногда и посторонними; посев, произведенный ими на арендованной надельной земле данной общины, включался в наш подсчет, так что посев на надельной земле относится не только к приписному, надельному и обрабатывающему землю, населению, но к надельной земельной площади. Считая, однако, важным выделить посев, производимый надельными крестьянскими хозяйствами, мы во всех случаях, когда включен посев посторонних, оговариваем это в примечании с выяснением количества их посева. Это дает возможность, выключив посев посторонних, определить размер чисто крестьянского высева. Однако, посевы посторонних составляют обыкновенно настолько малую долю, что весьма незначительно отражаются на общем количестве посева, и потому, если для средних выводов по более крупным районам посевы посторонних не выключать, то происходящее от этого некоторое удаление от действительности будет весьма незначительно. Мириться с ним в данном случае тем более можно, что и вообще-то статистические данные этого рода могут считаться только приблизительными и никак не могут претендовать на особую точность. Все, только что сказанное, думается мне, намечает, при каких условиях и в каких пределах можно пользоваться выборочным приемом исследований, почему я и остановился здесь довольно подробно на примененных нами приемах определения среднего урожая и высева.

Другое, что необходимо оговорить здесь, это—то, что выделить посев на надельной земле от посева на купленной и арендованной не всегда было возможно; часто население само не могло этого сделать, так как не различало этого при самом производстве посева. При этом необходимо отметить, что население не всегда могло и отличить это. Так, напр., у бывших удельных крестьян арендуемая ими пашня находится обычно среди их надельной, так сказать, сливаясь с последней. Обыкновенно это—бывшая *общественная запашка*, производившаяся по приказанию начальства для засыпки сбора с нее в продовольственный общественный магазин. При отмене крепостного права запашки эти, занимающие площадь среди крестьянского надела, почему-то не поступили в состав последнего. И вот население 1) вынуждено постоянно арендовать их во избежание всяких неприятностей и недоразумений, а 2) при том условии, что эти запашки сливаются с его надельной пашней, конечно, не может выделить посев на той и другой пашне. Вот во всех таких случаях, а также и сходных с ними, и нам не приходилось искусственным и до известной степени произвольным образом рассекать живую деятельность, и мы предпочитали показывать высев на надельной и арендованной или купленной земле вместе, оговаривая это в примечании к таблице. Здесь, однако, надо иметь в виду, что это относится только к посеву на земле, купленной или арендованной всем обществом или товариществом, когда каждый сеющий двор имеет долю участия в ней. Если же тот или другой хозяин арендует лично, то, зная число надельных душ, отведенных ему, и имея данные о посеве на надельной земле у тех, которые сеют только на надельной, мы и у арендующего выделяли посев лишь на надельной земле и таким

путем подходили к определению общего высева на надельной земле данной общины. Впрочем, и это последнее выделение не всегда оказывалось осуществимым, что в таком случае и оговаривалось в примечании. Не могу не отметить поэтому поводу, что при составлении программы обследований приходится считаться с действительностью и иметь в виду, что не всегда задачи обследования могут быть осуществлены во всей полноте их, и во всяком случае должно считаться с условиями выполнения их.

Необходимо еще одно указание. Сказанное о содержании граф X отдела таблиц может дать повод заключить, что, разделив число, показанное в 52 графе (высев ржи в четвертях), на одну треть числа, показанного в гр. 32 (пашня, из которой под рожью при трехполье должна находиться третья часть), можно получить правильное представление о густоте высева ржи в данной общине или по всей волости. Так вот от этого заключения и необходимо предостеречь, так как значащийся в наших таблицах действительный высев далеко не всегда совпадает с возможным по пространству всей пашни. Часто он ниже того, что дозволяет высеять вся площадь пашни: или часть поля запущена, не засеяна у всего общества, хотя эта запущенность и не такова, чтобы превратить пашню в какое-либо другое угодье или же, что значительно чаще, у того или другого домохозяина не засеяна та или иная полоска, та или иная часть его надельной земли, а то так и вся его доля не обработана и не засеяна. При таких условиях, очевидно, разделив число, показывающее общий высев, на треть пашни, мы получим густоту посева, меньшую против действительной.

Для определения действительной густоты посева служат данные гр. 58, при помощи которых можно определить и пространство запущенной пашни в озимом поле, что и будет выяснено ниже. Предварительно же надо остановиться несколько на выяснении следующих по порядку граф таблицы, а именно 53—56, имеющих назначением дать характеристику по преимуществу ярового поля. В них показан высев растений, занимающих яровое поле, при чем год, для которого записан посев ярового, не совпадает с годом посева озимого. При регистрации имелось в виду приурочить *сбор* по каждой общине к одному моменту, а для этого приходилось отмечать посев, предназначенный для этого сбора. Естественно поэтому, что посев озимого относился к осени предшествующего гражданского года, а посев ярового к весне того гражданского года, для которого отмечен сбор. Если же описание производилось осенью, или вообще между временем посева озимого и ярового, то для большей точности и полноты описания записывался последний посев озимого, а также и предшествующий, к которому относится сбор: в таблицах же проставлялся все-таки тот посев, к которому приурочен сбор. Для ясности представления об этом в таблицах везде и проставлено в отд. X, к какому году относится посев озимого и к какому — ярового. Отмечать это необходимо и потому, что исследование, занявшее в общем период двух лет и начатое в мае 1898 года, могло для местностей, обследованных до осени 1898 г., т.-е. для Верейского и части Можайского уездов, отметить сбор озимого лишь для осени 1897 г., следовательно для посева — величину его в 1896 г.; для последних же обследованных уездов сбор относился к 1899 г., а посев—к 1898 г. Так как далее, в отд. XI отмечается, каким считается урожай — хорошим, средним, плохим, то для суждения о правильности этих отметок (что можно определить сличением их с показанием „Статистических Ежегодников Московской губернии" за соответствующие годы), и важно было знать,

к какому году относятся эти сведения. В силу этого мы везде в таблицах и проставляем года, к которым относятся сведения о посеве и урожае, при чем они относятся иногда к разным моментам для различных волостей одного и того же уезда, если исследование этого уезда перешло из одного сельскохозяйственного периода в другой. В таких случаях в таблицах и сделаны соответствующие указания.

Необходимо добавить, что и в отд. IV отмечено, к какому году относятся сведения о населении. При этом в одних случаях показано население по сведениям 1898 г., а посев озимого в 1897 г., ярового в 1898 г. и сбор того и другого в 1898 г.; в других же случаях, иногда даже в том же уезде, но для другой волости, для посева и сбора значатся те же года 1897 и 1898, а население значится по сведениям не 1898, а 1899 г. Так как это может вызвать недоумение, то необходимо пояснить здесь, что отметки эти совершенно правильны. Если уезд обследовался в конце 1898 и начале 1899 г., то, очевидно, сбор может быть показан для всего уезда только для 1898 г., тогда как население регистрировалось для одних волостей в 1898 г (в конце), для других в 1899 г. (первые месяцы года). Какие по этому поводу внесены поправки и как оне делались—подробно выяснено раньше *).

В графе 53 и 54 показан в абсолютных цифрах (в четвертях) посев овса и посадка картофеля, как они выясняются для каждого селения по подсчету по подворным карточкам, при чем для дворов, в которых не было соответствующих указаний, о чем уже сказано выше, высев был определен по средним величинам его для дворов с соответствующим числом душевых долей. За этими двумя главными посевами, занимающими яровое поле, расположены остальные, соответственно их относительному значению, определяемому как количеством сеющих дворов, так и площадью посева. В то же время для полной характеристики условий земледелия, необходимо было отметить все роды полевых культур, встречающихся в крестьянском хозяйстве и при том по их относительному значению. Давать, однако, каждой из них численное выражение по каждому селению представлялось излишним и вело бы к слишком большому растяжению таблиц. В виду всего этого, вслед за двумя главными хлебами ярового поля, в гр. 55 приведены величины посева того растения, которое занимает третье место и для которого есть еще основания давать численное выражение. Это стоящее на 3-м месте растение является, однако, довольно разнообразным даже по отдельным селениям одной и той же волости. По различным же волостям и уездам дело обстоит так, что посев определенного растения, занимающего 3-е и иногда довольно значительное место в одном уезде или волости, в другой совсем не встречается. Это приходится сказать в особенности относительно гречи. Вообще же на этом месте может стоять и лен, и ячмень, и греча, и горох, и т. д. В виду этого в гр. 55, предназначенной для такого рода посевов, и при-

*) Так как нам пришлось коснуться сведений о населении, то не лишнее заметить здесь, что собранные статистическим отделением сведения о населении, выравненные при помощи приемов, о которых сказано в настоящем пособии выше (на стран. 18—20), подвергнуты губернским санитарным бюро Московского земства подробной разработке по возрастному составу населения. Работа эта, исполненная д-ром П. И. Куркиным, издана под заглавием: „Возрастный состав сельского населения в Московской губернии". Из этой последней работы, между прочим, видно, что, несмотря на те неудобства, при которых выяснялся состав населения, и о которых сказано выше, получаются тем не менее настолько правильные соотношения населения различных групп, по полу и по возрасту, что не может быть и места сомнению в близком соответствии полученного результата самой действительности

лось в заголовке поставить не один определенный какой-либо род культуры, а те виды посевов, которые встречаются в селениях данной волости, как занимающие 3-е место в яровом поле. Поэтому заголовок этой графы для каждой волости, и даже для каждого селения требует предварительного специального ознакомления с ним, чтобы знать, чему отвечает цифра, стоящая в этой графе против данного селения. В одних волостях в заголовке 55 гр. стоит „греча, *горох*", в других просто „греча", просто „ячмень", „ячмень, *лен*", „греча, *просо*, лен" и т. д. Это означает, что в отдельных общинах, отпечатанных на данной странице при заголовке „греча, *горох*", встречается на третьем месте (в гр. 55) в одних — греча, в других — горох. Чтобы отличить, где же греча, а где горох, последний заголовок напечатан курсивом и соответственно тому цифры гр. 55, отпечатанные тоже курсивом, означают, что в данных общинах 3-е место занимает горох, а не греча.

В следующей 56 графе, уже без числового выражения, помечены по каждой общине остальные виды посевов, которые встречаются в яровом поле той или другой общины. Как видим, приходится прибегать к очень разнообразным приемам изображения, чтобы не затушевать все разнообразие жизненных условий. В данном случае указанным приемом дано полное описание ярового поля для каждой земельной общины. Из внимательного рассмотрения этой графы видно, что в одних случаях на этом месте второстепенных хлебов встречается один из показанных в гр. 55. Так, напр., если в заголовке гр. 55 значится „греча и *просо*", то это не значит еще, что указания на посев гречи или проса для каждой общины даны только в этой графе. В этой графе приведены данные только для того посева, который занимает 3-е место по данной общине, напр. для гречи, а в следующей 56 гр. для той же общины будет поставлено просо, если оно занимает в ней четвертое место. Поэтому и встречается так, что в заголовке гр. 55 стоит греча и просо, а между тем в одной общине в гр. 55 показан в цифрах посев гречи, а просо значится в 56 гр., как второстепенный хлеб, в другой общине наоборот. Независимо от этого встречаются и такие разновидности, что кроме гречи попадается на ряду с ней, как второстепенный хлеб, еще и пшеница (напр., в с. Цыбино Михалевской в. Бронницк. у.) или же встречается и несколько второстепенных хлебов: горох, лен, чечевица—при посеве на 3-м месте (гр. 55) гречи. Все это уясняет вполне содержимое ярового поля по каждой общине и позволяет судить насколько там и тут разнообразны культуры. В итоге по волости общее количество высева тех хлебов, которое значится в заголовке гр. 55, обыкновенно суммируется как для гр. 55, так и для гр. 56-й. Это значит, что поволостной итог графы 55 представляет собой для гречи, напр., итог не только тех цифр ее высева по отдельным общинам, которые значатся в гр. 55, но и тех величин ее высева, как второстепенного хлеба, которые в таблицах не напечатаны, но на основании которых этот хлеб отмечен в гр. 56, как второстепенный.

Графа 57, отведенная для обозначения особых культур, встречающихся в той или иной земельной общине, касается не только полевой земли. В подворных карточках были поставлены вопросы, ответы на которые должны были выяснить, чем заняты усадьбы. Знать это необходимо было как для того, чтобы иметь данные для правильной оценки усадебных земель, так и для того, чтобы вообще выяснить, что такое представляет собою усадебная земля, насколько она служит для культуры тех или других растений и каких именно, насколько развито отведение части ее под посадку овощей для огородной культуры. Незави-

мимо от того, что все это необходимо знать для полного выяснения положения крестьянского хозяйства, степени его интенсивности, род культур на усадьбах имеет значение и в том отношении, что та или иная культура отнимает значительную часть удобрения от полевой земли, и это может служить пояснением низкого урожая на последней и некоторых других явлений. При таких условиях выяснение посевов лишь на полевой земле не дало бы надлежащей картины крестьянского хозяйства. Но и этого недостаточно. Многие общины имеют, помимо обычного для всей данной местности рода посевов, еще на усадьбе или в поле или на особых местах особые культуры, имеющие нередко чисто промысловый характер, таковы, напр., хмельники, посадка капусты, культура лука, сады, огороды с посадкой овощей и нередко не для собственного продовольствия, а для продажи; сюда же, т.-е. к особым культурам приходится отнести и посев клевера, который, хотя по некоторым местам распространен настолько, что вошел уже так сказать в обычный полевой севооборот, а затем и вообще с каждым годом распространяется более и более, но все-таки еще ни для одного уезда, как целого, не может быть признан обычной, так сказать, узаконенной культурой. Вот для отметки существования таких культур с указанием каких именно и предназначена гр. 57. В ней, конечно, не отмечаются как особые культуры, такие случаи посадки, напр., огородных овощей, которые по местам и довольно распространены, т.-е. имеются почти при каждом дворе, но занимают две, три гряды с разнообразными овощами для собственного потребления. Степень распространения такого вида огородничества должна быть выяснена в своем месте особо. Здесь же отмечаются, как особые культуры, такие посадки, которые могут иметь не только потребительный характер или которым уделяется особое внимание со стороны населения. Конечно, для этих последних случаев недостаточно той отметки, которая значится в гр. 57, но в данных таблицах имеется в виду лишь определить, так сказать, степень географического распространения разных видов растений в сельском хозяйстве и отметить особенности в этом отношении каждой местности, поскольку оне определяются распространенностью тех или иных культур по отдельным общинам. Все это помимо характеристики условий крестьянского хозяйства, что имеет значение для земства при выработке тех или иных мероприятий сельскохозяйственного характера, необходимо иметь в виду и при выработке оценочных норм, так как выясняет определенные районы с определенным видом культур на усадебных землях или на специально для того отведенных участках.

Как в этих видах, так и для правильной характеристики хозяйственных условий Московского уезда необходимо было по четырем волостям последнего, именно: по Зюзинской, Нагатинской, Троице-Голенищевской и Царицынской ввести в эти графы (52 — 58) изменения. Дело в том, что в этих волостях преобладает культура не полевая, а садовая и огородная или одна из этих последних. Обычные же посевы полевых хлебов, т.-е. ржи, овса и картофеля занимают там второстепенное место; в Нагатинской же волости и совсем не сеется ржи. Чтобы не стушевать эти особенности и необходимо было в X отд. таблиц вслед за графами, отмечающими посев ржи, овса и картофеля, по этим четырем волостям, привести сведения не о второстепенных посевах в яровом поле, а о садовой и огородной культуре. Здесь уже по роду данных пришлось ограничиться лишь цифрами числа дворов с садами и огородами и отметить виды культивируемых садовых и огородных растений, не отмечая числа корней, кустов и т. д. Образцы этой разновидности наших таблиц и помещены на последних страницах 4-го приложения настоящего пособия.

По поводу этой графы следует добавить еще, что данные о клеверосеянии относятся здесь по каждой местности ко времени, когда производилось местное обследование. Между тем с тех пор во многих местностях клеверосеяние распространилось довольно значительно, и в этом отношении данные напечатанных таблиц далеко уступают тому, что представляет действительность в настоящее время. Вследствие этого, даваемое таблицами изображение сельскохозяйственной культуры на крестьянских землях, представляет ее в худшем виде сравнительно с действительностью в настоящий момент. Несмотря, однако, на это, рассмотренные графы этого отдела (52—57) дают довольно наглядную картину разнообразия сельскохозяйственных культур в крестьянском хозяйстве. Согласно данным таблицам мы встречаем в Московской губ.: рожь, пшеницу, овес, ячмень, горох, гречу, картофель, лен, просо, коноплю, чечевицу, вику, клевер с тимофеевкой, сады с значительным разнообразием культур в них, огороды с таким же разнообразием, специальные культуры хмеля, капусты, лука, репы, ромашки. Независимо от этого встречаются целые районы со специальными отраслями хозяйства, оправдываемыми местными условиями. Это разнообразие невольно позволяет думать, что если положение крестьянского хозяйства заставляет желать еще очень и очень многого, то причин этого надо искать не в отсутствии и даже не в недостатке сельскохозяйственной инициативы среди крестьянского населения, а также и не в условиях общинного владения землею, так как все это разнообразие создано собственной инициативой крестьян и при условии общинного владения землею. Правда, посевы клевера распространялись и распространяются в значительной мере под влиянием и по инициативе земской агрономической организации, но и здесь начало этим посевам, хотя бы и в неправильном виде, еще до появления земских агрономов, положено самими крестьянами только на основании их наблюдений над успешностью такой культуры у соседних землевладельцев и в силу собственной их инициативы в применении таких посевов на своих землях.

Последняя графа этого отдела—58-я дает средний высев ржи на душевую надельную долю по каждой отдельной общине. Данные эти имеют прежде всего прямое значение, так как по величине этого высева можно уже судить о степени возможной обеспеченности непокупным хлебом и о различии в этом отношении отдельных общин. Остановимся, напр., на сел. № 16 в Зуевской в. *). Средний душевой посев в нем 0,9 меры. В этом селении 222 душевых доли на 118 надельных семей (гр. 38 и 39), следовательно, на семью приходится в среднем менее 2-х душ; если для простоты расчета примем в среднем две души на семью, то высев последней составит 1,8 мер, что при очень даже хорошем урожае (сочтем его в сам-10), даст лишь две четверти и две меры ржи на семью. Средний же состав наличной семьи по этой общине составляет 6—7 человек (гр. 9—11). Но в той же волости встречаются посевы и выше, в других же и более значительные (до 10 мер на душу). Производя такие же сопоставления по другим общинам, возможно легко выяснить различия по разным общинам в продолжительности времени, в течение которого можно обходиться непокупным хлебом при одинаковом потреблении его.

Насколько такого рода данными можно руководствоваться и по сравнению по отдельным общинам судить о степени обеспеченности их своим хлебом—это было выяснено еще при первоначальном поселенном обследовании Московской губер-

*) См. приложение 4-е.

нии в 1877—1879 г.г., о чем приведено в настоящем „Пособии" указание далее в XI отд. (стр., 89—90). Но при этом надо иметь в виду и различие в высоте урожаев и в количестве лиц, которым приходится кормиться этим хлебом, а оно зависит не только от состава семьи, но и от того, какое число лиц и на какое количество времени уходит из дому на промыслы.

Специально же относительно различия в размере высева на душу необходимо иметь в виду, что оно может происходить или от разницы в величине надела, или от разницы в распределении угодий, т.-е. от относительной доли пашни среди надела, или от разницы в густоте высева, или же, наконец, от разницы в каких-либо двух указанных отношениях, или же и во всех трех. Чем именно обусловливается это различие, можно выяснить при помощи данных тех же таблиц. Разница в размере надела на душу легко определяется, если взять данные гр. 30, вычесть из них данные гр. 37 (неудобную землю), и полученную величину разделить на цифры гр. 38 (число надельных долей). Сопоставляя полученное частное с размером высева, можно определить: существует ли, и если существует, то какая связь между размером надела и величиной душевого посева ржи. Определив далее какой процент составляет пашня (гр. 32) в общей площади удобной надельной земли, узнаем: 1) существует ли и какая зависимость между процентом пашни в наделе и величиной последнего на душу, и 2) сопоставив величину посева с площадью пашни на душу, выясним отношение этих двух величин. Но определив площадь пашни на душу и взяв третью часть этой площади (озимое поле), мы можем подойти и к определению густоты высева на десятину и, сопоставив ее с величиной надела и с площадью пашни на душу, выяснить, существует ли и какая связь между густотой посева и размером надела, а также и площадью пашни, подлежащей обсеменению.

В самом деле величина среднего душевого посева определена у нас не путем деления высева, обозначенного в 52 гр. на число душевых долей (гр. 38), а совершенно самостоятельно. Она выведена из конкретных показаний о высеве отдельных дворов, засевающих *сполна* свои душевые доли. Этот конкретный вывод сопоставлен с записанными при пообщинном опросе суб'ективными показаниями о среднем посеве на душу, показаниями большею частью близкими или совпадающими со средними, полученными из конкретных данных. При таком определении среднего душевого посева, дающим величину его для полной полевой душевой доли, следует только помножить число гр. 58 на число гр. 38, и получим все количество *возможного* посева в озимом поле при полном его обсеменении; взяв потом *третью* часть числа гр. 32 и разделив на него полученную величину полного общего высева, получим среднюю густоту посева на десятину.

Так возьмем, напр., Короваевскую волость Дмитровского уезда*). В ней средний душевой посев ржи 4 меры, что при 2736,5 душевых долях (гр. 38) дает 10946 мер на 1010 десятин озимого поля ($^1/_3$ часть числа гр. 32) или 10,8 мер на десятину. Сделав такие же вычисления для Зуевской **), напр., волости, Богородского уезда, получим средний посев ржи на десятину у крестьян этой волости 8,6 мер, т.-е. слишком на 2 меры меньше. Возможно, конечно, сделать такие сопоставления и по отдельным общинам, но там средняя густота посева ржи не может уже определяться таким грубым способом. Во-первых, там могут быть разные поля не равны по площади их, и это может влиять на различие

*) См. приложение 4-е.

**) Приложение 4-е.

в среднем высеве на десятину, определяемому по данным о душевом посеве для определенного года, следовательно и определенного поля. Во-вторых, при одинаковой принятой в данной местности густоте высева и при сходстве других общих условий может получиться разница в среднем высеве в двух общинах в силу того, что там и тут в каждом поле, в зависимости от топографических и почвенных условий, а также от состава отдельных семей, от условий передела земли и т. п., короче от частных условий каждой общины, отдельные, засеваемые полосы, могут быть в одной общине уже, а в другой—шире, отчего в первой на то же пространство действительной пашни рассорится больше семян. При массовых данных, при группировке целого ряда общин эти частные влияния скрадываются и выделяется действие более общих условий. Поэтому для определения, напр., разницы в густоте посева в зависимости от размера надела, сопоставлению могут подлежать только средние по ряду общин с *средним* наделом на душу, *выше* среднего по волости и *ниже* среднего, говорим, по *волости*, предполагая, что тут более однородные хозяйственные условия, нежели в двух разных волостях. О сравнении же по этому признаку по отдельным уездам, конечно, не может быть речи, так как тут на густоту посева может влиять целый ряд других условий, различных для двух уездов. Правильнее всего, конечно, производить такое сравнение для группы общин, для которых уже установлена однородность целого ряда хозяйственных условий, т.-е. по определенным районам, устанавливаемым по однородным, более или менее основным хозяйственным условиям.

При этом следует иметь в виду, что общины с одинаковым посевом *на душу* не исключают различия в густоте посева на определенную единицу (на десятину); напротив, одинаковый посев на душу может получиться именно потому, что там, где меньше надел—сеют гуще и наоборот.

Все только-что сказанное, выясняя вместе с тем, так сказать *ограничения*, которые надо иметь в виду, применяя *большое число*, те пределы, которых надо держаться, чтобы, не устраняя из поля размышления того, что дает нам большое число, не затушевать вместе с тем те различия, которые существуют в действительности в зависимости тоже от определенных общих условий.

Глава X Запущенная пашня

Данные 58 гр. дают возможность определить и площадь запущенной, незасеянной пашни в озимом поле. Получив вышеприведенными расчетами то количество мер, которое было бы высеяно при полном обсеменении всего ржаного поля (т.-е. путем помножения данных гр. 58 на данные гр. 38) и, сравнив эту величину с той, которая показана в гр. 52, получим разницу, которая определит, насколько в действительности высеяно меньше против полного посева. Зная же средний посев на десятину в данной местности, можно определить количество десятин, действительно засеянных рожью, а вычитая число их из третьей части общей площади пашни (гр. 32), получим долю незасеянной площади пашни. Возьмем для примера ту же Караваевскую вол. Дмитровского уезда. Помножая цифру среднего душевого посева по волости—4 меры (гр. 58) на число душевых долей (гр. 38), получим, как уже приведено выше, полный высев в 10.946 мер, или 1.368 четвертей. Сопоставляя это с цифрой фактического высева по волости, показанного в графе 52, увидим, что фактически высеяно против полного высева на 25 четвертей менее, что при 11 мерах посева на десятину (для простоты расчета округляем полученное выше число 10,8 м.) дает немного более 18 десятин, незасеянных в озимом поле. Общая площадь пашни по волости занимает

3,029,5 дес., что дает 1010 дес. в одном поле и, следовательно, незасеянной (18 дес.) является лишь 1,8%.

Такой процент незасеянной пашни в озимом может объясняться каким-либо чисто случайным недосевом части поля, даже полоски у того или другого двора. Может быть даже и так, что эти 1,8% не существуют в действительности, а являются лишь результатом той относительной неточности вычислений, которая получается при некоторых округлениях при расчетах и при выводе средних; здесь может сказаться даже влияние того обстоятельства, что по отдельным селениям отдельные поля бывают неравны и, следовательно, на долю площади под рожью нельзя относить точно одну треть пашни. Если подсчитать в точности величину полей, занятых рожью, для данного года по каждой общине, то возможно, что именно на 18 дес. они и занимают менее $^1/_3$ всей пашни. Так или иначе, но зная условия Караваевской волости, можно допустить и a priori, что там не должно быть сколько-нибудь заметной запущенности ржаного поля; это дает и только-что произведенное вычисление, что и позволяет думать, что употребленный нами прием для определения площади запущенности является правильным и указывает в таком случае на близость к действительности собранных нами данных.

Возьмем другой пример—Зуевскую волость, Богородского уезда *). Здесь средний душевой посев составляет 1,7 меры, что при 2309 душ. долях (гр. 38) дает 3,925 мер, или 490 ч., а высеяно в действительности лишь 358 ч. (гр. 52), т.-е. на 132 ч. или на 1056 мер меньше. При среднем посеве на десятину—8,6 мер, или примем для простоты 9 мер,—это составляет более 117 десятин незасеянных. Общая площадь пашни по волости составляет 1369 дес., что дает для одного поля 456 дес., из коих 117 дес. или свыше 25% поля остаются незасеянными. Если иметь в виду, что в Караваевской волости из 1.227 надельных семей, не обрабатывающих лишь 30, а в Зуевской—из 1.212 надельных семей, не обрабатывающих 358, то получаемая тут и там разница в пространстве надельной земли, незасеянной теми, кто ее берет как надельную, является совершенно понятной. Это различие совпадает и с целым рядом других, что опять-таки указывает на близость к действительности полученных результатов.

Нужно, впрочем, иметь в виду, что собственно запущенная, незасеянная пашня среди надела, в действительности там и тут должна занимать несколько меньшую площадь против получаемой у нас, так как часть этой площади, необрабатываемой владельцем надела, может обрабатываться и засеиваться арендующим ее соседом. По данным об аренде определить это возможно довольно близко к действительности, но данные наших таблиц недостаточны для выяснения этого. К этому надо, однако, добавить, что разница, которая получится при этом, явится незначительной, поскольку то можно судить на основании, так сказать, глазомерного изучения материала, но все же она должна быть и не повсюду одинакова. Это обстоятельство не мешает, однако, пользоваться примененным нами здесь приемом для выяснения запущенности, в особенности по отдельным местностям или по ряду общин, отличающихся по различным хозяйственным условиям.

Что касается запущенности в яровом поле, то выяснение ее несколько сложно, хотя оно и возможно, если знать, как велик в данной местности средний посев на десятину того или другого ярового хлеба. Приведя тогда помещенные

*) Приложение 4-е.

в гр. 53—55 данные о посеве ярового к единицам ржаного, можно выяснить, какая часть ярового поля находится под посевом и определить площадь, оставшуюся незасеянной.

Заметим кстати, что запущенность в яровом поле не столь характерна для выяснения постоянных, не скоро изменяющихся хозяйственных условий, как запущенность озимого поля. Для посева последнего, кроме случаев полного неурожая, семена всегда есть, тогда как в яровом поле может получиться незасеянная полоса и у очень исправного домохозяина только потому, что весною, когда приобретаются семена для посева ярового, условия приобретения их были настолько неблагоприятны, что в данном году пришлось обсеять не все яровое поле. Могут быть причины и другого рода, которые все, пожалуй, ведут к тому, что в яровом поле запущенность значительнее, чем в озимом, но этот прибавок запущенности относится уже не на счет, так сказать, неизменных общих условий, а всегда вызывается условиями данного года, которые сказываются, однако, в этом направлении под влиянием тех же общих условий, которые в настоящем пособии отмечались уже не раз. Все это, конечно, заставляет признать причины, создающие запущенность ярового поля тоже обычными, нередко повторяющимися из года в год не в той, так в другой форме, но оне являются уже причинами иного рода, не столь постоянными, хотя и характеризуют собою тоже определенные общие условия крестьянского хозяйства в смысле их однородности, т.-е таких обстоятельств, которые не позволяют свободно распоряжаться своими денежными и трудовыми средствами. Возможно просто запоздание в возврате с заработков, помешавшее во время обсеяться; возможен недостаток средств на покупку семян и т. д. Здесь необходимо иметь в виду, что причины могут быть различны для каждого данного года, но их соединение с другими общими условиями крестьянского хозяйства порождает такую *совокупность* всех разнообразных условий, которая и составляет то постоянство, которое из года в год отражается в одном направлении. Эта совокупность, слагающаяся в каждом данном году не из одних и тех же условий во всей их полноте, или если из одних и тех же, то в разных сочетаниях их, повторяет для каждого года одни и те же или сходные последствия. Так бывает во многих явлениях хозяйственной и общественной жизни. Это свидетельствует, как сложна действительность и как при *статистическом анализе* ее нужно осторожно разбираться в том, что говорят одни и те же результаты, о каких предшествующих условиях свидетельствуют они. Но тем-то и существенен и важен *статистический* анализ, что он обнаруживает *сложность* явлений общественной и хозяйственной жизни и помогает выяснить элементы, из которых слагается эта сложность.

Для некоторого освещения того, какие условия характеризируются запущенностью озимого поля и чем она вызывается при том условии, что при сколько-нибудь сносном урожае семена для озимого поля имеются всегда под руками, остановимся еще на одном явлении, выясняемом данными тех же таблиц.

В Караваевской волости, как мы видели, необрабатывающих 30 семей из всего числа 1.227 надельных семей, что составляет 2.4% необрабатывающих, а незасеянная площадь озимого, как уже указано, составляет лишь 1,8% всей площади озимого поля. По Зуевской волости необрабатывающих 358 семей, что составляет 29,5% ко всему числу надельных семей (1.212), а незасеянная площадь озимого, как мы видели, составляет немного более 25% всей площади озимого. В том и другом примере, как видим, процент необрабатывающих выше процента запущенной пашни. Если бы необрабатывающие семьи имели такой

же размер надела, как и обрабатывающие, то % запущенной ими пашни был бы таков же, как и процент семей необрабатывающих, при том, конечно, предположении, что вся запущенная пашня падает на долю необрабатывающих. Если же допустить, что и есть в действительности, что часть запущенности приходится и на долю обрабатывающих, но не весь свой надел, то тогда процент запущенной пашни должен бы был быть выше того процента, какой представляют собой необрабатывающие среди всех надельных. А между тем и при этом условии он все-таки ниже. Отчего же это может происходить? Очевидно, только от того, что необрабатывающие семьи имеют относительно меньший надел, чем обрабатывающие. Для установления этого обстоятельства существуют прямые данные, так как в подворных карточках для каждой семьи обозначено и число имеющихся у нее надельных долей и обрабатывает ли она или нет свой надел, что и позволяет разгруппировать по числу душевых земельных долей как обрабатывающие, так и необрабатывающие семьи и установить, что у последних приходится на семью меньше земли. Это и может быть выяснено при специальной разработке материала относительно необрабатывающих. Но установить это возможно и теперь на основании того, что включено в предлагаемые таблицы.

В самом деле, в Караваевской волости мы имеем 2.736 надельных долей на 1.227 надельных семей, что дает в среднем для каждой семьи 2,2 душевых доли. Средний душевой высев по волости составляет 4 меры (гр. 58); по приведенным выше расчетам высеяно против полного высева на 202 меры менее, а это при 4 мерах высева на душу дает 50 незасеянных душевых долей, которые и надо считать приходящимися на долю необрабатывающих семей; этих последних семей мы имеем здесь 30, следовательно, на семью приходится в среднем около 1,7 душевых долей ($50 : 30 = 1{,}666\ldots$), а не 2,2, как приходится в среднем для всех, т.-е. необрабатывающими являются семьи, имеющие меньший надел. Если иметь в виду, что земля распределяется на семьи по числу душ мужского пола, то полученное различие в числе душевых долей у обрабатывающих и необрабатывающих сходится с тем различием в числе лиц мужского пола на одну семью, которое установлено было выше (стр. 38) для наличных и отсутствующих семей.

В Зуевской волости подобные же расчеты дают среднее число душевых долей на каждую надельную семью 1,9, а на необрабатывающую семью тоже 1,7. Если, однако, иметь в виду, что при выводе среднего числа на надельную семью бралось общее число надельных семей, т.-е., включая туда необрабатывающих, составляющих по Зуевской в., как мы видели, около 30% всех надельных, то очевидно, что при меньшем размере надела у необрабатывающих и при значительном числе их, средняя для всех недостаточно резко характеризует разницу в размере надела у обрабатывающих и необрабатывающих, т.-е., если взять отдельно средний размер надела, приходящийся только на обрабатывающих, то он будет не 1,9 дол., а выше и, следовательно, по отношению к площади земли, подлежащей обработке, необрабатывающие сравнительно с обрабатывающими поставлены хуже, нежели это выражено в только что приведенном вычислении. К выяснению этой разницы можно, однако, подойти несколько ближе путем следующего расчета. Так как по Караваевской волости общая незасеянная площадь озимого составляет 18 дес. при 30 семьях необрабатывающих, то это дает 0,6 дес. на каждую семью; остающуюся затем площадь озимого поля в 992 дес. приходится разделить на долю 1.197 обрабатывающих семей, что дает на семью

уже 0,83 дес.: если брать всю пашню, то это значит, что у первых, т.-е. не обрабатывающих, приходится на семью всей пашни 1,8 дес., а у вторых 2,49 дес., что составляет для одной только пашни в среднем разницу почти ¾ десятины, т.-е. уже довольно ощутительную. Если при этом иметь в виду, что в числе 1,8 дес. незасеянных могут быть и доли тех, которые значатся в числе обрабатывающих, но засевают только часть поля, то, очевидно, на долю сполна необрабатывающих придется еще меньше земли. Эти расчеты и вычисления привожу здесь только в силу того, что при применении их имеет *общее* значение. Они показывают, как можно и должно пользоваться статистическим материалом при подробном анализе его; по этим расчетам легко видеть, выяснение чего дается таким использованием статистического материала.

Выше (стр. 38) настоящего пособия мы видели, что отсутствующими, т.-е. по преимуществу не пользующимися землею являются те семьи, которые имеют в своем составе в среднем менее 2-х лиц мужского пола. Зная, что земля обычно распределяется по отдельным семьям сообразно числу лиц мужского пола в семье, мы должны были об'яснить это забрасывание земли — невозможностью использовать на ней то количество рабочей силы, которое надо израсходовать, чтобы прокормиться. Теперь мы видим, что из берущих надел не пользуются им те семьи, на долю которых приходится его значительно меньше, чем на долю обрабатывающих семей, что при условии распределения земли по числу душ мужского пола говорит то же самое. Все это свидетельствует, что бросают землю именно потому, что ее мало. Когда наблюдаются среди крестьянских полей запущенные, незасеянные полосы, то нередко высказывается такое мнение: как же можно говорить о малоземелье, когда крестьяне не обрабатывают и того, что имеют? А, между тем, видя это, следовало бы выразиться-как раз обратным образом, а именно: очевидно, здесь большой недостаток земли, если так много не-необработано. Конечно, это звучит слишком парадоксально, но это вполне отвечает действительности. Так говорит она. Произведенные сопоставления доказывают неотразимым образом, что как „тяга" из деревни, так и вообще необрабатывание земли в своей основной причине составляет результат не индивидуальных свойств лиц, оставляющих деревню, а результат недостатка земли, без которой, конечно, нельзя заниматься земледелием и жить земледельческим трудом. Правда, последним можно было бы жить, и не имея своей земли, а работая у соседних владельцев. Но, помимо других условий, о которых говорить здесь не место, невозможность найти этот заработок у землевладельца стоит в связи с той же причиной, которая заставляет отказываться от обработки своей надельной земли. Недостаток последней заставляет тех, кто не отказался еще от обработки ее, арендовать землю у землевладельца, что может давать последнему более выгод и во всяком случае меньше хлопот и забот, чем обработка ее за свой счет, а в таком случае и спрос на земледельческий труд со стороны землевладельцев падает, и крестьянин идет с предложением своего труда в город и на фабрику. Это обстоятельство в свою очередь создает сравнительно малое предложение крестьянского земледельческого труда на месте и, следовательно, затрудняет для землевладельца ведение земледельческого хозяйства за свой счет, что опять влияет при недостатке у крестьян собственной земли на уход их из деревни. Здесь по отношению к частному землевладению действительно многоземелье, выражающееся в отсутствии достаточного числа рабочих сил для обработки земли, обусловливает собою необработанность ее и заставляет предпочитать использование ее в виде покосов, путем сдачи ее в аренду или иначе, а то так и прямо запускание

ее под лес, который дает ежегодное нарощение дохода без всякого приложения труда.

Отмеченное выше различие между количеством надельной земли у обрабатывающих и необрабатывающих семей вызывает еще одно замечание. Ясно, что при малом размере надела общинное владение землею не гарантирует крестьянину возможности обрабатывать землю. Позволительно думать, что малая земельная площадь вела бы к тому же и при подворном владении. В чем же, однако, выражается роль общинных распорядков при отмеченных выше условиях? В том, как видно из указанного распределения земли, что община дает возможность семье, имеющей большее количество мужских сил, вести земледельческое хозяйство, не затрачивая средств на покупку земли, так что если семья имеет последние, то может прилагать их к улучшению земледелия, тогда как иначе затрачивала бы их на „округление" владений, как то практикуется французским крестьянством. Это обстоятельство, помимо своего значения для улучшения земледелия, которое при общинных распорядках оказывается возможным и для не имеющих запасных средств на покупку земли, имеет значение и в другом отношении. Известно, что многие южно-немецкие и французские крестьяне выработали особый прием воспроизведения человеческого рода, носящий в Германии название Zwei-Kinder System: иметь не более двух детей—вот задача, которую ставят там себе семейные люди. Удачное разрешение ее, как известно, помимо ее значения в разных других отношениях, вызывает во Франции большую тревогу по поводу почти полного отсутствия прироста населения во Франции. Оценивать этот факт можно различно, но нельзя во всяком случае не считаться с ним. При отмеченном выше распределении земли в Московской губернии, дающем возможность именно многосемейным обрабатывать землю, очевидно, что общинное владение землею не должно вести к выработке практикуемой во Франции системы воспроизведения потомства. И это, конечно, не потому, что община функционирует у нас при условиях малоземелья. И при достаточном наделе больший состав семьи обусловливал бы и большее количество отведенной в надел земли, а от последней никакой земледелец никогда не откажется, если думает оставаться земледельцем.

По поводу высказанного здесь о значении крестьянского малоземелья можно было бы указать еще и на то, что оно вызывает отлив от земледелия более значительный, чем требуемый интересами промышленности, что, создавая с одной стороны безработицу, — отзывается невыгодно и на промышленности, уменьшая спрос на ее произведения. Но останавливаться на этом мы не будем, так как это выходит далеко за пределы той задачи, которая имеется в виду настоящим пособием. Коснуться же этого здесь мы считали необходимым, чтобы отметить то значение, какое имеют данные, заключающиеся в таблицах, однородных с прилагаемыми, и чтобы указать ту связь между различными явлениями, которая установляется такого рода таблицами. Эти данные заслуживают тем более внимания, что они все ведут к одному и тому же. Каждая графа таблицы составлялась совершенно самостоятельно. Каждый отдельный экономический признак подсчитывался отдельным лицом, не знавшим даже, что получается у лица, подсчитывающего другой признак; и вот, когда результаты подсчета сопоставляются теперь, то оказывается, что все они характеризуют действительность так, что каждый отдельный и самостоятельный признак дает одно и то же выражение действительности.

Все это свидетельствует лишь о том, что данными таких таблиц достаточно полно схватывается действительность, и что данные эти при том настолько близки к ней, насколько такая близость вообще доступна при выяснении хозяйственных явлений путем применения статистических приемов. В то же время, — отметим это еще раз,—сделанные нами сопоставления дают ту критическую оценку материала, которая имеет наибольшее значение, так как проверяет его, так сказать, не механически, а путем выяснения обнаруживаемой им закономерности явлений действительности.

Глава XI. Урожаи.

Только что рассмотренный отдел заключает в себе характеристику земледельческой культуры по роду растений. Но она была бы не законченной, если бы мы не присоединили к ней и характеристику урожая, сбора. Поэтому в таблицах к этому отделу непосредственно примыкает отд. XI—урожай на надельной земле.

Здесь необходимо прежде всего остановиться на характеристике самого материала по этому отделу.

Вопрос об условиях и способах получения точных данных о высоте урожаев представляет в земско-статистической практике один из тех вопросов, над которыми земским статистикам приходилось, может быть, более, чем над другими, задумываться как при выработке программ и при организации обследований на местах, так и на статистических с'ездах и совещаниях. Трудность получения здесь наиболее достоверных данных обусловливается весьма многими обстоятельствами. Прежде всего самый характер этого вопроса таков, что ответ на него до известной степени определяет степень достатка отвечающего. Помимо некоторого чувства щекотливости, которое вызывается такими вопросами, тут говорят и различные опасения. Каждому ясно, что ответ на этот вопрос определяет более чем что-либо другое высоту валового дохода, следовательно прямо может вести к установлению обложения, относительно которого каждый заинтересован, чтобы оно было меньше. С другой стороны, показать сбор очень малым—может мешать и самолюбие хозяина. Последнее ведет и к тому, что иногда частные землевладельцы, напр., и более зажиточные из крестьян показывают урожай на своих землях выше действительного, чтобы тем дать такое представление о своем хозяйстве, какое достойно хорошего хозяина. Все это создает один ряд причин, психологических, которые могут колебать высоту урожая в ту или другую сторону, при чем нельзя даже определенно сказать, где и в какую именно, т.-е. в каком случае данные о высоте урожая повышены, в каком понижены, а это не позволяет сделать и поправку к ним. К этим же психологическим условиям, сказывающимся на неточности показаний о высоте урожая, следует отнести и влияние предшествующих урожаев, которое может действовать не в одном направлении. Под влиянием предшествующих плохих урожаев—средняя норма его определяется соответственно этим плохим годам. Если же данный год очень уже порадовал, то средняя норма может быть показана и выше той, которую можно было бы принять действительно за среднюю.

Далее, если вопрос о том, какой урожай считается средним, ставится по отношению к целой общине, где у разных хозяев могут быть и семена разные, и обработка неодинаковая, и время посева различное, и количество скота не одно и то же, то величина среднего урожая является уже очень обобщенной. При

таких условиях, при полном желании отвечающего дать вполне правильный ответ—степень соответствия последнего действительности зависит от степени знакомства отвечающего с положением хозяйства отдельных дворов, от его уменья строить правильные обобщения, от того, наконец, к какому разряду домохозяев принадлежит сам он, т.-е. от целого ряда чисто суб'ективных условий

В виду всего этого, не только по отношению к урожаям, но и вообще, как уже замечено выше, в статистике прямо рекомендуется ставить вопросы так, чтобы ответ на них был ответом о факте, а не представлял собою выражение суб'ективного мнения опрашиваемого. Но именно по отношению к урожаям, где суб'ективное мнение, по указанным выше причинам, может более чем где-либо не соответствовать действительности — приходится ставить вопрос по преимуществу в такой форме, что ответом на него является не установление факта, а представление об этом факте вопрошаемого. Происходит это от того, что здесь невозможно, во-первых, сколько-нибудь исчерпывающее наблюдение, которое охватило бы почти все хозяйства; во-вторых, в большинстве хозяйств записей не ведется, и поэтому не откуда получить точные данные о сборе за ряд предшествующих лет, даже за два, за три года. Установить, следовательно, средний сбор по таким конкретным данным не приходится. Все это и вынуждает ставить вопрос в такой форме, каким считается у вас средний урожай?

При описанных выше условиях, казалось бы, ответы на такой вопрос не дают ничего такого, на что можно было бы опираться как на нечто, довольно близкое к действительности. И, однако, целый ряд вычислений, сопоставлений, сравнений, производившихся в разное время, разными лицами и при разных случаях, показал, что данные, полученные в виде ответов на только-что приведенный вопрос, довольно близки к действительности. Нетрудно найти и об'яснение такому результату. Целым рядом статистических исследований давно уже установлено, что во всех своих действиях люди подчиняются определенной закономерности. Можно сказать, что, при всем различии индивидуальностей, основные черты человеческой психологии одинаковы. Население данной местности живет под однородными впечатлениями относительно того, что происходит в окружающей природе и в произрастании растений. При сходстве в основных психологических чертах, если бы каждый пожелал намеренно дать неверное определение урожая, однородность полученных каждым впечатлений—установила бы определенный предел неверности. При массе опрошенных лиц одна неверность парализовалась бы другой — и в результате могла бы получиться средняя, не очень далеко уже уклоняющаяся от действительности

Но ведь фактически-то дело обстоит обыкновенно не так, как оно только-что изображено. Во-первых, те, которые и хотели бы дать заведомо неверные ответы, желают все-таки, чтобы верили в справедливость сообщаемых ими сведений и поэтому держатся в пределах действительности, т.-е. в своих неточностях не идут далее того, что при данных условиях, хотя и не осуществляется почему-либо в их личных хозяйствах, но вполне возможно и не является невероятным. Иначе сказать, та закономерность явлений, которая постоянно констатируется, проявляет и здесь свою силу. А во-вторых, никогда не бывает же так, чтобы даны были только неверные сведения; известный процент правдивых лиц всегда имеется. Все это и ведет к тому, что об'ективная действительность налагает свою неизгладимую печать на суб'ективные показания. В результате и выходит, что вся совокупность суб'ективности дает в среднем, так сказать, об'ективное выражение этой суб'ективности; а так как последняя находится под давлением действительности и отражает на себе ее влияние, то результат и получается

довольно близкий к действительности, если только опрос охватил достаточное число случаев. Говорить же о полном совпадении с действительностью в статистике вообще не приходится, так как для этого нужно было бы вполне исчерпывающее наблюдение, что недостижимо, в особенности по отношению к явлениям хозяйственной жизни. И однако та близость к действительности, которая получается при этом, обнаруживает свое крупное значение не только в вопросах чисто практических, но и в сфере научных обобщений, уясняя определенную закономерность явлений общественной и в частности хозяйственной жизни.

Эти отвлеченные соображения, проверенные не раз и фактическими данными, позволяют для суждения о высоте урожая довольствоваться и субъективными данными, без опасения впасть в большую ошибку. Соответственно с этим у нас и были поставлены в поселенных бланках вопросы о среднем урожае. Но имея в виду необходимость и здесь, как и во всех других случаях ставить контрольные вопросы, мы задавали отдельным хозяевам вопросы о том фактическом сборе, который они считают средним. Так, собирали данные об урожае по двум первым уездам: Верейскому и Рузскому. На ряду с этим, как уже выяснено, у нас по отношению к каждому двору ставился вопрос о посеве и сборе определенного года. Но эти данные в таком виде ничего не говорили о средней высоте урожая, так как неизвестно было какой же это год—среднего, плохого или хорошего урожая. Собравшись в июле 1898 г. для пересмотра инструкции на основании двухмесячного опыта и вообще для выяснения встречающихся затруднений, мы и остановились еще раз довольно подробно на вопросе о регистрации среднего урожая.

В подворных карточках, как уже выяснено, стояли по отношению к каждому двору вопросы о посеве для данного года и о сборе, без определения того, сам сколько составляет этот сбор; ставился просто вопрос о факте: сколько высеяли? Сколько намолотили? При этом уже всегда возможно определить сам сколько составляет это. В поселенном бланке есть ответы на вопрос, какой урожай считается средним? Какой урожай бывает в данной общине самый высокий? Есть, наконец, записи отдельных конкретных случаев, когда урожай считается средним. Важно на сколько возможно увеличить число таких конкретных случаев в связи с другими условиями данного хозяйства. Но отметки в подворных карточках и есть конкретные данные. Нужно только определить, что выражают собою эти конкретные данные: средний, плохой или хороший урожай. А для определения этого стоит только после подворного опроса и совершенно независимо от него поставить населению при поселенном опросе еще один вопрос: каким считает население урожай нынешнего или последнего года (т.-е. года, для которого определен подворно урожай в подворных карточках): средним, плохим, хорошим, выше среднего, ниже среднего? Так и решено было. Во всех последующих уездах, помимо существовавших раньше вопросов об урожае, ставился еще и этот. Благодаря этому во всех тех случаях, где урожай данного года считался средним, получилась масса конкретных данных, характеризующих величину среднего урожая. При этом для уверенности в близости этих данных к действительности или в отсутствии, по крайней мере искусственного, намеренного умаления среднего урожая, имеются довольно прочные основания. В самом деле, показания, даваемые при подворном опросе о сборе в данном году в данном дворе, не могут подвергаться сомнению, так как даются при таких условиях, что, как уже было указано выше (на сходе), только в исключительных случаях ответ может быть неверным. Отметить этот исключительный случай на

месте или и вовсе не записать его всегда возможно при самом опросе. Сколько-нибудь опытный регистратор в редком случае не заметит лживого ответа: лживость выдается и манерой, и тоном ответа, и тем, как держат себя в таком случае окружающие соседи Не удалось это заметить на месте, видно станет при выборках и анализе материала. В конце концов получается по каждому селению много точных конкретных данных о сборе. А затем совершенно самостоятельным вопросом характеризуется урожай данного года. В результате из отметок, показывающих, где урожай данного года считается средним, получается одна величина, характеризующая, что такое средний урожай в данной местности, затем имеются самостоятельные показания, что (сам сколько) считается средним урожаем; затем для уезда имеются данные „Статистического Ежегодника", где уже по показаниям добровольных корреспондентов можно вывести из ряда лет среднюю величину урожая. Все это дает достаточно обоснованное представление о среднем урожае. При этом и случаи, где урожай данного года показан хорошим или плохим, или выше среднего, или ниже среднего, дают тоже проверочный материал при сопоставлении с теми, где он показан средним.

Всем этим материалом в его взаимном сопоставлении и проверке и возможно пользоваться с полной уверенностью при определении величины валового сбора для вывода оценочных норм для пашни. Насколько полученные таким образом величины находятся в соответствии с действительностью доказывается тем результатом, который получился, когда по Рузскому уезду, напр., величины среднего сбора по селениям, установленные путем поселенного опроса, были сопоставлены с количеством скота, приходящимся на паровую десятину по тем же селениям. Результат этот виден из следующих данных.

Группы селений с колич. голов скота на десятину пара..	1—1,4;	1,5—1,9:	2—2,4;	2,5,—2,9;	3—3,1;	3,5—3,9.
Урожай ржи в них (сам столько).....	2,9	3.0	3,1	3.28	3,33	3,4
Разница урожая по группам, принимая его в первой группе за 100.....	100	103,1	107	113,1	115	117,2

Получилось правильное повышение урожая параллельно с увеличением количества скота на паровую десятину, при условии большой однородности уезда в почвенном отношении. Так как известно, что обусловливаемое количеством скота, количество удобрения влияет на высоту урожая, то ясно, что правильность в повышении урожая с увеличением количества скота отвечает действительности и, следовательно, говорит за верность сведений об урожае. Правда, при этом урожаи повышаются неравномерно с повышением количества скота. Для об'яснения этой разницы в степени повышения можно допустить два предположения: или при данных условиях, т.-е. при отсутствии улучшений в семенах, в обработке и т. п. увеличение удобрения повышает урожай в меньшей мере, чем то можно было бы ожидать по усилению удобрения; или же, но это уже менее можно допустить, селения, более зажиточные, имеющие более скота, склонны показывать высоту урожая у них более умеренную, нежели те, у которых высота урожая так мала, что и убавлять-то нечего. Но, во-первых, это последнее предположение довольно произвольно; во-вторых, еще можно допустить, что более зажиточный крестьянин умаляет показателей своей зажиточности перед другими односельчанами, (хотя возможно и обратное), которым положение его известно, и что те не выдадут его по тем или другим причинам, (хотя противоположное

встречается сплошь-да-рядом); но допустить, чтобы так поступило целое селение по сравнению с другим селением, показания которого ему неизвестны,—совершенно невозможно. Невозможно это в данном случае тем более, что ведь здесь сравнивается даже не одно селение с другим, а ряд селений с другим рядом селений, имеющих другое количество скота и т. д., невозможно, наконец, потому что средний урожай получен, как вывод из показаний отдельных домохозяев, не знающих даже будет ли сравниваться их положение с положением других селений, даже и не соседних с ними, о которых они ничего не знают.

Затем, если предположить, что повышение урожая в меньшей мере, чем количество скота, есть результат скрадывания высоты его более зажиточными селениями, то трудно допустить, чтобы это скрадывание располагалось так правильно. Вообще же надо иметь в виду, что на высоту урожаев влияют самые разнообразные условия: разница в качестве семян, времени посева и т. д., и т. д., которые в разных селениях и могут слагаться различно. В силу этого, при всем значении здесь количества удобрения, количество скота должно сказываться всюду, но не в одинаковой степени, так как видоизменяется влиянием в ту или другую сторону в зависимости от различия или различного сложения других условий. И вот если бы при различии других условий различие в количестве скота отразилось бы так, что урожай повышался бы равномерно с повышением количества скота, то это говорило бы за то, что или в материал или в вычисления вкралась какая-либо неверность или неточность. При всем этом, однако, если и допустить, что абсолютные величины урожаев и являются несколько преуменьшенными против действительности, то это не изменяет правильности относительного различия их по отдельным местностям, т.-е. надо признаться, что это различие близко к действительности, иначе не могло бы получиться, что с повышением удобрения повышается и урожай, как это дает сопоставление данных, собранных совершенно самостоятельно и независимо одно от другого. К этому надо еще добавить, что средний урожай, отмечаемый данными настоящего обследования, получается более высоким, сравнительно с урожаем обследования 1876—1878 гг. В свое время могло представляться, что данные об урожае того времени были преуменьшены против действительности. Но анализ их в то время подтверждал справедливость их. Этот анализ, проверка эта заключались в том, что на основании данных высева и сбора был произведен подсчет общего количества собранного зерна ржи по некоторым отдельным волостям и вычислено, какое количество печеного хлеба должно получиться из этого зерна. Принимая, затем, с некоторыми поправками норму хлеба на едока 3 ф. в день,—получили, что своего—не купленного хлеба—может хватить на 113 дней, т.-е. менее, чем на 4 месяца, т.-е. приблизительно до первых чисел декабря. Эти результаты вычисления как-раз совпали с тем, что крестьяне обычно отвечали в то время на вопрос: „до какого времени прокармливаетесь своим хлебом?". В большинстве случаев получался ответ: „до Николы", т.-е. до декабря (см. „Сборн. стат. свед. по Моск. губ., отд. хоз. стат." т. II, отд. третий. Составили по поручению Московской губернской земской управы В. И. Орлов и Н. А. Каблуков. Введение к таблицам, составленное тем же автором, что и настоящее пособие, стр. XXVIII—XXXIII). Но кроме того, близость собранных тогда данных к действительности того времени подтверждается и показаниями старожилов из крестьян, которые говорят, что лет 25 тому назад обычный урожай был сам-2, не выше сам-3, т.-е. как раз дают ту высоту его, которая отмечена обследованием того времени и которая значительно ниже показанной теперь, а между тем из-

вестна склонность старожилов хвалить старое время. Если таким образом действительно очень невысокая средняя высота урожая для 1876—1878 гг. оказывается для своего времени правильной, а даваемая теперь высота для Московской губернии получается более высокой, чем тогда, то нет никаких оснований сомневаться в близости ее к действительности. При этом отмечу еще, что эта близость к действительности в данном случае определяется не тем, что показываемая населением величина представляет собою среднюю. Это скорее то, что называется *модусом*, *обычной*, нормальной величиной, т.-е. той, которая бывает в большинстве годов, чаще повторяется и которую население отличает от исключительных годов, выпающихся по очень низкому или наоборот необычно высокому урожаю.

В таблицах против каждой общины проставлен в форме сам-сколько тот урожай, который получается путем деления количества собранного на количество высеянного по данным, относящимся к тем дворам, о которых такие сведения получены. А затем рядом в графе проставлено, каким считает население урожай данного года. Просматривая эти данные не трудно удостовериться, что показания можно считать отвечающими действительности. Так, напр., с. Марчуги имело в 1899 г. для ржи урожай сам-4,1 и он считается средним, а другое селение той же волости (Новлянское) считает хорошим урожай в сам-3,7. Такая противоположность заставляет думать, что тут нет у населения шаблона показывать средним урожай не выше такого-то, а что оно отвечает так, как считает действительно. Если же при этом иметь в виду, что первое селение, где сам 4,1 для ржи считается средним урожаем, имеет крупного скота (лошадей и коров—гр. 66 и 68) 238 штук при 225 дес. всей пашни (гр. 32), а второе, где сам 3.7 считается хорошим урожаем, имеет только 122 штуки крупного скота на 495 дес. всей пашни, то эта разница в оценке высоты урожая для того и другого селения находит свое полное об'яснение. Во избежание недоразумений, нужно, однако, заметить, что не всегда эта разница об'ясняется лишь различием в количестве скота, что и вполне понятно, так как при всем значении удобрения, на обычную высоту урожаев влияет целый ряд других условий, начиная с природных, как топографическое положение, почва и т. п., так и чисто хозяйственных: семена, обработка, качество скота, качество покосов, условие прокормления скота, преобладание лошадей или коров, чередование культур и ч. д., и т. д.

С другой стороны, надо иметь в виду, что при одном и том же количестве скота, приходящемся на паровую десятину в двух различных общинах и при сходстве их в почвенных, топографических и иных условиях, может получиться значительное различие в высоте урожаев там и тут, вследствие того, что одинаковое количество скота на паровую десятину не всегда еще означает, что на паровую десятину попадает одинаковое количество удобрения. В одной из этих общин могут существовать какие-либо специальные культуры на усадьбе, требующие усиленного удобрения: огородные или посев конопли, напр. В таком случае, в этом селении на полевую землю будет попадать меньше удобрения, чем там, где нет таких специальных культур, отнимающих удобрение у полевой земли; следовательно, у общины без специальных культур может получиться такой урожай на полевой земле выше, нежели у другой, тогда как по расчету там и тут получается одно и тоже количество голов скота на паровую десятину. Все это необходимо иметь в виду при сопоставлении количества скота с высотой урожаев и делать это сопоставление лишь после предварительного анализа

условий, могущих влиять на количество удобрения, вывозимого на поля. Не делая же такого предварительного анализа, можно прийти к довольно ошибочным заключениям, и в иных случаях не только не найти соответствия между количеством скота и высотой удобрения, а даже, пожалуй, увидать и обратное. Но все же при сопоставлении по довольно значительному числу общин существующая зависимость скажется; если же этого не получится, то это прямо надо приписать тому, что по отношению к ряду селений упущены из виду условия, вследствие которых не все количество удобрения, которое может дать скот, попадает на полевую землю.

По поводу этого отдела следует остановиться еще на некоторых методологических соображениях. Обыкновенно сведения об урожаях подворно не собираются. Отмечая при нашем обследовании сбор каждого двора, мы также не имели в виду установить этим путем высоту урожая. Насколько мы были далеки от этого, видно уже из того, что по первым двум уездам мы и не рассматривали эти данные, как пригодные для вывода средней урожайности. Мы собирали все сведения для другой цели. Обыкновенно количество хлеба, необходимое для прокормления семьи, устанавливается по средним данным путем вычисления; таким же способом выясняется и время, до которого крестьянину может хватить хлеба, собранного с своего надела. Мы же имели в виду воспользоваться подворной переписью, чтобы установить и выяснить все это на основании конкретных данных. В подворной карточке у нас стояли вопросы: сколько из всего сбора продал, сколько муки и хлеба купил, когда, сколько времени кормился непокупным хлебом, и там же были вопросы—сколько собрал разного рода хлеба с надельной земли — и арендованной и купленной отдельно; тут же и количество высеянного. Зная все это, зная состав семьи, кормившейся этим хлебом, т.-е. за выключением бывших на отходе, возможно определить, при каком составе двора, на какое время требуется определенное количество хлеба и, сопоставив его с полученным сбором, получить точное представление, до какого времени и при каких условиях может хватить своего хлеба. На основании таких данных можно уже затем установить такие средния величины, которые дадут довольно прочную основу для суждения о том, насколько недостанет там и тут хлеба при данном урожае. Все это должно дать твердый базис для выводов при разработке материалов по текущей сельско-хозяйственной статистике, для определения степени продовольственной нужды данного года. Эти же сведения имеют свое значение и при выводе оценочных норм. Восполняя некоторую часть бюджетных сведений, они показывают, как и при каких условиях крестьянин пользуется продуктами с обрабатываемой земли, в какой форме они представляют для него доход, что и в какое время он продает из них. Все это необходимо иметь в виду при выборе цен, по которым должны оцениваться продукты его хозяйства на деньги, и при установлении относительного значения различных отраслей хозяйства в отдельных местностях.

Однако, как уже выяснено, подворные сведения об урожае послужили нам для вывода, проверки и установления средних величин урожая. Возникает вопрос, следует ли для этой цели прибегать к подворному собиранию сведений об урожае? Теоретически на это может быть один ответ: следует, так как чем больше число хозяйств, по которым получены сведения о конкретном сборе, тем ближе к действительности выведенная на основании их средняя величина урожая, а каждый „двор“ и представляет собою отдельное крестьянское хозяйство. Но практически осуществить это требование весьма затруднительно. По-

дворное собирание сведений об урожае, производимое при основном, одновременном обследовании, не дает средней величины урожая, как она обыкновенно понимается, и может служить лишь для вывода средней величины урожая данного года, что для вывода средней урожайности за ряд лет не имеет значения, так как полученную таким путем среднюю для одного года нельзя сопоставлять со средними, полученными для других лет по совершенно иному способу. Чтобы подойти на основании таких конкретных, подворных сведений об урожае данного года к установлению обычной средней величины урожая для данной местности, надо было, как указано, ставить еще вопрос: каким „считается" урожай данного года, т.-е. то, что установлено, как факт (собрано столько-то), сочетать с тем, что выражено, как мнение („считается таким-то"), иначе говоря, приходилось комбинировать об'ективные данные с суб'ективной оценкой их, что уже не представляет вполне правильно полученного статистического вывода.

Однако, думается нам, этот прием составляет шаг вперед в деле установления средних величин урожая, при том условии, когда отсутствуют конкретные данные за ряд лет. Мы имеем здесь, при помощи такого приема, массовую оценку и притом массовых конкретных данных. До сих же пор, при отсутствии записей об урожаях за каждый год, приходилось довольствоваться просто суб'ективным мнением опрашиваемых о том, что такое у них средний урожай, и для проверки его довольствоваться весьма немногими, а может быть даже и исключительными конкретными данными. Здесь же мы имеем такие конкретные и притом рядовые данные по каждой общине. На основании этого, нам думается, можно прямо-таки рекомендовать при подворных опросах собирать сведения и о сборе хлебов при данном посеве и делать это именно с целью получить и основной и проверочный материал для определения средней высоты урожая, не говоря уже о том, что эти данные весьма важны и во многих других отношениях, что уже не требует пояснения.

Выше было выяснено, что такое собирание сведений о посеве и сборе нет, однако, надобности производить по каждому двору. Достаточно, если мы соберем их по группам дворов, различающихся по числу душевых долей у них или по количеству скота, но по каждой земельной общине. Это до некоторой степени уже сокращает время на опрос, не уменьшая и не ухудшая в то же время собранный материал. Конечно, в среднем для двух *общин* может выйти разница, если в одной из них однолошадные дворы составляют две трети общего числа дворов, а в другой—половину: если у однолошадных дворов сбор на определенную единицу ниже, чем у двухлошадных, то при одинаковой высоте урожая в однородных группах дворов там и тут средний сбор *общины* выйдет в первом случае ниже, чем во втором, а в то же время производительность земли там и тут одинакова. Но все же вывод, полученный этим путем, получен будет более правильным способом и, надо полагать, будет ближе к действительности, чем установленный только на основании суб'ективных показаний. А затем поправкой к этому всегда может быть вывод средней урожайности *по группам дворов для однородных общин*.

Эти соображения указывают в то же время и на путь для получения более близких к действительности данных об урожае в нашей сельско-хозяйственной текущей статистике. До сих пор сведения собираются обыкновенно или просто путем опроса о высоте урожая (сам-сколько) или о количестве высеянного и собранного в данном хозяйстве, о котором даются сведения, и затем выводятся средния величины урожаев для всех хозяйств с подразделением их лишь на

крестьянские и частно-владельческие. Правда, при собирании сведений центральным статистическим комитетом подразделялись еще крестьянские хозяйства на бедные, средние и зажиточные. Но это определение зависит от усмотрения собирающих такие сведения, при чем усмотрение это в одной волости может весьма разниться от усмотрения в соседней. Между тем, в настоящее время, в некоторых губерниях, и между прочим в Московской, ежегодно собираются подворные сведения о количестве скота. Если по этому признаку, т.-е. по количеству скота распределять дворы и получать в каждой общине сведения о посеве и сборе не по каждому двору, а по одному, двум дворам из каждой категории, то это будет и не так сложно и трудно и в то же время даст такой материал лучше которого и не надо для правильного суждения о высоте урожая. Материал этот, при сопоставлении с некоторыми другими данными, может дать с течением времени такого рода указания, которые позволят прямо *по наличности определенных признаков заключать уже о предстоящей высоте урожая* в данной группе дворов или селений, коль скоро мы имеем эти сведения уже по какой-либо одной группе.

Вот те соображения, требующие еще, конечно, дальнейшего развития и проверки, к которым приводит подворное собирание сведений о посеве и сборе хлебов.

Что касается гр. 65 — о среднем количестве сена с душевого надела, по поводу ее было сказано выше (стр. 33) все, что только нужно сказать здесь.

Глава XII. Скотоводство. Значение статистической проверки.

В своем месте было указано, что в расположении различных отделов таблиц соблюдалась определенная логическая последовательность. Между тем, если это действительно соблюдалось, то, казалось, следовало бы много ранее уже поместить отдел о скотоводстве, тем более, что в предыдущем приходилось касаться зависимости высоты урожая от количества скота. С известной точки зрения было бы правильно поместить этот отдел (XII) вслед за VIII, заканчивающим сведения по землевладению и стоящим перед данными об обработке земли. Так бы следовало поступить, имея в виду значение скота, как орудия обработки.

Но скот является не только рабочим скотом, он дает и удобрение. Это значение его требовало, чтобы сведения о нем помещены были перед отделом о сборе хлебов, высота которых находится в зависимости и от количества удобрения. Но самое количество скота, в свою очередь, находится в известной зависимости от количества кормовых средств, которыми располагает население: от сбора сена, соломы, т.-е. от высоты урожая, размера посева и в связи с этим, от пространства обработанной земли и распределения и рода культур. Имея это в виду, как-будто было одинаково правильно поставить отдел скотоводства и перед отделом о сборе посевов и после него.

Однако, скот представляет собою не только условие земледельческого производства, но и результат его, не только служит производству, но и потреблению, может составлять собою и самостоятельную отрасль хозяйства, стоящую на рубеже земледельческой и промысловой деятельности. Продукты его: кожа, рога, кости, шерсть, молочные скопы могут составить, и в некоторых местностях Московской губ. действительно составляют, цель скотоводства: выпойка телят в Дмитровском у., выращивание коров на продажу во многих частях гу-

бернии, специально молочное хозяйство в некоторых районах Московского у. и т. п. Такая специализация приближает эту отрасль хозяйства к промысловым занятиям населения. Имея в виду это последнее и вообще смешанное значение скотоводства, и казалось более последовательным и целесообразным поместить отдел „скотоводство“ (XII) вслед за сведениями, относящимися специально к земледелию и перед промысловыми занятиями.

Для более правильного выяснения условий скотоводства при подворном обследовании отмечалось для каждого двора по отношению к каждому роду скота количество его зимой и летом. Делалось это таким образом, что если сведения собирались в летние месяцы (от Пасхи,—т.-е. времени выгона скота в поле — и до половины октября,—т.-е. времени постановки скота во двор), то отмечалось наличное количество скота и затем спрашивалось о количестве скота в предшествующую зиму. При опросе в остальное время года (зимнее) отмечалось также наличное количество скота и то, которое было предшествующим летом; если в том или другом дворе оказывалась разница, то на подворной карточке отмечалась причина ее, для чего обыкновенно не приходилось даже ставить вопроса, так как домохозяин сам спешил указать на причину различия. Установление количества скота зимою и летом было введено в программу в виду того что обычно зимою держат скота меньше, нежели летом.

Летом земледельцу нужна рабочая лошадь, которую зимой нередко приходится даром кормить; летом вообще легче прокормить скот на пастбище, каково бы оно ни было; на зиму же приходится скот пускать „по корму глядя“. Важно было установить степень влияния только-что указанных обстоятельств на уменьшение скота зимою. Независимо от того, что уменьшение на зиму количества рогатого скота является показателем степени устойчивости и прочности крестьянского хозяйства, оно имеет большое значение и для характеристики условий питания населения, оно важно и с чисто сельско-хозяйственной точки зрения, так как количество удобрения определяется зимним количеством скота в гораздо большей мере, чем летним. С этой последней точки зрения уже чисто в оценочных целях нужно было определить зимнее количество скота, а так как сведения собирались в одних местностях летом, в других зимою, то необходимо было установить количество скота повсюду в однородное время, чтобы этим путем подойти к более правильному сравнению. Говорим—более, а не вполне правильному, так как все же сравнение для разных местностей приходится делать не для одного и того же года. В данном случае те два года, в течение которых велось подворное обследование в Московской губ., не отличались друг от друга настолько резко, чтобы это создавало для одного и того же времени года большую разницу в количестве скота по отдельным местностям в зависимости от условий года. Это позволяет сравнивать в наших таблицах количество скота в разных местностях так, чтобы относить это различие на разницу общих условий, а не условий того или другого года. И все-таки такое сравнение, и при отмеченных благоприятных для него условиях, мы не можем назвать вполне правильным, так как все же условия того или другого года, хотя и в слабой степени, могли сказаться на нем, в виду того, что скот является в крестьянском хозяйстве одним из оборотных средств. В виду же важного значения его в хозяйстве и влияния его на доходность земли, тем более важно было для оценочных целей произвести по всей губернии обследование по возможности в краткий промежуток времени. Так как это было осуществлено, то это и дает полную возможность пользоваться как этими, так и другими данными наших таблиц для характе-

ристики отдельных местностей, относя различие их к разнице общих условий, а не времени.

Когда сведения о количестве скота *зимою и летом* были сведены в таблицы и произведен был подсчет, то оказалось, что по некоторым волостям и даже целым уездам, вопреки предположенному, количество скота, в одних случаях—рогатого, а в других—лошадей, оказалось зимою больше, чем летом. Допустить, что это произошло от неточности регистрации, было крайне мудрено; если бы это было так, то значит и все остальные, собранные нами сведения, не заслуживают доверия, так как сведения о скоте отличаются обычно наибольшей точностью: опрашиваемые понимают и сами высказывают, что тут каждая единица может быть проверена сейчас же. Если, следовательно, тут получается такая неточность, то тем более она велика во всем остальном. Между тем, остальные сведения, как это не раз было указано в настоящем введении, при вполне строгом критическом отношении к ним, заставляют признать их близость к действительности. Но все же раз получается результат, противоположный ожидаемому и оправдываемому известными общими условиями, необходимо строго проверить его, что и было сделано.

Предварительно путем анализа тех цифровых данных, из которых получен был подсчет по волостям и уезду, установлено было, что превышение по уезду в количестве скота зимою против летнего состава его происходит вследствие превышения его только *по некоторым волостям*, а в этих последних оно получается тоже *не по всем общинам*, а лишь по некоторым, но в такой степени, что влияет на превышение и в общем итоге по волости. Предстояло, следовательно, остановиться на анализе данных по селениям, дающим такое превышение. Анализ всех условий таких селений тотчас же дал вполне удовлетворительное об'яснение, при чем нередко оказывалось, что причины *избытка скота зимою против лета стоят в связи с не раз уже отмеченным малоземельем*. Население данной общины имеет зимний промысловой заработок в форме местного провоза дров, торфа или чего-либо иного. Чтобы такой провоз окупил себя, прокормил лошадей и дал и хозяину некоторый заработок, надо иметь при одном работнике не менее двух лошадей, а одна, пожалуй, и себя не прокормит. И вот на зиму покупается лишняя лошадь, которая на весну продается, так как весной и летом для обработки малого надела не только нечего делать двум лошадям, но и силы одной лошади являются недостаточно использованными. В других случаях, превышение на зиму количества рогатого скота об'ясняется тем, что при достаточном запасе корма, была пущена на зиму лишняя телка с тем, чтобы весною продать ее по хорошей цене. Вообще каждый данный случай, избыток того или другого рода скота в данном дворе приходилось рассматривать отдельно и каждый раз получалось вполне удовлетворительное об'яснение из сопоставления всех условий данного двора. Такое об'яснение, вытекавшее, как вывод из указанного сопоставления, имело, однако, и свою полную проверку и прямое подтверждение. В виду, как уже сказано, господствовавшего представления о том, что количество скота зимой должно быть меньше, чем летом, регистратор каждый раз, когда получалось в том или другом дворе обратное, не мог не задаться вопросом—куда же девалась лошадь или корова, бывшая зимой, на что и получал об'яснение, которое и отмечалось на подворной карточке. Но, и независимо от этого, как мы уже отметили, крестьяне и сами, слыша уже из опроса предшествующих дворов, что определяется отдельно количество скота зимою и летом, при разнице в этом давали тотчас же об'яснение и на вопрос: сколько лошадей? получался, напр.,

ответ: „зимою было две, а теперь одна; на весну продал одну, что мне на ней летом-то делать".

Мы остановились довольно подробно на обстоятельствах, стоящих в связи с определением количества скота зимой и летом, в виду того, что все это очень существенно. С одной стороны, из них видно, что определение этой разницы необходимо уже для того, чтобы можно было производить правильное сравнение селений, общин, местностей, в которых обследование производилось в разное время года; затем, такое установление различия в количестве скота зимой и летом дает многое для выяснения условий крестьянского хозяйства и тех приемов, тех способов, которые применяет крестьянин, чтобы, так сказать, с наименьшим дефицитом перекочевать из одного времени года в другое, из одних занятий и условий хозяйства в иную сферу их. Затем все это дает и еще одно, более общее указание, а именно, устанавливает, насколько необходимо строго проверять каждый вывод, каждое обобщение в сельско-хозяйственной статистике и, как всегда, надо быть готовым к обограничению того или иного обобщения. Вывод казался бы несомненный, обобщение вполне верное, что зимой условия для содержания крестьянского скота менее благоприятны, нежели летом и, следовательно, его и должно быть меньше зимою. Но вот оказывается, что условия хозяйственной жизни так сложны, комбинация их оказывает такое влияние, которое на первый взгляд противоречит очевидности: именно, малоземелье-то и создает такое положение, что на зиму надо убавить скота, но оказывается, что, при известных условиях, оно же заставляет это сделать не на зиму, а на лето, при чем, конечно, это стоит в тесной связи с определенным соединением в лице крестьянина земледельческих и промысловых занятий.

Так получилось в данном случае по отношению к обобщению, обоснованному тоже статистическими данными, дающими для массы случаев указание о преобладании скота летом. И если такое обобщение не имеет безусловного значения и подлежит ограничению при известных условиях, то насколько же надо быть осторожным со всякими обобщениями, основанными на случаях отдельных и далеко не систематических наблюдений? А между тем такие обобщения, в особенности по отношению к крестьянскому хозяйству—довольно обычны. Приведенный нами результат подсчета зимнего и летнего скота, надо думать, довольно убедительно говорит о необходимости самого строгого отношения к таким обобщениям и проверки их тщательно собранными статистическими данными. Такие данные, напр., убедительным образом доказали, как гибельно отзывается на крестьянском хозяйстве малоземелье и как оно именно, не позволяя использовать всю свою рабочую силу на своем наделе, заставляло нередко забрасывать землю и оставлять ее необработанною. А между тем поверхностное наблюдение количества незасеянных полос в поле обычно вызывало заключение: „о каком же малоземельи можно говорить, когда крестьяне не обрабатывают сполна и того пространства земли, которое имеют?".

Это же указывает и вообще на значение и пользу статистических сведений для правильного суждения об условиях сельскохозяйственной деятельности населения и для обоснования общественных мероприятий по отношению к ней. Данный случай является особенно убедительным для самих статистиков относительно того, как *осторожно и строго они должны относиться к тем или иным заключениям* и без тщательной проверки их статистическим материалом не принимать их за верные, как бы ни казались они логически вытекающими из тех или иных условий: у жизни, а особенно русской, своя, может быть, и очень своеобразная, но все же своя логика.

В связи со сказанным о количестве скота зимою и летом, надо иметь в виду и другое явление. Если для определения количества накапливаемого для полей удобрения подсчитать количество скота, содержимого зимой, а не летом, что и будет совершенно правильно, и сопоставить это количество с прямыми указаниями *о количестве вывезенного на поля удобрения*, о чем у нас тоже собирались сведения, то иногда окажется, что там, где было больше скота, получилось *меньше удобрения*. На первый взгляд выходит, что неверны те или другие сведения или же, что еще хуже, и те и другие; такое заключение часто и делается на основании таких несовпадений, а между тем, указанное несовпадение, при ближайшем анализе данных, только еще более подчеркивает, насколько достоверны сведения, получаемые путем опроса крестьян при подворном обследовании. Несовпадение получается в силу того, что там, где было меньше скота, он почти всю зиму стоял во дворе; там же, где было больше лошадей, они не каждую ночь, а если и каждую, то довольно короткое время стояли во дворе, а остальную часть суток теряли это удобрение по дорогам во время провоза. Отсюда следует и еще указание, что при сопоставлении, напр., высоты урожаев с количеством удобрения, измеряемого количеством скота, необходимо еще брать во внимание и род скота (лошадей и рогатый скот отдельно, а также и мелкий скот по переводу его на крупный) и род занятий населения, чтобы выяснить, определяется ли действительно в данном случае количество удобрения, получаемого полями, количеством скота, имевшегося у данного домохозяина или в данной общине.

Помимо других условий, отмеченных там же, мы имели в виду и это, когда выше (стр. 23), говоря о параллелизме в повышении урожая и количестве скота, отметили, что, однако, при различных условиях, не всегда получается такое соответствие. Данные же для проверки всего этого заключаются, как в графах 67—71, дающих сведения о количестве скота по роду его, так и в графе 87, определяющей главнейшие *промысловые занятия*. Связь между различием во влиянии *количества скота* на высоту *урожаев* и *промысловыми* занятиями населения представляется на первый взгляд настолько *отдаленной*, что при обычных условиях и не придет в голову мысль о существовании такой связи; статистические же данные и сопоставления, так сказать, принудительно указывают на необходимость обратить внимание на то, существует ли эта связь и при каких условиях.

Указанный тщательный анализ условий распределения скота приходится делать для выяснения хозяйственных особенностей отдельных местностей. В более же общих итогах, по волостям даже, не получается большого различия между количеством скота того или иного рода зимою и летом. Здесь сказывается то общее правило, что массовые данные выдвигают, определяют именно более общие, основные условия. Тем не менее при составлении предлагаемых таблиц был поставлен вопрос: какое количество скота, зимнее или летнее, включать в них? В виду того, что здесь даются сведения, характеризующие земледельческое хозяйство, для которого, исключая вопрос об удобрении, имеет более значение летнее количество скота, решено было проставить в таблицах это последнее. При этом следует, однако, отметить, как то показало вычисление, сделанное для вывода оценочных норм, что по отношению к количеству голов скота на паровую десятину, для значительных по пространству местностей (оценочных районов) не получается заметной разницы между числом голов скота на паровую десятину по летнему и зимнему количеству его; разница эта выражается обык-

новенно не в десятых даже, а в сотых долях. При таких условиях для определения количества удобрения можно без особенно больших погрешностей пользоваться и данными о количестве скота летом.

Затем для правильного отношения к данным, заключающимся в от. XII напечатанных таблиц, надо указать еще следующее. Лошади и рогатый скот, как уже упомянуто выше, имеют разнообразное значение в крестьянском быту. В некоторых местностях, где в промысловых занятиях населения преобладает легковой или ломовой извоз в Москве, например, встречаются такие домохозяева, которые имеют значительное количество лошадей, иногда более десятка; но из этих лошадей только небольшая часть—одна, две, три, находятся обычно в деревне для полевых работ, а остальные пребывают в Москве для извоза. В таких случаях обыкновенно на подворной карточке отмечалось все количество лошадей, принадлежащих данному домохозяину. Это необходимо было, чтобы правильно определить экономическое положение этого двора. Но в то же время, чтобы избегнуть ложного представления о положении его земледельческого хозяйства, делалась тут же на карточке отметка о том, как распределяется это количество лошадей между Москвой и деревней, и при сводке материала для последней подсчитывалось только то количество лошадей, которое держится в деревне для земледельческого хозяйства. Только это последнее число и вошло в подсчет в таблицы.

Соответственно общему плану таблиц, мы и здесь воздержались от характеристики подворного распределения скота, так как считаем, что она имеет значение при группировке по более или менее крупным районам, а не по отдельным общинам. Но при этом мы нашли все-таки необходимым вести данные о числе семей без *крупного* скота того или иного рода; итти в этом отношении далее и вводить число семей без всякого скота, представлялось неправильным, так как это могло бы дать неверное представление об экономическом положении селения. В самом деле, мелкий скот: овца, свинья, иногда телка настолько малоценны и легко добываемы, что можно найти довольно много семей, где такой имеется. Если принять выделение здесь *без всякого* скота, то пришлось бы в число семей, имеющих скот, засчитать каждую имеющую какого-либо теленка. По отдельным общинам получилось бы чуть ли не полное отсутствие семей без скота и это дало бы неверное представление об условиях сельского хозяйства в этих общинах. А между тем какую-нибудь овцу или свинью может иметь и какая-нибудь бобылка, вовсе не занимающаяся земледелием. Наличность же или отсутствие лошади или вообще крупного скота составляет весьма характерный признак для условий земледельческого хозяйства. В виду этого и решено было выделить в таблицах только семьи без лошадей или коров, или без тех и других (гр. 72—74). Большое или малое количество таких семей в общине уже довольно ярко говорит о положении земледелия в данной общине и об отношении к нему населения.

Для правильного пользования гр. 72—74 надо пояснить еще следующее. Этими графами имелось в виду дать представление как о числе семей, совсем не имеющих крупного скота, так и выделить особо семьи, имеющие *крупный скот какого-либо одного вида*. Соответственно этому в гр. 72 проставлено число семей, не имеющих рабочих лошадей, но имеющих коров или лошадей, но еще молодых, нерабочих. Гр. 73 дает число семей, не имеющих коров, но имеющих лошадей. Графа же 74 предназначена для семей, не имеющих никакого крупного скота: ни лошадей, ни коров. Как же определить—каково *общее число семей*, не имеющих, напр., лошадей? При составлении таблиц имелось в виду, что оне

должны давать ответ и на этот вопрос. Для определения числа семей без лошадей надо взять число семей, показанных в гр. 72, и добавить к ним число семей из графы 74; точно так же для определения числа семей, не имеющих коров, надо взять число семей из гр. 73 и добавить к ним число семей из гр. 74. Возьмем, напр., селение Аксеново той же вол. Богородск. у. *). Всех наличных семей в нем 49 (гр. 9); семей без рабочих лошадей—13, как значится в гр. 72; это семьи, не имеющие лошадей, но имеющие коров; но, кроме того, в гр. 74 показано еще 8 семей, которые совсем не имеют крупного скота, т.-е. ни лошадей, ни коров; а в таком случае *все* число семей *без лошадей* слагается из двух чисел, т.-е. из числа гр. 72 и гр. 74, и получим 21 (13+8) семей без лошадей. Точно так же всех семей без коров будет в нем 12, т.-е. 4 семьи, не имеющие коров, но имеющие лошадей (гр. 73), да еще 8 семей, не имеющих никакого крупного скота, т.-е. ни коров, ни лошадей.

Но если наличность у какого-либо двора только мелкого скота не составляет еще признака, достаточного для характеристики положения этого двора по отношению к земледелию, то, с другой стороны, количество мелкого скота, в особенности овец во всей общине, весьма ярко свидетельствует в Московской губернии о характере земледелия в данной общине или местности. Подобно тому, как больший или меньший посев льна там, где он не составляет специальной культуры, говорит о том, насколько здесь сохранилось еще натуральное хозяйство, точно так же о том свидетельствует и количество овец. Где женщины уже перестают прясть для надобностей собственной семьи и находят более выгодным тратить время на какую-либо работу, оплачиваемую деньгами, там посевы льна уже встречаются лишь как остатки прежнего строя хозяйства и занимают очень ничтожное место. Точно так же там, где уже не считают выгодным прясть для домашних надобностей шерсть, снимаемую со своих овец, или валять из шерсти валеные сапоги, овцы держатся так же лишь в немногих семьях, как пережиток былого. В числе причин, влияющих на сокращение овцеводства, следует отметить и недостаток сенокосных угодий в своем наделе или затруднительность и дороговизну найма их. Но даже и там, где уже невыгодно прясть шерсть для домашних надобностей, все же на значительное сокращение числа овец или и вовсе отсутствие их—влияет малоземелье, так как овца дает не только шерсть, но и мясо, и потому при достатке сенокосных угодий есть всегда расчет иметь в хозяйстве некоторое число овец для мясного питания, если только женщины семьи по условиям своих *промысловых* занятий имеют достаточно времени для ухода и за овцами.

Тут опять видим *разнообразие условий*, приводящих как-будто к *одному и тому же* результату,—отсутствию овец. Но в то же время в связи с различием в *совокупности* отдельных условий, находится и различие в количестве содержимых овец, что и приводит к большому различию в количестве овец в разных частях Московской губернии. В Шаловской, напр., волости, Богородского уезда, мы находим лишь 253 овцы на 1217 дворов, обрабатывающих землю, и на 1147 штук рогатого скота, при чем в 19 общинах из всего числа их—36-ти нет совсем овец; в Зуевской волости того же уезда, овцы отсутствуют в 9 общинах из 16-ти и на всю волость их насчитывается лишь 45 при 854 обрабатывающих землю дворах и при 1231 штуке крупного рогатого скота [*]). Наоборот, в Ташировской,

*) Приложение 4.

*) Приложение 4.

напр., волости, Верейского уезда, нет ни одной общины, в которой не было бы овец, и их насчитывается здесь больше, чем крупного рогатого скота. То ж дают сопоставления и по другим местностям. При этом надо иметь в виду, чтое при регистрации считались только овцы, а не ягнята, так как последние представляют довольно беглую величину: в одном месяце их очень много, в другом— совсем нет; если бы при таких условиях записывать ягнят, то получилась бы значительная разница в числе овец в двух соседних общинах—и только потому, что в одну общину статистик попал еще до времени, к которому приурочивается появление на свет ягнят, а в другую—после того; поэтому и решено было при регистрации не включать их в счет овец.

Количество лошадей и коров у посторонних семей (гр. 75 и 76) включено здесь для того, чтобы дать сведения о всем количестве скота в общине, так как удобрение от этого скота там, где посторонние не составляют особой группы населения, живущего земледелием, идут на ту же надельную землю, почему и в гр. 52—55 приходится нередко подсчитывать и посев посторонних, что каждый раз и оговаривается в примечании.

Некоторые предшествующие отделы, как-то: о пространстве сенокоса, об аренде, о количестве пудов сена с душевого надела, о некоторых культурах дают материал для выяснения условий содержания скота и в связи с ними для представления о возможной стоимости содержания его. Графа же 77, непосредственно примыкающая к данным о количестве скота, дает сведения о денежном расходе на пастуха при пастьбе скота. Здесь, конечно, мог быть приведен этот расход только в денежной форме, который не исчерпывает всего расхода на пастуха, так как, помимо денежной оплаты своего труда, пастух получает еще везде помещение и харчи по череду, при чем для каждого двора число дней по содержанию пастуха определяется, как и денежная плата, с двора, в соответствии с числом скота, выпускаемого на пастьбу каждым двором.

Кроме стола и помещения пастух получает тоже по череду, то от того, то от другого двора некоторые предметы одеяния: кафтан, напр., иногда сапоги и т. д.

Глава XIII. Промысловые занятия.

Переходя к отд. XIII — промысловые занятия — необходимо прежде всего определить, что понималось под ними. Дело в том, что обыкновенно под промысловыми занятиями подразумеваются неземледельческие. Но здесь нельзя было ограничиться только такими. Исходя из представления о крестьянстве, как населении, занятом земледельческим трудом на своем земельном наделе путем приложения к нему личного, своего семейного труда, необходимо под промысловыми занятиями разуметь все те виды и формы приложения труда, которые не составляют приложения его к своему наделу или к земле арендованной или купленной для использования ее с той же целью, как и надельной земли. Но в число таких занятий вне своего семейного земледельческого труда могут входить и входят и земледельческие, производимые по найму в имениях. Но и из этих последних нельзя все виды работ включить в промысловые. Все общество арендует землю за отработки — это не будет включено в промысловые занятия. В дополнение к денежной плате за аренду, косят одно утро с каждого двора по человеку—это тоже не войдет сюда. Пользуются протоплением за отработки— тоже не зачислят в промысловые занятия. Это все такие виды занятий, которые

в большинстве случаев или ведутся каждым не за свой личный страх, или же, если и производятся отдельно (как иногда пользование протоплением за чистку леса), то когда-то имели такой же общественный характер и в то же время имеют как бы непосредственное отношение к тому земледельческому хозяйству, которое ведется на своем земледельческом наделе. Таким же занятием считает население и обработку по найму (в описанном выше на странице 47—50 смысле) надела своего односельчанина. Хотя, как там отмечено, это и имеет иногда промысловой характер, но обычно население не считает его таким. Слишком случайный, беглый характер имеет этот труд; тот же домохозяин, которой его имел в этом году, никогда не рассчитывает и не может рассчитывать иметь его в будущем, поэтому и не считает его за такое занятие, которое можно признать имеющим значение, как дополнительный к земледелию или основной источник существования. Кроме того, оно как-то также и не отделяется от обработки своего надела, хотя бы уже потому, что во многих частях работы чередуются и переплетаются с этой обработкой: пашет крестьянин свою полосу, а к ней примыкает полоса соседа, для которого взялся обработать его надел,—вспашется и она, а затем совершается переход опять к своей полосе, лежащей в другом месте поля. Но труд по найму за деньги по сельскому же хозяйству в соседнем имении поденно или же в качестве летнего или годового работника тоже в имении или у крестьянина—это уже обыкновенно определяется как промысловое занятие;—вот этот-то вид земледельческого занятия вошел в группу тех, которые значатся в отд. XIII таблиц. Остальные же все виды занятий будут промысловые уже в более тесном смысле этого слова.

В добавление к этому выяснению нужно еще сказать следующее. На подворной карточке вслед за вопросами о возрасте, месте приписки и обычном месте жительства по отношению к каждому лицу стоял еще вопрос об его занятии помимо земледелия на своем наделе, при чем предусматривалось, что у некоторых лиц могло быть такое занятие и не одно, а часть года он мог обычно заниматься одним делом, другую—другим. Так, напр., весной сгоняет плоты зимой вывозит дрова из лесу; к весне (великим постом) пилит лес и т. п. Важно было определить это. Кроме того, важно было выяснить и то, в какое время года ведется то или другое занятие, отнимает оно силы от земледелия или нет? Соответственно этому и были поставлены такие вопросы: какое занятие, где, в какое время года, сколько месяцев в году? Если занятие велось не круглый год. то сам собой возникал вопрос, а что же делается остальное время года, и таким образом выяснилось, имеется ли другое и если да, то какое, где, когда. При этом ставился вопрос о занятии наличном, в данное время или предшествующую зиму. Если оказывалось, что теперь занятия нет, то опять-таки выяснялось почему, и если его не было теперь потому, что не нашел работы, то определялось, какую же именно работу ищет, какую, так сказать, имеет профессию. При этих вопросах население обыкновенно и определяло то, что (помимо занятия земледелием для ведущих его) составляло главное занятие, хотя бы их и было два: одно в одно время года, другое—в другое. То же, что представляло случайное, такое, какое приходится брать, потому что обычного занятия нет в настоящее время, а кормиться надо, обыкновенно не называлось. Лишь на вопрос о безработном говорилось, что пробавляется тем-то. При этих условиях и обработка земли наймом, которая вообще-то не может рассматриваться как обычный и прочный источник существования, тоже не показывалась в ответах на эти вопросы. Отмечать ее приходилось только потому, что кто

нанимал односельчанина для обработки земли, называл его; это сейчас же отмечалось в карточке взявшегося за эту обработку, хотя бы до него черед еще не дошел, и таким образом регистрировалось; но отметка эта делалась не в графе промысловых занятий, чтобы не смешать это с теми занятиями, которые носят действительно характер промысловых, и для которых у такого лица, как и у всякого, обрабатывающего свой или чужой надел непосредственно и лично, имеется время только в период внеземледельческий. Все это в связи со сказанным несколько выше и заставило нас, как уже отмечено, этот вид заработка не включать в счет промысловых занятий.

При разработке материала о промысловых занятиях населения было поставлено целью дать такую сводку его, чтобы определить: 1) для каждого селения—какие промысловые занятия существуют в нем; 2) для каждого промыслового занятия—в каких селениях существует оно. Как было выяснено выше (стран. 17) сведения о промысловых занятиях каждого лица были предварительно перенесены на *личные* карточки, заключавшие и прочие личные сведения (пол, возраст, место приписки и т д.). Пользуясь этими карточками, сравнительно легко было переносить сведения о занятиях каждого лица на особый лист, предназначенный для одного селения, хотя такое перенесение начато было сперва еще с подворных карточек, пока не был организован перенос сведений о лице на личные карточки. При этих выборках на каждом листе, предназначенном для отдельного селения, отмечалось отдельной строчкой каждое занятие в той форме, как оно записано в подворной карточке, а затем уже производилась та группировка по однородности занятий, которая внесена в примечания по волости к этому отделу. Далее отмечалось место занятия промыслом и время, т.-е. летом или в другое время года, продолжительность его в течение года; затем отмечалось, составляет ли это работу по найму или от себя и т. д., короче, все сведения, определяющие и вид занятий лица и форму промысла и положение данного лица в промысле. Имея перед собою такой лист с выбранными на него данными по промыслам, можно лёгко видеть, не только какими промыслами занято население данной общины, но и находится ли тот или другой промысел в самом селении, если же им заняты вне селения, то где именно, в какой форме существует он, хозяйчики ли это, кустари или работающие по найму, в какое время года и сколько времени в году и сколько лиц, мужчин и женщин, занято каждым промыслом. С одной стороны такого листа против каждого лица, для которого отмечены все только-что перечисленные сведения, обозначено название селения, волости, уезда. Это сделано с целью, чтобы в случае надобности разрезать такой лист на отдельные полосы и, соединив вместе все полосы с наименованием одного и того же промысла, видеть в каких селениях распространен этот промысел. Однако такая детальная выборка, требующая крайне много времени, была сделана только по двум уездам—Можайскому и Рузскому, с которых начаты были эти выборки. По остальным уездам пришлось ограничиться по каждому селению выборкой, определяющей занятие каждого лица, как оно отмечено в подворной карточке, и место (свое селение, вне его и где именно), в котором каждое лицо занимается промыслом.

Таким образом, хотя выборки, сделанные по Можайскому и Рузскому уездам, и не были в дальнейшем использованы в таблицах, в пояснение к которым было составлено введение, преобразившееся в настоящее „Пособие“, я все же упоминаю здесь об этом, чтобы не упустить и еще одно указание на то, с чем приходится считаться при производстве *статистических* работ. Указанная перво-

начальная сводка данных о промыслах, так сказать, индивидуализированная по общинам, и послужила для сводки ее в приводимые здесь таблицы. Первая графа этого отдела (XIII), т.-е гр. 78, и указывает все число семей с промысловыми занятиями, а следующие две (79 и 80) число лиц мужского и женского пола отдельно.

Но одно определение числа семей и лиц, занятых промыслами, крайне недостаточно определяет значение последних. При одном и том же промысле значение его, и в особенности по отношению к земледелию, будет весьма различно, смотря по тому является ли он местным промыслом или отхожим. Поэтому следующие четыре графы (81—84) и посвящены выяснению этого. Но здесь необходимо несколько остановиться на том, что такое местный и отхожий промысел. Определение этого у разных писателей и разных статистиков весьма различно, и потому обязательно указание того, что понималось под тем и другим. Можно, конечно, считать местным промыслом такой, при котором работающий ночует в своем селении. Но тогда, во-первых, в группу таких промыслов попали бы все фабричные, коль скоро фабрика отстоит так близко от селения, что рабочие приходят домой. Этот вид занятий попадал бы при таких условиях в одну рубрику с каким-либо кустарным промыслом, изделием корзин, напр. А между тем условия и экономическое значение тех и других весьма различаются. Далее, если брать признаком местного или отхожего промысла возможность иметь ночлег в своем селении, то куда отнести довольно распространенный во многих местностях Московской губернии извоз на близлежащие станции железных дорог? Обычно такой извозчик ночует в своем селении, если только не завезет седока так далеко, что не поспеет к ночи домой; по этому признаку его бы следовало отнести к местным промыслам, а между тем это не согласуется с представлением о местных промыслах, так как самое понятие извоза предполагает уже отлучку из своей местности. С другой стороны, самое понятие отхода тоже очень сложное. Только что приведенный пример занятий извозом весьма отличает его от извоза, сопряженного с пребыванием в Москве, например. Если то и другое представляют отхожий промысел, то опять-таки условия, экономическое значение вообще и в частности в отношении к земледелию того и другого вида извоза весьма различны. И в понятии об отхожем промысле опять-таки не существует однообразия. Одни относят к отхожим промыслам занятия, соединенные с пребыванием вне своего уезда; другие — вне своей губернии. Но такой географический признак ничего не говорит, и, руководствуясь им, пришлось бы всех легковых и ломовых извозчиков г. Москвы из населения Московской губернии считать занятыми местными промыслами, т.-е. соединить их в одну группу с лицами, которые, может быть, никогда и не выезжали из своей деревни. Выясняется таким образом, что ни место ночлега, ни географический признак нельзя брать в основу деления на местные и отхожие промыслы, а затем и последние (отхожие) надо различать все-таки по тому, представляется ли этот отход дальним, совсем отделяющим от своей деревни, или таким, при котором волей-неволей поддерживаются постоянные связи с ней, как это существует, напр., для пристанционных извозчиков, портных, обшивающих в соседних селениях путем перехода из одного в другое, и т. п.

В виду всего этого и было решено, исходя из самого понятия промысловых **занятий**, различить их прежде всего по **месту приложения труда**, отказавшись пока от деления на местные и отхожие. Поэтому у нас нигде не введены в таблицах эти термины и в заголовке для граф 81—84 обозначено, что в

этих графах показано число лиц, работающих в своем селении и вне его — на стороне, но именно работающих, прилагающих свой промысловой труд, какой бы он ни был—в своем селении или вне его, независимо от того, как далеко это от своего селения и независимо от того, где живет, где почует лицо. Все, напр., извозчики будут таким образом в числе лиц, работающих на стороне пильщики в соседнем лесу — не только ночующие, но и обедающие дома, тоже будут в числе лиц, работающих на стороне; работающие поденно в соседней экономии попадут сюда же. Конечно, и при таком основании подразделения могут встретиться, так сказать, странности, как бы противоречащие тому, что дает действительность. Но это уже судьба всякой классификации, так как она всегда стремится уложить в определенные однообразные рамки разнообразие действительности, не поддающееся такому прокрустову ложу, а в то же время в интересах познания, уяснения действительности обойтись без классификации невозможно. В данном случае, по крайней мере, в основу классификации положено понятие, стоящее в непосредственной связи с тем, что приходится классифицировать.

Но на этом не кончаются те трудности, которые приходится иметь с подразделением промыслов. Принятое основание позволило выделить работающих в своем селении, а затем остается целая, и нередко более обширная группа, работающих вне своего селения. Сюда попадут и упомянутые выше пильщики и „кухонные мужики", живущие в Петербурге, и фабричные рабочие, как живущие в своем селении, так и где-нибудь на отдаленной фабрике. Имея это в виду в тех первоначальных выборках, о которых сказано выше, и были сделаны подразделения, в которых отмечались отдельно работающие в своем селении дома и вне его,—вне своего селения, за его пределами, но в своем уезде (включая и свой уездный город), отдельно вне своего уезда, но в Московской губернии, вне ее и еще отдельно в Москве и в Петербурге. При выделении работающих вне своего селения, но в пределах своего уезда, включался, как сказано, и уездный город, не выделяя его особенно, как это принято делать в таких случаях. Это сделано потому, что в Московской губ. уездные города не представляют собою пунктов, обусловливающих сосредоточение промыслового населения. В этом отношении большее значение имеют в ней крупные фабрики, которые являются притягательными центрами, и, если они соприкасаются с городом, то тогда уездный город является особым пунктом скопления промыслового населения, но уже в силу наличности фабричного центра, что имеется далеко не для всех уездных городов Московской губернии.

При специальной разработке материала о промысловых занятиях населения весьма, конечно, существенно принять во внимание и различия по месту приложения промыслового труда и выяснить условия и различия, создаваемые в тех и других случаях. Но здесь в таблицах достаточно выделить в особую группу все занятия, требующие приложения труда вне своего селения. Этим уже значительно определится, насколько велик тот круг занятий, которые не требуют отлучки из деревни, хотя это и не всегда те виды занятий, которым присвоено название кустарных промыслов. При тех условиях, которые были выяснены раньше и которые определяют необходимость для каждой крестьянской семьи иметь еще и промысловые занятия, весьма важно уже одно выяснение того, насколько велик круг занятий, которыми можно заниматься в своем селении. Это уясняет очень многое относительно состояния земледелия и условий занятия им

и при группировке отдельных общин по этому признаку может показать, в какой связи это стоит и с размером надела и с целым рядом других условий для обработки земли. При этом могут выясниться и причины тех различий, которые замечаются по отдельным общинам в занятиях в своем селении на стороне, а также в распространенности их среди мужчин и женщин.

По поводу рассматриваемых граф должно об'яснить еще и следующее. Как уже указано при регистрации отмечались для каждого лица все виды занятий, какие оно имеет, если они чередовались у него; поэтому по отношению к отдельному лицу приходилось и при сводке отмечать эти виды занятий, при чем бывает и так, что часть года лицо работает в своей деревне, а часть на стороне. Кроме того, из одной семьи часть лиц также имеет занятия в своем селении, а часть на стороне. Необходимо было так разгруппировать данные, чтобы показать и число лиц, занимающихся промыслами вообще, и, кроме того, различить эти занятия по месту приложения труда.

Сообразно с этим графы 78—80 дают общее число семей и лиц, занятых промыслами, а в графах 81 — 84 приводится число единиц, занятых там и тут. Здесь уже происходит счет не индивидуальностей, не личностей, а рабочих сил, промысловых единиц, прилагающих свой труд в своем селении и на стороне, и здесь нередко сумма этих промысловых единиц, получаемая из сложения чисел гр. 81—84, дает более, чем сумма лиц, обозначенных в гр. 79 и 80. Так, напр., в сел. Алексунино, Зуевск. в. [1]) все число семей с промысловыми занятиями— 42 (гр. 78), в них занятых промыслами мужчин 74 и женщин 59 — итого 135 (гр. 79 и 80). Из этого числа занято в своем селении 38 мужчин (гр. 81) и на стороне 38 мужчин,—итого 76, т.-е., на 2 более общего итога мужчин, занятых промыслами; это значит, что два из этих лиц имеют одну часть года занятие в своем селении, а другую на стороне; из женщин же заняты 14 на стороне, а 45 в своем селении.

Сказанного достаточно для правильного пользования рассмотренными графами этого отдела таблицы. В них установлено число семей и лиц, занятых промыслами. Следующие же две графы—85 и 86 имеют назначением дать представление о форме тех промысловых предприятий, которые ведутся в своем селении: они указывают число семей, работающих в своем селении с наемными рабочими, и общее число последних, т.-е. наемных рабочих, привлекаемых такими семьями, независимо от того, являются ли этими наемными рабочими посторонние общине лица или свои односельчане. Это дает возможность видеть насколько распространены там и тут предприятия с наемными рабочими и в то же время позволяет судить насколько крупны или мелки такия предприятия. Иными словами— это дает некоторое представление о том, насколько распространена капитализация промыслов, какой степени достигла она. Следующая же графа, 87-я, позволяет до некоторой степени судить и о том, в каких промыслах является распространенным применение наемного труда и до каких пределов. Мы говорим „до некоторой степени", так как эта графа не определяет, в каком именно промысле существует наемный труд. Но она показывает, какие именно промыслы наиболее распространены в той или иной общине и при сопоставлении общин по степени распространенности предприятий с наемными рабочими и по преобладанию в них тех или других промыслов можно, зная характер того или другого промысла, с некоторой достоверностью заключать о том, в каком именно промысле может существовать наемный труд.

[1]) Приложение 4-е

По вырабатывая эту графу, статистическое отделение не имело в виду только что указанную цель. Преобладание или распространение тех или других промысловых занятий является очень характерным в других отношениях: оно может быть и условием и следствием того или иного состояния земледелия; оно же может определять в известной мере и степень экономического благосостояния. При таких условиях, казалось, отсутствие графы, которая бы выясняла какие именно промыслы существуют в данной общине, не давало бы той характеристики основных экономических условий селений, которая составляет прямую задачу настоящих таблиц. Трудность заключалась, однако, в том, как уложить это в табличную форму, пока, наконец, не была придумана предлагаемая.

Можно, конечно, было дать каждому промыслу свой нумер и проставлять его в назначенной для того графе. Но при разнообразии промыслов и при наличности нескольких в каждой общине пришлось бы для каждой из них проставлять несколько—нередко тысячных нумеров — и затем разыскивать эти нумера в длинном списке, обозначающем название промыслов и присвоенные им нумера. Это делало бы и таблицу черезчур не наглядной и весьма бы затрудняло выяснение того, какие промыслы существуют в селении. Поэтому остановились на другой форме, которую легко усвоить каждому, рассмотрев гр. 87, и относящееся к ней примечание в конце каждой волости. Для каждой волости промысел, преобладающий в ней по числу занятых им лиц, обозначен цифрой 1; промысел, следующий за ним по числу лиц для данной волости, обозначен цифрой 2, и т. д. В пределах этих нумеров существуют свои обозначения, если промысел распадается на виды, как напр., ткачество: шелковое, шерстяное, бумажное. Для этих видов к нумеру промысла прибавляется еще буква *а*, *б*, *в* и т. д.

По каждой общине в гр. 87 ставилось на первом месте обозначение того промысла, который *в этой общине* занимает первое место по числу лиц, на втором следующий по числу лиц и т. д. В примечании же в конце каждой волости обозначены, каким промыслам в ней отвечают те цифры и буквы, которые стоят в гр. 87. Таким образом, чтобы прочесть эту графу, следует, взглянув на нумер и букву, поставленную против общины, обратиться к примечанию в конце волости, где легко найти, какой промысел обозначается этим знаком. Там же приведены и итоги общин и лиц мужского и женского пола по волости, занятых каждым видом промысла. Для промыслов мелких, т.-е. встречающихся в общине немногими единицами, обозначений в гр. 87-й не находится и только в примечании по волости указано число лиц, занятых такими мелкими промыслами. Там же отмечено и число лиц, занятых двумя такими промыслами, из которых один ведется в своем селении, другой на стороне (повторными). Таким образом обозначения гр. 87-й указывают не все промыслы, а лишь преобладающие, т.-е. именно наиболее характерные для каждой данной общины. И этого достаточно, чтобы дать довольно близкое к действительности представление о существующих в общине промыслах. Это видно уже из того, что, напр., для 2.147 мужч. и 597 женщ., занятых промыслами по Ягунинской вол. [1]) Звенигор. у., намечено 30 определенного вида промыслов, являющихся наиболее распространенными, а затем насчитывается еще 164 названия промыслов, представители которых *по отдельным общинам* насчитываются единицами; всех же занятых ими лиц по данной волости 393 мужчины и 127 женщин. Отсюда ясно,

[1]) Приложение 4-е.

что для каждого из этих названий встречаются лишь единицы, занятые соответствующими промыслами. При таких условиях вряд ли было бы целесообразно пестрить таблицу еще 164 нумерами, определяющими не что-либо характерное для общины, а лишь для отдельных дворов.

Чтобы нагляднее пояснить способ пользования данными гр. 87, остановимся на Теренинской в. Богородского у. [1]). Возьмем, хотя бы селение Логиново (№ 11). В гр. 87 стоит для него: 1 *б*, *в*. *г*, 2, 5. Обращаясь к примечанию в конце страницы, легко определить, что в этом селении при общем числе, 197 мужчин и 150 женщин, занятых промыслами, большее число лиц занято тканьем шелковых материй (1 *б*), затем следует тканье шерстяных материй (1 *в*), далее затем есть еще лица, занятые ткачеством, но по отношению к которым не обозначено, какого рода материй (1 *г*); следующее место по числу лиц занимает размотка нитей (2), и наконец, ломовой извоз (5). Затем может быть, и есть еще несколько лиц, занятых одним или несколькими из тех 65 промыслов, о которых сказано к концу примечания. Это, конечно, отмечено в той сводке, по которой составлялись эти таблицы и там точно известно, но обозначать это здесь в таблице, как уже замечено, было признано нецелесообразным. Возьмем другой пример: Запонорскую в. того же Богородского у [2]). Остановимся на селении № 8—Елизарово. В гр. 87 против него стоят знаки: 5, 3, 4. Обращаясь к примечанию по волости, найдем, что главное *промысловое* занятие здесь *нищенство*, затем следует размотка нитей и следующее место занимает работа на фарфоровых фабриках. Если всмотримся в гр. 87 для всех селений и к примечанию по волости, то увидим что из 23 общин этой волости нищенством, как промыслом, заняты в 21-й общине; в графе же 87-й этот промысел отмечен (5) лишь для четырех общин, т.-е. для указанного уже № 8, затем для № 14, где он тоже стоит на первом месте, для № 6, где он занимает третье место и для № 23, где он стоит на пятом месте; для остальных же 17-ти общин, где встречается *нищенство, как промысел*, оно не отмечено; это значит, что в них оно имеет только единичных представителей и не является особенно характерным для данной общины, сохраняя вполне свое характерное значение для всей волости. То же найдем, напр., для Вышегородской в. Верейского у., где также развито нищенство, как промысел.

Здесь требуется остановиться еще на одном обстоятельстве. Если мы по Теренинской вол. или по какой-либо другой подсчитаем те числа занятых каждым видом промысла, которые приведены в примечании по волости, то получим в общем итоге по волости почти повсюду большее число лиц, занятых промыслами, нежели то дает итог гр. 79 и 80, и даже больше, чем дает итог гр. 81—84. Что же означает такое несоответствие итогов и при том с постоянным превышением итога, даваемого суммированием цифр примечания, над итогом, получающимся из суммирования цифр, проставленных в графах таблицы?

Об'яснение этому находятся в том явлении, о котором было уже говорено выше (стр. 94). Там мы сказали, что при регистрации промысловых занятий отмечались для каждого те занятия, которые он имеет помимо земледелия на своем наделе, и что этих занятий у некоторых лиц было по два и по три и даже более. В таком случае при подсчете промысловых единиц, как это делалось для примечания по волости, одно лицо попадало в счет столько раз, сколько

[1]) Приложение 4-е
[2]) Приложение 4-е

оно имело занятий, вследствие чего подсчет чисел в примечании по волости превышает сумму, проставленную в гр. 79 и 80 и даже в гр. 81—84. Последние четыре графы повторяют одно и то же лицо, если оно занято дома и на стороне, но не повторяют его, если оно имеет два, три занятия дома; в примечани же по волости оно попадает во все виды промыслов, которыми занято. Так, подсчитав напр., по Ягунинской вол. Звенигородского у. [1]) число лиц, занятых промыслами по примечанию к волости, получим 2.123 лица м. п., по итогу же гр. 79 их значится на 61 лицо менее, т.-е. всего 2.062 л., а по итогам граф 81 и 83—2.086, следовательно, 24 лица (2.086 — 2.062) заняты промыслами и в своем селении и на стороне; это уже дает превышение итога по примечанию над итогом гр. 79 на 24; остальные до 61-го — 37 единиц указывают на лиц, занятых двумя или тремя промыслами на стороне или в своем селении, что при том многообразии промыслов, которое, как это легко усмотреть из примечания, господствует по этой волости, совершенно понятно: кроме 24 прямо поименованных промыслов встречается еще 150 названий их. Для женщин же найдем здесь по этой волости 5 таких повторных промыслов.

Сколько именно лиц в каждой общине занято двумя или тремя и какими именно промыслами—это может быть установлено непосредственно по прямым данным. Для этого сделаны все необходимые выборки, о которых сказано выше и которые послужили для сводки данных в эти таблицы [2]).

Прежде чем покончить с рассмотренными графами этого отдела таблиц, надо указать еще на одно. В заголовке над этими графами значится: „Промысловые занятия *приписных наличных* семей“. Это и выдержано по отношению ко всем надельным общинам, состоящим из приписного к ним населения. Но, как уже об'яснено выше, в таблицы вошли и населенные пункты с населением „посторонним“, не приписанным к данной волости и нередко состоящим только из мещан. Все данные для таких поселков, как уже сказано, отпечатаны курсивом и по отношению к ним даны здесь сведения о населении, о постройках, количестве скота по основаниям, указанным выше. Но по отношению к населению постороннему, живущему в земельных крестьянских общинах, никаких других сведений не дается. По отношению же к поселкам, занятым только посторонним населением, включены также сведения и о промыслах, так как хотя это не приписное, но единственное *наличное* население таких поселков. В итогах по волости данные о промыслах включают, таким образом, и числа, относящиеся к таким поселкам. Поэтому, сличая числа семей и лиц, занятых промыслами со всем населением, следует сопоставлять этот итог не только с гр. 9—11, но и прибавлять к этому из гр. 15 и 16 данные, относящиеся к не волостному поселку, находящемуся в пределах данной волости. Так, напр., для

---

[1]) Приложение 4-е.

[2]) Для некоторого представления о том, насколько далеко идет многообразие промыслов для одного лица, приведем здесь некоторые данные из первоначальных выборок. Так, напр., в Гарской вол. Дмитровского у. (прилож. 4) по подсчету данных в примечании по волости получается 1309 промысловых мужских единиц, а по гр. 79 всего мужчин, занятых промыслами, 1,205, т.-е. на 104 единицы меньше. В первоначальных же выборках находим 78 человек, занятых *двумя* промыслами, что дает 78 лишних единиц, затем 10 мужчин, занятых *тремя* промыслами, что дает еще 20 лишних единиц, да еще двух мужчин, занятых *четырьмя* промыслами, что дает еще 6 лишних единиц: итого: 78+20+6=104, т.-е. получается тот излишек, который дается и подсчетом показанных по волости промысловых единиц: то же получается и для женских промысловых занятий. Указание же на повторные занятия, помещенное в конце примечания по волости, имеет в виду случаи соединения в одном лице занятий в своем селе (гр. 81, 82) и на стороне гр. 83, 84).

Теренинской вол. Богородского у. [1]) в счет семей, занятых промыслами, включены и 17 посторонних семей по поселку Дрезна, а потому для выяснения, какая часть населения, живущего в пределах данной волости, занята промыслами, итоги гр. 78—80 следует сличать не просто с итогом гр. 9—11, а прибавить к нему еще из № 20 (Дрезна) цифры 68 и 57, отпечатанные курсивом в графах 15 и 16-ой. При желании же выделить лишь данные, относящиеся к приписному наличному населению, нужно из волостных итогов гр. 78—86 вычесть цифры этих граф, напечатанные курсивом и относящиеся к № 20, т.-е. к пос. Дрезна. Полученное затем число дает уже итоги по волости, относящиеся лишь к приписному наличному населению и подлежит сличению лишь с итогами гр 9—11.

Необходимо, однако, предупредить, что в виду невозможности производить перепись населения, что, как уже показано, во многих случаях не позволило даже установить точно число лиц, пол и возраст постороннего населения, сведения об его занятиях не могут считаться настолько точными, как для приписного наличного населения и показания о числе лиц, занятых среди него промыслами, должны считаться преуменьшенными.

Оставляю только-что приведенное замечание здесь в „пособии", чтобы еще раз отметить, как приходится считаться с условиями собирания матерала при дальнейшем пользовании им и при установлении значения за теми заключениями, которые вытекают из обработки его.

Чтобы дополнить характеристику промысловых условий каждой общины, в этот отдел включены еще гр. 88 и 89, показывающие число торговых и промышленных заведений, как они зарегистрированы при подворном и поселенном описании. К сожалению, при регистрации промышленных (мелких) заведений. в некоторых, хотя редких и исключительных случаях, вкрались неточности, т.-е. число их должно быть несколько больше показанного у нас. Нужно, впрочем, заметить, что, хотя мы и допускаем возможность такой неточности в некоторых случаях, но она установлена нами и выяснена в действительности только по отношению к некоторым селениям одной волости Можайского уезда. Там ряд мелких промышленных заведений, занятых изготовлением валяных сапог, подлежит обложению земским сбором и значится по окладным книгам управы. Регистратору это не было известно, а население в свою очеред, предполагая, что об этих то заведениях уже знают и, следовательно, не о них спрашивают, тоже ничего не сообщило о них и таким образом они не отмечены ни в подворных карточках, ни в поселенных бланках. Но, повторяем, это единственный случай пропуска нескольких заведений, на который может быть определенно указано. Во всяком случае, если такие пропуски и встретились еще где-либо, то при массовом использовании материала, при группировке и обобщении его по целым местностям, они не могут иметь сколько-либо заметного влияния на общие выводы. Я счел необходимым в настоящем пособии сохранить указание на этот случай пропуска, чтобы еще раз, так сказать, подчеркнуть, как важно предварительно использовать и указания местных людей и разный имеющийся уже материал, чтобы при собирании сведений на местах не упустить из виду чего-либо существенного.

К этому же отделу присоединена и гр. 90—число пчеловодов среди приписного наличного крестьянского населения. Для каждого пчеловода у нас отме-

[1]) Приложение 4-е.

чено и число ульев у него рамочных и простых (колод), но мы предпочли эти последние данные, т.-е. о числе ульев, не включать в эти таблицы, так как нередко у пчеловодов встречается предрассудок, запрещающий сообщать точную цифру числа ульев, почему может быть эти данные и недостаточно точны. Считаем нужным, однако, отметить, что при сопоставлении этих данных с данными, собранными и разработанными в начале 80-х годов отделением пчеловодства общества акклиматизации, оказывается, что с тех пор число рамочных ульев у крестьянского населения Московской губ. весьма значительно возросло, хотя число пчеловодов и убавилось.

Мы включили данные о числе пчеловодов в этот отдел на том основании, что хотя это занятие и примыкает к сельскохозяйственной деятельности, но носит в значительной мере и промысловой характер. Включая сюда и его, мы исчерпываем в наших таблицах почти все виды промысловой деятельности населения. В частности, в самые таблицы не включены данные о такой промысловой деятельности, как выпойка телят на продажу, чем занимаются в некоторых волостях Дмитровского уезда. Эти данные не включены в графы таблиц потому, что по отношению к ним нельзя указать числа лиц, занятых этим промыслом. Это занятие семейное. Но, чтобы не упустить и этой особенности, в примечании, определяющем виды промыслов по этим волостям (Митинской, Морозовской и Озерецкой), указано, какое число дворов по волости занято выпойкой телят и в каких именно селениях. Здесь, следовательно, по отношению к селениям трех упомянутых волостей Дмитровского уезда для правильного представления об их хозяйственной деятельности и даже для об'яснения себе разницы в них по количеству рогатого скота и лошадей, необходимо иметь в виду эти примечания о промыслах, указывающие, в каких селениях занимаются выпойкой телят.

Глава XIV. Мирские доходы и расходы и податные сборы. Условия, создающие доверие населения к статистикам и определяющие доверие ститистиков к ответам населения.

Предыдущие отделы имеют назначением выяснить основные условия хозяйственной деятельности населения и наметить, в чем и как выражается эта деятельность.

Этой деятельностью население добывает себе средства существования; ею же добываются и средства, необходимые для уплаты различного рода государственных и общественных сборов. Но для этой же последней цели служат и различного рода доходы, получаемые сельскими обществами, как организациями с определенной формой управления. Поэтому прежде чем перейти к указанию расходов податного характера, в следующем отделе (XIV) и приводятся предварительно сведения о мирских (сельских) доходах. В состав их входят различные сборы, которые общество получает или за сдачу какой-либо части земли под дачи и постройки, от сдачи торфяных болот, каменоломен, мельниц, с торговых заведений, за ярмарки и базары, за охоту, за прогон и выпас скота и т. п. Графа 91 и показывает для тех общин и сельских обществ, где существуют такие мирские доходы, их годовую сумму, как она определилась при поселенном опросе и по данным волостных правлений. Однако, некоторые виды мирских доходов являются не ежегодными, а случайными, существовавшими лишь для данного года, или же имеют такую форму, что нельзя наперед определить их годовой размер, или потому, что этот доход является тоже нерегулярным, а лишь случайным для данного года, или же он может меняться из года в год. В таких случаях этот доход не включался в гр. 91, но, чтобы не уменьшить в то же время

величину доходов, получаемых обществом и не упустить какой-либо вид их, о таких доходах сообщалось в примечании к отдельному селению. Такого рода доходами являются иногда доход от продажи камня в определенном количестве, или же единовременно полученный доход от сдачи мельницы, принадлежащей ряду селений, примеры чего можно привести из Ильинской в. Дмитровского у., Пятницкой в. Звенигородского у. и т. д.

Но в то время, к которому относятся собранные сведения, т.-е. в 1898—1900 гг. у многих обществ существовал еще один вид мирского дохода, не существующий теперь, при введении казенной винной монополии в Московской губ.; это—взимание определенной суммы за право открыть в данном селении питейное заведение или трактир с продажею спиртных напитков. Включать этот доход в состав годовых мирских доходов, когда он уже не существует, было бы неправильно, так как это давало бы не соответствующее действительности представление о величине мирских доходов ко времени составления и печатания таблиц. А между тем, все прочие сведения, заключающиеся во всех предшествующих графах таблиц, можно без большой ошибки приурочить к этому времени; необходимо было при таком условии и этому отделу сведений дать такое содержание, которое позволяло бы поставить их в параллель с остальными близкими к тому же времени. В виду этого и решено было общую сумму годовых мирских доходов проставить в том виде, в каком она существовала ко времени опубликования материала, т.-е. без включения в нее питейного дохода, которого тогда уже не было. Но с другой стороны, совершенно опустить этот вид дохода было бы тоже неправильно. Во-первых, данное экономическое положение существовало при наличности этого дохода и статистик не имеет права наперед решать, что для данных общин не существует связи между их экономическим положением и величиною получавшегося ими дохода за право иметь питейное заведение. Во-вторых, и вообще было бы неправильно выкинуть из счета этот доход, составлявший в то время для всех сельских обществ Московской губернии сумму свыше полумиллиона рублей (слишком 500 тыс. руб.). Не привести суммы этого дохода, значило бы скрыть значительную часть тех средств, которыми население располагало в то время для разных нужд, в том числе, а то так и главным образом, и для покрытия тех мирских расходов, сведения о которых приводятся вслед за сим в гр. 92-й. Руководствуясь этими соображениями и решено было для каждой волости приводить в примечании как общую сумму доходов по волости от питейных заведений, существовавших во время обследования, так и отмечать какие селения имели этот доход и на какую сумму каждое. Указывающие на это примечания легко усмотреть в конце каждой волости, в том числе и в помещенных в приложении 4-м к настоящему пособию.

По поводу гр. 91, может быть, не лишнее заметить еще, что несмотря на щекотливость вопроса о доходах и естественное желание населения умалить величину их, сведения эти могут считаться весьма близкими к действительности. С одной стороны скрывать их не имеет цели, так как в большинстве случаев на них существуют приговоры схода, официально утвержденные, и потому такие доходы констатированы документально, как по показаниям населения, так и по данным волостных правлений. А с другой стороны среди общей картины экономического положения населения, изображаемой теми сведениями, которые дает население, мирские доходы занимают такое небольшое место, что населению прямо-таки не видит основания умалчивать о них: как то уже весьма очевидно становится, что эта величина ничего не может изменить в общей картине. Это сообра-

жение, думается нам, об'яснит для каждого, почему население не считало возможным скрыть перед нами какой-либо доход, который официально не установлен и о котором оно прямо могло бы умолчать. Мы же лично имеем полную уверенность, что за немногими исключениями, население и не имело в виду скрывать что-либо от статистиков. Уверенность эта основана на том, что во всех случаях, когда мы проверяли те или другие данные, которые могли бы казаться сомнительными, проверка их устраняла всякое сомнение в их достоверности. Кроме того, собранный материал дает целую массу фактов и указаний такого рода, которые прямо удостоверяют, что население относилось вполне доверчиво к статистикам и не утаивало того, что легко могло бы утаить и что, с известной точки зрения, оно должно было желать утаить: таковы, как мы уже заметили, многие виды мирских доходов данной общины, о которых спрашивающий мог и не подозревать, затем, напр., такие указания, что для протопления ловят на реке пловучий лес, как это указано в одном из селений. Об этом крестьяне тем более могли умолчать, что имеют лес в наделе, и следовательно, указание, что обходятся своим протоплением, не вызвало бы никакого сомнения, и наоборот, если-бы выяснилось, что собственного надельного леса недостаточно для протопления, то что же мешало населению, если бы оно стеснялось быть правдивым, указать какой угодно, но более или менее вероятный денежный расход на протопление, который изобразил бы его нужду в протоплении сильнее действительной и, однако, население дает нам с полной откровенностью только-что отмеченное показание. Еще, конечно, более доверия и откровенности нужно было, чтобы сообщить, что для протопления своего леса не имеют, но и не покупают, а пользуются им из соседнего леса, пользуются при том условии, что там охраны леса нет или она не такова, чтобы мешала пользоваться им тому населению, от которого охраняется лес. Такие указания есть и притом не единичные, и их можно найти в примечаниях к таблицам. Можно было бы привести и другие примеры вполне откровенных, правдивых ответов по вопросам довольно щекотливого свойства, ответов, свидетельствующих о доверии населения к земским статистикам. Об'яснение же этому доверию заключается в следующем.

Во-первых, по программе вопросов, по общей совокупности и характеру их, население, если не сознает прямо, то как бы чувствует, что такое обследование не имеет узко фискальной цели, что здесь намечается что-то более широкое, а потому волей-неволей, давая ответы, отрешается от своих опасений. Это указывает, таким образом, насколько существенно и с этой точки зрения для оценочных целей, соединять чисто оценочное исследование с более общим и широким экономическим изучением местности, результаты которого могли бы дать для населения и что-либо положительное. Короче, необходимо вести только такое обследование, которое давало бы местному управлению основы для осуществления его задач на пользу населения. Основания же для правильной и равномерной оценки выделятся при таком обследовании сами собой, если бы даже эта цель и не имелась прямо в виду, но обследование поставлено было бы на широкой экономической основе *). Эта же широкая экономическая основа

*) Необходимость для оценочных целей широкой постановки исследования общих условий земельного хозяйства и при том подворной переписи весьма полно обоснована в небольшом (по размеру)—всего 92 стр. малого формата—труде, представляющем собою: „Заключение совещания по поводу постановки оценочно-статистических работ в Черниговском земстве" (Чернигов. 1902 г.) Совещание это состояло из следующих лиц, подписавших его: Н. Ф. Анненского, Н. М. Коляскова, А. В. Пешехонова, Ф. А. Щербина, В. Ф. Острогорского и автора настоящего пособия. На

при хозяйственных статистических обследованиях необходима и вообще для выяснения отдельных сторон жизни и значения таких условий, о силе влияния которых до того и нельзя было предполагать. Правда при этом нередко и сторонние лица и сами статистики делают упрек тому, что захвачено было много, обследование поставлено широко, сил и времени на это ушло много, а затем материал использован не весь. И действительно, можно сказать, при каждом статистическом обследовании остается много материала, не использованного затем при обработке и пропадающего как бы бесследно, так как затем в позднейшее время он уже теряет свое значение, являясь свидетельством того, что было, но, может быть, прошло и во всяком случае изменилось. Но здесь необходимо иметь в виду, что если программа обследования была составлена тщательно, продуманно и в отдельных частях своих согласована, то и использованный материал не пропал бесследно: он служил, во-первых, как то уже и отмечено выше, чтобы поднять в глазах населения значение обследования и отнять у него возможность и охоту давать неверные сведения, а во-вторых, он имел значение как контрольный при самом опросе, да и потом при разработке. В-третьих, наконец, надо иметь в виду, что даже и беглое ознакомление с тем, что осталось неиспользованным и потеряло значение для характеристики настоящего, может навести, однако, при выработке программы следующего обследования на мысль о необходимости постановки тех или иных вопросов или на форму постановки уже ранее существовавших вопросов.

Другое условие, очень важное, чтобы получить сведения, близкие к действительности, заключается в том, чтобы приступать к обследованию с живым интересом к нему, с действительным желанием уяснить для себя экономическое и бытовое положение населения, отрешаясь от всяких предвзятых мнений, от всякой тенденциозности, а изучая действительность совершенно *беспристрастно*, памятуя, что в ней много неизвестного и непонятного нам, и что при всем желании уяснить ее себе как можно полнее, все-таки многое останется для нас недостаточно выясненным или же и совсем неизвестным; но что это все-таки не должно и не может ослаблять наш интерес к обследованиям, а напротив должно побуждать нас выяснить все то, что при настоящих условиях может быть выяснено. Видя или чувствуя такое отношение к делу со стороны исследователя-статистика, население само заражается им и заражается тем более, что это вызывает в нем наружу те вопросы и мысли, которые таятся в нем постоянно. Оно начинает чувствовать, что это не инквизиторские вопросы со стороны статистика, а стремление уяснить себе то, что так близко касается населения, и оно начинает помогать ему в деле, хотя может быть и само не всегда сознавая это. Много, конечно, значит при этом тесно связанное с таким отношением к делу отношение статистика к самому населению. Население является тогда для статистика не безличной массой, от которой надо что-то выпытать, а состоящим из живых людей, интересующихся одним с ним делом и помогающих ему выяснить то, что ему неясно. Это отношение к себе население тоже чувствует и тогда взамен выпытывания с одной стороны и уклончивых ответов с другой наступает общая совместная с населением коллегиальная работа, которая лучше всего гарантирует правдивость ответов. С этим согласится и это

числа этих лиц В. Ф. Островский состоял в то время на службе в Мин. Финанс. по отделу земских оценок. Все остальные лица состояли в то время или ранее заведующими статистическими отделениями в различных губерниях (Нижегородской, Псковской, Калужской, Воронежской, Московской).

подтвердит, мы уверены, каждый опытный земский статистик. Вот та основная причина, по которой можно с полной уверенностью полагаться на близость к действительности результатов, получаемых путем подворного земско-статистического обследования, производившегося обыкновенно лицами, проявлявшими к нему тот интерес и к населению то отношение, о которых только-что сказано. За это говорит и то, что приведено было выше на стр. 60—61.

Вслед за данными о мирских доходах следует 92 графа, заключающая сведения о мирских же (сельских) расходах, т. е. таких, которые должны считаться по преимуществу расходами сельского управления и сельского же общественного благоустройства. Раньше приведены были расходы на пастуха (гр. 77), на общественную аренду (гр. 44), расходы на протопление (гр. 28). Но все эти расходы иного рода. Расход на протопление обычно даже не общественный расход, и лишь в редких случаях протопление приобретается целым обществом и затем распределяется по отдельным дворам по тому или другому основанию. Но привести этот расход необходимо было, так как та или иная величина его и то или иное количество дворов, покупающих отопление, стоят в связи не только с размером надела, но и с наличностью или отсутствием в составе последнего лесных угодий. Это обстоятельство весьма существенно для характеристики общих экономических условий отдельных общин. По этому признаку, напр., резко отделяются общины бывших государственных и бывших помещичьих крестьян; последние, как известно, как общее правило, лесных угодий в надел не получали.

Что касается расхода на аренду земли обществом, то он носит особый характер, так как в такой аренде не редко участвуют не все, а только получающие надел, да и из этих последних лишь те, которые пользуются им для обработки. Соответственно этому и расход этот распределяется не между всеми членами общины, а только между участвующими в арендовании земли. Пастушный расход также относится лишь к имеющим скот, и основой его распределения по дворам служит количество скота, выпускаемого на пастьбу каждым двором: лошадь, корова, вообще штука крупного скота составляет один „чередъ", т.-е. одну, так сказать, платежную единицу, четыре овцы также считаются за один черед и т. д. Этот расход, следовательно, также нужно было выделить особо.

Все эти расходы имеют чисто хозяйственный характер и не могут относиться к таким общественным расходам, которые касаются каждого члена общины. Расходы же, включенные в гр. 92-ю, относятся по преимуществу к расходам последнего рода. Сюда входят расходы на старосту, на десятского, если эта должность справляется не по очереди из каждого двора *), а по найму, сюда же относятся расходы на сельского сторожа, церковного сторожа, общественные молебны, на школу, где они производятся обществом, на наем сборной избы, на содержание пожарной трубы, общественных колодцев, на починку дорог, мостов, уплату за подводы и т. п. Правда и в этих расходах невсегда участвуют все, числящиеся членами общины; освобождаются от них, напр., не пользующиеся землею и т. п., но это происходит уже не в силу принципа, положенного в основу распределения этих расходов, а по индивидуальным условиям того или иного двора, той или иной семьи.

---

*) Считаю не лишним отметить здесь, что в пределах Московской губ. нам приходилось встречать в *нескольких* селениях, где должность десятского справлялась по череду, в качестве такого должностного лица женщину—не как лицо, заменяющее мужа, а прямо как должностное лицо—непосредственно исправляющее обязанности десятского по череду.

Помимо перечисленных мирских расходов, повторяющихся ежегодно, хотя и не в одинаковой сумме, бывают и единовременные, случайные расходы. Зарегистрированы из них те, которые показаны, как произведенные в тот год, к которому относятся собираемые сведения. Показать их в сумме годовых расходов—значило бы преувеличить их для того общества, которое произвело их в данном году и сделать не допустимым сравнение отдельных общин по этому признаку. Поэтому здесь, как и для общественных доходов, включены только регулярные годовые расходы. Расходы же единовременные (покупка пожарной трубы, напр., вырытие нового колодца или пруда, перестройка моста и т. п.) показаны в примечании к общей сумме их по волости.

В таблицах, однородных с настоящими, проставляются обыкновенно по каждому селению, кроме мирских (сельских) расходов, еще расходы волостные, земские, государственный поземельный налог, выкупной платеж и некоторые другие. При обсуждении содержания таблиц и у нас в статистическом отделении разбирался весьма серьезный вопрос, какие расходы включать в них. Казалось, не было основания включать один расход, имеющий характер податного (мирской, сельский, общественный) и не включать другие того же характера. Но при этом приняты были во внимание следующие соображения. Волостной расход (на волостного старшину, писаря и т. д.) распределяется равномерно на все приписное крестьянское население волости, по стольку-то с окладной души. Он не определяется таким образом особыми условиями каждой общины и не устанавливает в этом отношении различия по ним. Зная сумму его по волости или размер его на душу и число душ в общине, легко определить сумму его для данной общины. Поэтому в таблицы, имеющия назначением изобразить такие основные экономические условия *отдельных общин*, которые будучи общими, в то же время для каждой из них получают свое особое выражение, не представлялось надобности вводить такие данные, которыя одинаково выражаются для каждой общины данной волости. Этого последнего заключения тем более надо было придержаться, что введение данных о других расходах, распределяемых на все общины по одному общему для них основанию, заставило бы удлинить таблицы, умалить их наглядность и тем затемнить и представление о том, что определяет отличие в положении одних общин от других. Поэтому решено было ввести данные о волостных расходах в поволостные таблицы, ограничившись здесь мирскими. Эти последние имеют для каждой общины, помимо общего, и свое особое содержание, так как не везде встречаются расходы одного и того же вида (в одной общине колодез, а в другой пользуются речной водой—и расход производится на поддержание проруби, что дает иную величину его, нежели для колодезя и т. п.), не везде они распределяются по одному и тому же основанию, а главное—они падают в различных общинах в различной мере на платежную единицу, в зависимости иногда от размера общины: где она меньше—расход на платежную единицу будет выше при совершенно однородных предметах расхода, как, напр., на старосту, которому приходится платить почти одинаковое жалованье в большом и малом сельском обществе, что падает, конечно, там и тут различной величиной на одну платежную единицу. Расход же волостной там и тут падет на душу (т.-е. принятую для волостных расходов платежную единицу) в совершенно такой же величине. Таким образом сравнение отдельных общин по сумме мирских доходов выясняет и различие условий, в которых стоят отдельные общины, и определяет разницу в последствиях этого различия и, следовательно, и обратно в их влиянии на экономическое положение селения

Это, так сказать, индивидуальный расход каждой общины, отличающийся от других и отличающий ее, чего нет за волостными расходами. Они индивидуальны для каждой волости, а не для селения.

Несколько иные соображения руководили нами при невключении в *поселенные таблицы* данных о земских, выкупных и государственных сборах. Частью и по отношению к ним справедливо соображение о том, что они различаются по основаниям и размеру обложения не по отдельным селениям и даже волостям, а по целым уездам. Но в то же время для отдельных общин бывают и отступления от этих общих оснований. Эти отступления дают для отдельных общин значительную разницу в величине таких платежей. При таких условиях поселенное распределение, напр., выкупных платежей дало бы что-либо только в том случае, если бы рядом пояснялось, что для такой-то общины выкупной платеж ниже, ибо было понижение его, для такой-то установлена рассрочка и т. д. Такие пояснения, которых пришлось бы приводить не мало, не отвечали общему плану таблиц, без них же цифры этих расходов мало что выясняли, а таблицы растянулись бы значительно в ущерб их наглядности. Поэтому и решено было эти виды расходов включить в поволостные таблицы, как обнимающие собой большую совокупность счетных единиц, которыми по отношению к нашим таблицам являются целые крестьянские общины, а не отдельные дворы.

Однако приведенные соображения не решают еще вопроса окончательно. Во-первых, как уже замечено, выкупные платежи, хотя и установлены по одному основанию, но для различных общин не одинаковы для данного времени, в силу применявшихся к некоторым общинам понижений выкупных платежей, рассрочек и пересрочек; кроме того, есть общины, уже выкупившие надел и не несущие выкупных платежей теперь. Затем земский сбор — уездный — по уездам различен не только по проценту обложения, но и по основаниям его. Так Московский уезд, напр., земли, сдаваемые в аренду, привлекал к обложению по доходности, определяемой по арендной плате, что делается не во всех уездах и что в то же время для двух земельных общин, из коих в одной есть, а в другой — нет сдаваемых в аренду земель при равном пространстве земли, установляет разную высоту обложения. Все это и обусловливает собою то обстоятельство, что вся совокупность платежей различных видов в их взаимоотношении в зависимости от ряда условий может выражаться в различной величине по отношению к единице земельного владения для каждой общины. Существенно знать эту величину, почему и представлялось целесообразным выразить в таблицах тяжесть обложения земли всеми платежами, падающими на нее, при чем *по отношению к отдельным общинам* не столь существенно, какой именно вид платежа является наиболее тяжелым. Это важно уяснить для отдельной общины лишь тогда, когда становится непосредственно практический вопрос: как облегчить положение данной, определенной общины, т.-е. когда наступает надобность в таком фотографировании действительности, о котором мы говорили выше.

Когда же публикуется материал, предназначенный для выяснения общих, основных условий, то относительная тяжесть тех или иных платежей может выясняться лишь при соединении однородных групп селений, что не входит в задачу пообщинных таблиц. В то же время абсолютными суммами отдельных видов платежей для каждой общины и нельзя было бы выяснить различие в обременении той и другой общины платежами, ложащимися на землю. Для этого надо знать, сколько платится с десятины надела там и тут. Чтобы подойти к более правильному определению этого — при условии распределения платежей не

земельным душам—еще при собирании сведений, помимо данных о различных податных расходах, при поселенном опросе в каждой общине ставился еще вопрос, сколько приходится платить с души всех податных сборов? При выборках же и разработке материала производился тщательный подсчет всех видов платежей, приходящихся с данной общины. Результаты этого подсчета и суммирования всех платежей сопоставлялись с прямыми ответами, полученными при пообщинном опросе, и этим путем производилась проверка полученных результатов. Но для выражения различия, существующего в этом отношении для отдельных общин, как уже указано, нужны были не абсолютные цифры, а отношение суммы всех видов платежей к определенной единице. При опросе такой единицей служила душа, что и было правильно, так как крестьянин всегда сам считает, сколько ему приходится платить с души. Но для него душа всегда представляет определенную реальную единицу. Для сопоставления же по отдельным общинам эти „души" представляли бы собою нечто отвлеченное и далеко не равную величину. Поэтому нужно было остановиться на такой единице, которая для каждого было бы реальной, определеннной величиной, говорящей одно и то же и представляющей собою однообразный масштаб для сравнения.

Такой единицей является десятина надельной удобной земли. Эта единица является в то же время основным условием земледельческого хозяйства и она же может быть меркой тяжести всех податных сборов по отдельным дворам, хотя бы исчисление и производилось на „души". В силу всего этого в таблицы и включена 93-я графа (последняя), указывающая, сколько приходится всех податных сборов в среднем на десятину удобной надельной земли. Обращаю здесь опять таки внимание на то, как много условий, с которыми приходится считаться при изучении и анализе действительности, и как при разработке материала приходится руководствоваться не какими-либо наперед установленными шаблонными программами, а изучить сперва самый материал, саму действительность для того, чтобы на основании этого изучения и для осуществления определенной задачи выработать ту программу сводки и группировки материала, которая наиболее правильным путем приведет к наиболее достоверному осуществлению поставленной себе задачи.

В состав сборов, которые исчислены, вошли все указанные выше виды их, в том числе и сумма мирского расхода, значащаяся в гр. 92-й. Но сюда не вошел страховой сбор, так как он не носит характера податного, хотя бы и являлся обязательным. Не вошел и продовольственный сбор: во-первых, потому, что и его следует считать по существу видом страхового сбора, а во-вторых, введение его включило бы в платежи однех общин то, чего бы не пришлось включать в платежи других, и сделало бы несравнимыми данные этой графы. Дело в том, что в Московской губернии в одних уездах преобладает или даже и исключительно существует продовольственный сбор в форме натуральных запасов, а в других—в денежной форме. При таких условиях его бы пришлось взять в расчете только для тех общин, где он существует в денежной форме. Это дало бы для них большую величину платежей сравнительно с общинами, производящими засыпку зерна в натуре, что было бы неправильно, так как сбор в натуре—все-таки сбор.

Добавим еще, что при переводе податных сборов на десятину приняты в расчет только ежегодные регулярные расходы; расходы же случайные, характер которых пояснен выше, в расчет не принимались.

После сказанного о том, что составляет содержание 93-й графы, думается нам, значение ее ясно для каждого; но все же не мешает остановить внимание на том, что она отмечает весьма значительное различие в сумме всех платежей, падающих на десятину надельной земли, не только по отдельным общинам, но и по отдельным волостям по одному и тому же уезду. Так, в Бронницком уезде, напр., величина эта колеблется от 1 руб. 60 к. в среднем на десятину по Жирошкинской волости, где преобладают общины бывших государственных крестьян, до 5 р. 10 к. (слишком втрое выше против предыдущего) по Мячковской волости, состоящей почти только из общих бывших удельных крестьян. Если иметь в виду разницу в размерах и условиях наделения землею там и тут, то разница эта становится сама собою понятной. Еще рельефнее, это конечно, выражается по отдельным общинам в пределах одного и того же уезда, не говоря уже о разнице по отдельным уездам. Так, в том же Бронницком уезде мы встречаем 90 к. всех сборов с десятины (Сел. Введенское часть 4-я Лобановской вол.) и 10 р. 40 к. (д. Вертячево Чулковск. в.), т.-е. почти в 12 раз больше, чем в первом случае. И здесь, в первом случае это община бывших государственных, а во втором удельных крестьян. Такая разница в том, что необходимо выручить с земли для уплаты только податных сборов, конечно, *обусловливает* собою и различие в экономическом положении двух таких общин, но в то же время она является и *следствием* разницы в остальных экономических условиях.

Еще более обращает внимание различие по отдельным общинам в пределах одной и той же волости. Так в Чулковской волости, состоящей всего из 8-ми общин, платежи по отдельным общинам колеблятся от 2 р. 80 к. до 10 р. 40 к. на десятину *). В этом последнем селении (Вертячево), уплачивающем такой сбор при 48 наличных и 28 отсутствующих семьях—итого на 76 семей приходится всей удобной земли всего 103,7 дес., т.-е. в среднем на *семью* получается с небольшим 1,3 дес., а на надельную долю, которых числится 173, по 0,6 дес. Но так как всех надельных семей 73, то на каждую приходится по 1,42 дес., при чем надел распределен в трех участках (гр. 29), что дает в каждом менее полдесятины. Это до известной степени об'ясняет, почему из 73 надельных семей—27, т.-е. более одной трети их не обрабатывают земли, а также более одной трети дворов отсутствует, затем из 48 наличных семей 22 семьи не имеют лошадей и 21—ни лошадей, ни коров. Тем не менее эта община арендует на 175 р. сенокосную землю и выгон, что составляет еще расход почти в 4 р. на каждый двор, обрабатывающий землю, да еще по 4 р. в среднем приходится на плату пастуху с каждого двора, имеющего скот. Все это, конечно, еще не дает оснований строить какие-либо заключения о благосостоянии жителей данной общины. Очевидно, что при этих условиях земледельческого хозяйства благосостояние их должно быть основано главным образом на промысловой деятельности и, следовательно, зависит от того, насколько последняя оплачивает их труд. Но для представления о том, в какия экономические условия поставлена сельско-хозяйственная деятельность населения данной общины, для суждения о том, может ли сельское хозяйство итти здесь удовлетворительно, отмеченные явления дают достаточный материал.

Не делая каких-либо дальнейших сопоставлений, отметим здесь, что в общем разница в среднем размере платежей, приходящихся на десятину, обусловливается также общим размером надела, т.-е. чем больше земли приходится на

*) См. приложение 4-е

надельную душу, тем относительно менее падает платежей на десятину земли. Усмотреть это очень легко при сопоставлении средних размеров платежей на надельную десятину по отдельным волостям. Таким образом в дополнение ко всему, что указано относительно значения размеров надела, следует еще добавить, что чем меньше размер надела на душу, тем более платежей приходится на десятину земли.

Глава XV. Расходы по производству подворных обследований.

В предшествующем изложении довольно подробно описаны условия собирания материала, его первоначальной сводки и группировки. При этом, думается нам, выяснилось, что хотя приводимые и об'ясняемые здесь таблицы почти и не дают подворного распределения тех или иных хозяйственных элементов, но ясно показывают, что целый ряд данных, характеризующих хозяйственные условия по целым общинам, мог быть получен не иначе, как путем описания каждого отдельного крестьянского хозяйства, отдельной семьи, отдельного двора, т.-е. при помощи приема, которому усвоено название подворной переписи или подворного обследования. Вместе с тем не трудно усмотреть, что почти все данные, включенные в таблицы, являются безусловно необходимыми для производства обоснованной оценки земельных имуществ и в то же время дают материал для ответов на целый ряд запросов, вызываемых планомерно поставленной деятельностью местного управления. В виду такого чисто практического назначения данных, собранных подворным обследованием, представляется не лишним привести здесь и сведения о расходах, вызванных подворной переписью. Конечно, расходы того времени и при тех условиях не имеют, казалось бы, никакого значения теперь и не могут служить для каких-либо указаний. Но я оставляю здесь все-таки и эту часть введения, послужившего основанием данного „Пособия", так как из нее видно, какого *рода* расходы приходится иметь в виду при всяких *статистических* обследованиях, *как* слагаются они, *из каких* составных частей и *какое относительное* значение имеют те или другие статьи расхода.

Необходимо, однако, заметить, что выделить вполне точно расход, вызванный именно подворной переписью, не представляется возможным. Как уже было отмечено раньше, подворная перепись, связанная обыкновенно и с поселенным описанием, соединена была в Московской губ. еще и с собиранием сведений для учета земель; кроме того, многие из тех лиц, которые собирали сведения по крестьянскому хозяйству, производили описания и соседних владельческих имений. Независимо от всего этого, в Московской губернии такое выделение затрудняется и тем, что производство подворной переписи не было делом только специально для того приглашенных лиц. В нем принимали самое деятельное участие и постоянные статистики московского земства, уделявшие свое время и другим статистическим работам, а при этом условии только искуственно и в значительной степени произвольно можно выделить ту часть получаемого ими вознаграждения, которая падает на время производства подворного обследования. Все это и необходимо иметь в виду в дальнейшем при выяснении расходов, связанных с производством подворного обследования.

Приступая к выяснению этих расходов, заметим еще, что их нельзя определить сразу огульной цифрой, а необходимо выделить отдельные виды их, так как они имеют не одинаковое значение при разных условиях, и поэтому сравнение расходов по производству подворной переписи в одной губернии с расходами

на нее по другой, напр., можно правильно произвести только при знакомстве с отдельными составными частями этих расходов. Так в силу выясненного выше (стр. 13—14 настоящ. пособия) в состав расхода по производству подворной переписи в Московской губернии вошел при данном обследовании расход на вознаграждение волостных писарей за перенесение сведений из третьих экземпляров переписных листов на карточки подворного обследования. Обыкновенно такого расхода не бывает, а в данном случае он был и обойтись без него нельзя было. Впрочем, расход этот был не велик, всего 1135 р.

За выделением этого расхода в 1135 рублей, следует отметить отдельно расход на раз'езды, который может весьма различаться в зависимости от большей или меньшей редкости селений, величины их, путей сообщения, времени года для переезда и т. д. В обследовании 1898—1900 гг. по Московской губернии расход этот выразился в сумме 6.975 р. 47 к., что при общем числе дней, потраченных на раз'езды от 12.192 до 12.700 (согласно расчету, приведенному на стр. 53: 508 месяцев по 24 - 25 дней в месяц), дает этого расхода от 54,9 до 57,2 копейки в день. Если же иметь в виду, что в сумму этого расхода входит и расход по выездам из Москвы и по возвращению в нее, то надо распределять его не на 24—25 дней в месяц, а на полный месяц, т.-е. на 30 дней, и тогда средний расход в день составит 45,7 коп. На каждый отдельный двор этот расход составляет в среднем 2,58 коп. (697.547:270.000)*). Следующий расход, который надо выделить,—это так называемые суточные, т.-е. то, что ассигнуется на расходы по содержанию во время проездов и производства обследования. Этот расход стоит в тесной связи с числом дней, потраченных на работы. Предопределен он был в сумме не свыше 1 р. 50 к. на каждого в день, проведенный в пути и в местных обследованиях, что при 508 месяцах, считая по 30 дней, должно было составить 22.860 р., а при счете 24—25 дней от 18.288 р. до 19.050. В действительности же по этой статье израсходовано всего за время местного обследования только 10.729 р. 49 к., т.-е. против расчета по 30 дней в месяц слишком вдвое меньше, или по 70,4 копейки в день, иначе говоря, в среднем каждый израсходовал слишком вдвое меньше против того, что имел право израсходовать. Весь же этот расход составляет на отдельный двор 3,9 к. В результате этих расчетов выходит, что расход на содержание и раз'езды вместе составил в день менее того, что ассигновывалось на одно содержание. Произошло это потому, что, хотя каждому и предоставлялось израсходовать на содержание до 1 р. 50 к. в сутки во время переездов и местных обследований, но уплачивались произведенные на содержание и на раз'езды расходы каждому по представленному им отчету о *действительно* произведенных им расходах на эти статьи. Эти-то отчеты и дают приведенную выше сумму, свидетельствующую, что при колебаниях этих расходов по отдельным дням так, что иногда расход на содержание превышал значительно 1 р. 50 к., установленные как норма, иногда же опускался значительно ниже ее—средний расход на содержание за все сутки раз'ездов при местном обследовании выражается лишь в сумме 70,4 коп. в день.

Остальной расход состоит затем в вознаграждении за труд по регистрации. Этот расход также не поддается какому-либо простому учету. За время подвор-

*) В действительности подворной переписью зарегистрировано было несколько меньшее число дворов, но для избежания слишком большой дробности расчетов мы принимаем круглую цифру в 270.000 дворов.

ного обследования он составляет сумму 26.037 р. 71 к., если считать вознаграждение только лицам, приглашенным на время подворного обследования, и тогда это составить по 9,64 к. на двор и, следовательно, прибавляя сюда исчисленный ранее расход на двор, на раз'езды и суточные, получим по 16,12 к. на описанный двор (9,64+2,58+3,90), не считая при этом расхода на вознаграждение волостных писарей за перенесение сведений из переписных листов, который в среднем составляет около 0,42 к. на двор.

Однако, такой расчет может быть признан и не совсем правильным, так как на производство подворного обследования затрачивался и труд постоянного персонала; следовательно, часть вознаграждения последнего надо отнести на этот предмет и тогда получится иная сумма. Таким образом правильность расчета затрудняется с одной стороны тем, что на долю подворного обследования приходится относить и расход, падающий на поселенное обследование, на собирание сведений по учету земель и на описание частновладельческих имений, которых при подворном обследовании было описано до 5-ти тысяч. С другой стороны, в счет расходов по подворному обследованию не введены в нашем расчете суммы на вознаграждение постоянного персонала, труд которого, однако, в значительной мере расходовался на это же дело.

Беря, однако, те месяцы, в течение которых и лица из постоянного состава статистического отделения затрачивали свое время всецело на участие в работах по подворной переписи и на производство местного обследования, можно ввести поправку в вышеприведенные данные, присоединив к ним расход на вознаграждение за это время лиц из постоянного персонала, производивших местное обследование, а также и половину того вознаграждения, которое получает заведующий, труд которого дробился между заботами по подворной переписи и другой деятельностью статистического отделения. Это все вместе взятое дает еще сумму в 10.350 р. Итого общий расход по местному обследованию составит 10.350 (вознаграждение постоянного персонала)+26.038(вознагражд. времен. персон.)+10.730(суточн.)+6.975 (раз'езды), а всего 54.093 рубля, что при делении на 270.000 дворов дает в среднем по 20 копеек на каждый описанный двор, т.-е сумму довольно высокую. Исчисленная сумма расхода при 13 уездах Московской губернии дает в среднем по 4161 р. на уезд.

Каждому, однако, ясно из всего сказанного выше, что нельзя относить всю эту сумму на специально подворное описание. А между тем представляется важным определить, какой расход вызывается специально подворным обследованием. Подойти к довольно точному определению этого расхода можно следующим путем.

Согласно сказанному выше (стр. 57—58) при затрате времени лишь на подворное описание, в день описывалось *не менее* 30 дворов, а бывало нередко и более 70-ти, что заставляет принять *в среднем* не менее 40 дворов в день, если не отрываться от подворного описания на поселенное и проч. В таком случае для описания 270.000 дворов требуется 6.750 дней, что, считая 24 рабочих дня в течение месяца, дает 281 месяц, посвященный специально подворному описанию. Всего на местное обследование, как подсчитано выше, затрачено 508 месяцев; из них по только-что приведенному расчету 281, или 55,31% всего времени,—на специально подворное описание. Общий расход был 54,093 руб. Выделяя из него 55,31% на специально подворное описание, получим 29.918 руб. на описание 270.000 дворов, что дает в среднем на двор по 11 к. с небольшим. Для отдельного уезда в среднем это составляет 2247 руб. Остальной расход должен

быть отнесен всецело на *поселенное* описание, на собирание на местах сведений по *учету земель* и на описание *частновладельческих имений*, которых, как уже указано, описано при местном обследовании до 5-ти тысяч.

Но можно подойти к выяснению расхода, вызываемого специально подворным описанием, и иным путем, дающим данные, более близкие к условиям действительности.

Для производства подворного обследования приглашаются обыкновенно, как то было и у нас, специальные регистраторы, при чем лицам, производившим только подворное описание, уплачивалось по 40 руб. в месяц. Следовательно, за 281 месяц за труд специально подворного описания выдано вознаграждение 11.240 руб., да суточных по приведенному выше расчету, и принимая для каждого месяца полное число дней, т.-е. 30, так как при расчете суточных принимаются и дни, потраченные на раз'езды, получим уже 8430 (а не 6750) дней по 70,4 коп., всего 5935 руб., да по такому же расчету дней на раз'езды (по 45,7 коп. в день—всего 3853 руб.) или всего 21.028, что дает лишь 7,8 к. на двор в среднем *).

Для отдельного же уезда подворное обследование требует в среднем при таком расчете лишь 1617 руб. Эта сумма 21.028 руб. составляет уже не 55,31% всего исчисленного выше расхода, а лишь 38,89%.

Расход вышел значительно ниже приведенного перед тем. И это правильно. Там в счет расхода был введен и расход на вознаграждение лиц, которые занимались не только подворной переписью, но и описанием частновладельческих экономий и поселенным описанием и выяснением общего количества земли и ее распределения по угодьям. Все это работы, которые необходимы независимо от подворного обследования, и которые требуют больше опыта, знания, подготовки, нежели собирание лишь подворных сведений, а потому и вознаграждение за эти работы выше нежели за заполнение подворных карточек. Мы же при предыдущем расчете ввели это повышенное вознаграждение и на ту часть труда этих лиц, которая относилась исключительно к подворному описанию. Между тем поименованные роды их труда, который должен быть выполнен и при отсутствии подворной переписи, требовал бы и тогда того же вознаграждения, и присоединение подворной переписи не уменьшает величины его. Поэтому и правильно на счет подворной переписи относить и для этих лиц только такое же вознаграждение, какое получают лица, приглашаемые только для производства подвор-

*) Мы не принимаем во внимание при всех приведенных расчетах сумму в 1135 руб., израсходованную на вознаграждение волостных писарей за перенос сведений о населении. Мы уже указали, что этот расход вызван исключительными условиями и не связан непременно с подворной переписью. В частности же в данном случае трудно сказать, влиял ли труд волостных писарей на сокращение времени по подворной переписи: если, с одной стороны, он избавил статистиков от отметки на подворных карточках названия селений, волости и от писания цифр возраста, места приписки и т. д., то с другой стороны, все же сведения о каждом лице приходилось проверять, иногда изменять, да кроме того при приеме карточек от писаря приходилось затрачивать время на проверку переноса сведений. В результате, вряд ли труд волостных писарей что-либо изменил во времени, потребном на производство подворной переписи, а потому и не приходится принимать в расчет ни его, ни произведенного на него расхода. Кроме того, расход этот не может быть относим на все дворы. Во всяком случае цифра его и основания расчета для него приведены, и он всегда может быть введен как поправка к нашим расчетам, если бы это оказалось почему-либо необходимым или желательным. К этому, добавим еще, что последне исчисленный нами расход—7,8 к. на двор, близко подходит к тому, который вычислен Черниговским совещанием, о котором упомянуто выше (стр. 105, подстрочное примеч.). Там расход этот определен в 6,2 к. на двор (Заключение и т. д., стр. 60).

ного опроса. При этом надо еще иметь в виду, что при отсутствии подворной переписи расход на поселенное описание получится выше того, что нами отнесено теперь на его часть и во всяком случае не уменьшится на всю ту сумму, которая исчислена нами как идущая специально на подворное обследование, т.-е. в данном случае при отсутствии подворной переписи уменьшение общего расхода получилось бы не на 21.028 руб., а на сумму меньшую. Дело в том, что при отсутствии подворного обследования поселенное описание заняло бы гораздо больше времени: выяснение количества скота, распределения культур в яровом поле, выяснение случаев аренды, высоты урожаев, промысловых занятий — все это и многое другое при одном только поселенном обследовании потребовало бы на последнее больше времени, чем теперь, когда оно только дополняет подворное и не касается уже перечисленных вопросов. А в таком случае, если предположить одно лишь поселенное обследование, при котором, однако, все-таки необходимо уяснение перечисленных явлений, то оно потребует относительно больше времени, чем тратится на него при предварительном подворном опросе. Это вызовет больший расход суточных, нежели отнесенная теперь на этот предмет сумма, а также потребует больше времени, в течение которого надо платить повышенное вознаграждение за труд по собиранию сведений поселенно. В таком случае часть расходов, отнесенных теперь на подворное обследование, перейдет тогда на поселенное, так что все расходы по поселенному описанию выразятся в большей сумме, чем отнесенная на их долю теперь, а результат получится менее точный. Если иметь все это в виду, то долю расходов на подворное обследование нужно считать уже не в 38,9%, как она выразилась выше, а менее, процентов в 35, а может быть и 30.

Во всяком случае, однако, приведенные расчеты имеют в виду определить расход на то и другое лишь примерно, приблизительно, и могут значительно измениться в зависимости от разных условий.

Что касается расходов на разработку материалов, то мы их не приводим здесь, так как для них нельзя установить никакого определенного масштаба. Если при расчете стоимости подворного обследования, помимо всего указанного выше, следует иметь в виду еще и обширность программы, в зависимости от которой определяется время, потребное на описание отдельного двора, то при разработке это имеет еще большее значение. Все зависит здесь от пределов ее. Конечно, можно, составив план разработки, последовательно группировать карточки и производить подсчет так, чтобы исчерпать все содержание карточек. Но, во-первых, в таких сложных явлениях, как хозяйственные, невозможно предусмотреть наперед все те комбинации, которые могут оказаться необходимыми, вследствие чего такой план и нельзя никогда считать окончательным и неизменным, а во-вторых, и тут в выработке плана много значит то, насколько далеко предполагается разработать материал: можно разгруппировать дворы по количеству крупного скота, а можно итти и далее и по количеству мелкого, еще далее по комбинации последнего с крупным, еще далее по количеству сена с надельного покоса, с аренды и т. д., и т. д.; в третьих, наконец, такое последовательное выполнение плана, при котором приняты во внимание технические условия разработки материала, т.-е. дана такая организация и последовательность разработке, при которой разгруппированные в определенном порядке карточки не смешивались бы опять, а группировались бы далее в пределах уже установленных групп, возможна в том только случае, если к собранному материалу не предъявляется немедленно практических требований. Если же статисти-

ческие сведения должны тотчас же ответить на запросы жизни, то приходится разрабатывать материал сперва в том отношении, в каком это необходимо, чтобы быстро дать ответ на поставленный вопрос, хотя бы потом и пришлось сызнова группировать карточки по тому же признаку. Планомерность разработки и последовательность группировки при этом нарушается. Все это и не позволяет для расходования по разработке материала установить какую-либо норму, которая давала бы основание для сравнения ее стоимости в различных случаях и при различных условиях *).

Глава XVI. Об особенностях сельскохозяйственной статистики.

Изложенным до сих пор исчерпывается все, что было выяснено мною в том введении, которое почти повторяется в настоящем пособии. Этого было достаточно, чтобы пояснить все то, что требовало об'яснения в таблицах. Там этого было тем более достаточно, что каждая правильно составленная статистическая таблица, снабженная заголовками, точно соответствующими содержанию подлежащих граф таблицы, не требует никакого словесного пояснения и может быть и без него совершенно правильно усвоена каждым лицом сколько-нибудь опытным в чтении статистических таблиц. Но все же по сложности и индивидуализации изображенных явлений могут иногда встретиться и для опытных лиц недоумения и вопросы, для раз'яснения которых и могло послужить то введение подобно тому, как для полного уразумения вопросных бланков необходимо бывает прибегать к инструкции. Это одно основание, по которому я считал необходимым снабдить введением таблицы. Кроме того, имелось в виду, что таблицы, которым дано об'яснение, должны служить—и притом прежде всего—материалом для ответов на запросы лиц, которые не занимаются специально статистикой и, следовательно, не привычны к обращению с таблицами, к быстрому ознакомлению с тем, как пользоваться ими, что можно извлечь из них, и т. д. С этим необходимо считаться в каждом земско-статистическом издании и вообще в такого рода статистических трудах, которые составлены не для специалистов только, а для более широкой публики, а в таком случае такой статистический труд и должен быть снабжен такого рода пояснениями, которые давали бы возможность каждому легко ориентироваться в многочисленных графах, заголовках и цифрах таблиц и позволяли бы таким образом без излишнего труда находить то, что нужно. Наконец, независимо от всего этого, статистическими данными только тогда и можно правильно пользоваться, когда известно, откуда и как они получены и дана полная возможность отнестись к ним критически. Имея это в виду, во введении и было посвящено не мало строк об'яснению, как собирался материал и как он группировался, наряду с этим мы старались осветить и критические приемы, применявшиеся нами, а также применением их в нашем введении старались дать основание для критической оценки материала. Такое основание для критики должно быть дано при каждом статистическом труде. Это необходимо и для тех, кто будет пользоваться статистическим материалом, и для тех кто собирал, группировал, разрабатывал его, так как серьезная беспристрастная критика является лучшей, надежной опорой каждого, кто отдается успехом своего дела.

*) Могу, впрочем, указать здесь, что в Черниговском совещании, основы на которое делались уже выше (стр. 105 и 115, подстрочн. прим.), расход на разработку [illegible] определяется в 5 к. с карточки

Эти-то вот об'яснения и послужили основанием к тому, чтобы из введения образовалось настоящее пособие. Рассматривая все изложенное с этой точки зрения, можно было бы сообщить и еще многое. Но я предпочитаю ограничиться еще очень немногим и вот почему. Собирать надлежащим образом статистический материал, соблюдать все необходимые и предусматриваемые условия для правильной постановки статистических наблюдений, разрабатывать собранные сведения так, чтобы они давали рельефное и достаточно точное представление о действительности, о наличности и характере взаимной связи определенных явлений—всему этому можно научиться, только взявшись за собирание материала, только производя разработку его. Поэтому сколько бы лицо ни изучало описаний того, как собирался и разрабатывался тот или другой материал — оно не научится этому как следует, пока само не примется за это. Но, конечно, прежде чем приниматься за это, необходимо иметь представление об основных условиях производства такого рода работ, о тех трудностях, которые надо преодолеть, вообще о том, что надо иметь в виду, с чем необходимо считаться*).

Все изложенное до сих пор, думается мне, и говорит достаточно полно и наглядно об этих основных условиях и в то же время указывает на особенности и сложность хозяйственной статистики вообще и в частности статистики землевладения и сельскохозяйственной. С этими особенностями необходимо считаться и их надо иметь в виду при статистическом изучении крестьянского хозяйства. Особенности эти сравнительно с статистикой населения, напр., или моральной обусловливаются главным образом тем, что здесь в сельском хозяйстве деятельность людей протекает в теснейшей зависимости от таких условий природы, по отношению ко многим из которых люди, так сказать, не властны. Такова, прежде всего, зависимость от климатических условий и от погоды, от атмосферических условий данного года. И это влияние простирается так далеко, что в зависимости от него находится, напр., и число скота в том или другом месяце года. Выше были отмечены и выяснены те основания, которые были нами приняты для подсчета количества скота, как зимою, так и летом. Но известный немецкий ученый профессор Конрад в своем курсе хозяйственной статистики обращает внимание и на то, что количество скота изменяется по месяцам и притом для разных видов скота различно, в связи со временем отела коров, приплода у лошадей и овец, что у каждого из этих видов животных происходит не в одних и тех же месяцах года и стоит в связи с природными условиями, поскольку это не видоизменяется человеческим вмешательством, что, однако, имеет ограниченное значение в обычной сельскохозяйственной действительности, в особенности в крестьянском хозяйстве.

Свое влияние на особенность сельскохозяйственной статистики налагает и то обстоятельство, что мы имеем здесь дело прежде всего с землей. Влияние же этого на положение хозяйства сказывается не только в том, какое пространство ее отведено под сельскохозяйственную культуру и какую именно (пашня, луг, пастбища и т. д.), но и в том, какого качества земля. И вот по отноше-

*) В приложении 3-м (стр. 129 и 130), изображающем подворную карточку, рамка вокруг нее обозначает края карточки. По этим краям размещены такие вопросы, на которые ответы выражаются цифрами. Такое размещение делается для того, чтобы, подложив для одного селения одну карточку под другой так, чтобы одноименные графы приходились друг над другом, можно было, не перекладывая карточек, а пользуясь ими как списком, подсчитать, напр., число коров по селению или общине или количество высеянных мер или число дворов, обрабатывающих землю, или число сараев, ульев и т. д. Это ускоряет подсчет.

нию к статистике землевладения и земледелия необходимо учитывать не только количественные данные, но и обращать внимание на качество почвы, т. е. отмечать его при сельскохозяйственном обследовании, для чего приходится обращаться и к данным географии и геологии. Это, конечно, имеет очень большое значение, когда такое обследование распространяется на очень большую площадь и охватывает целые губернии, напр. Но даже и при более ограниченном поле исследования нельзя обходиться без отметок об этом. Если я не говорил выше об этом, так потому, что в наши таблицы не были введены записи о качестве почвы. Но в программу вопросов включен был вопрос и о качестве почвы. Различие в последнем по отношению к Московской губернии влияет, напр., в том отношении, что при одном и том же рынке, который представляет собою Москва, в одних подмосковных местностях, как напр. Ногатинская, Царицынская волости, развито огородничество и садоводство, в других как, напр., Выхинская—с более песчаной почвою развита сильно посадка картофеля. Это же различие почвы влияет и на полевую культуру, в особенности по отдельным уездам, как напр., Бронницкий с развитым (по почвенным условиям) разведением картофеля, что вызывает в свою очередь и соответствующие промысловые занятия (картофелетерочные и паточные заведения), так что определяет, можно сказать, и склад жизни населения в довольно существенных отношениях. И иное совсем представляет собою Волоколамский уезд в своих частях с сильно развитым льноводством. Иные опять особенности имеют уезды, или даже, как и выше указанные, отдельные части их с сильно распространенной лесной растительностью, и т. д.

Но, помимо включения в область сельскохозяйственной статистики таких *описательных* данных, как отметки о качестве почвы, земля, как основа сельского хозяйства, требует при обследовании последнего, считаться, как уже отмечено, и с пространством ее. А для этого, как я указал уже выше, приходится при статистическом обследовании иметь дело с измерением ее, с межеванием, с планами. И это не только по отношению к общему пространству ее, но и по отношению к отдельным угодьям, к относительной части их в том или другом хозяйстве, без чего сравнение многих условий и выяснение многих различий в отдельных хозяйствах будет совершенно неправильно. И если в приведенных в приложении таблицах мы обратим внимание на распределение земли по угодьям для различных волостей, то увидим, что оно в каждой из них, и даже в каждом из селений одной и той же волости далеко не одинаково. Если в приведенном выше анализе я не касался этого, то только потому, что, во-первых, для каждого домохозяина данного селения при общинной разверстке земли отношение различных угодий *одинаково*, и потому не может влиять на различие в условиях и результатах хозяйства среди них; во-вторых, мое введение и не имело в виду вообще анализировать те или другие условия крестьянского хозяйства в Московской губ. Оно имело своей задачей, как это уже и отмечено, лишь об'яснить значение той или иной графы таблиц, материал, легший в основу построения таблиц, и показать на отдельных примерах, как пользоваться ими, чтобы составить определенное и отвечающее действительности представление об общих условиях крестьянского хозяйства в Московской губернии. Таблицы же должны были вырисовать собой совокупность этих основных условий, насколько они поддавались цифровому изображению их. В силу такой ограниченной задачи введения я не касался, напр., совсем влияния на положение хозяйства такого условия, как распределение трудовых сил населения, чему я придаю особенно основное значение. Я ограничился и в этом отделе о населении лишь теми указа-

ниями, которые необходимо было сделать, чтобы можно было правильно пользоваться соответствующими графами таблицы для выяснения влияния и значения такого фактора, как состав населения и его распределение по рабочим силам.

Эти немногие указания об особенностях сельскохозяйственной статистики я считал нужным прибавить здесь, чтобы оттенить еще то, что по составу таблиц не могло быть оттенено выше, а именно, то влияние, которое имеют на построение сельскохозяйственной статистики природные условия в силу того, что в теснейшей зависимости от них находится сельскохозяйственная деятельность человека.

По поводу сказанного о значении природных условий добавлю еще, что все вышеизложенное вместе взятое говорит за то, какую разностороннюю широкую образовательную подготовку должен иметь статистик. Это приходится заметить здесь в виду того, что обычно предполагается для статистика необходимым знакомство с общественными науками и в особенности с политической экономией; так, даже и в университетском преподавании устанавливается одна кафедра по политической экономии и статистике и преподавание той и другой обычно совмещается в одном лице. И хотя среди статистиков—земских—были лица и с агрономической подготовкой, т.-е., следовательно, с естественно-научными сведениями, но обычно это не считалось необходимым. А между тем я думаю, что все, что во всем вышеизложенном было сказано о сельскохозяйственных явлениях и их статистическом анализе, достаточно рельефно говорит за необходимость для статистика в этой области иметь естественно-научные сведения. Правда, можно и должно сказать, что без основных сведений по естествознанию нельзя считаться вообще достаточно образованным человеком. Но пока это не вошло еще в сознание строителей и организаторов общего народного образования настолько, чтобы привело к воплощению этого в действительность, до тех пор статистику, работающему в области исследования хозяйственных явлений жизни необходимо позаботиться о пополнении своего образования в этом отношении. Иначе он во многих случаях будет чувствовать себя как в темном лесу и не в состоянии будет даже сознательно и отчетливо усвоивать себе сообщаемые ему при опросе сведения. Какое же это тогда исследование?

Глава XVII. Взаимоотношение местных и общих статистических обследований.

В заключение должен остановиться еще на одном очень существенном обстоятельстве. До сих пор земско-статистические обследования, обращавшие на себя внимание во многих отношениях и давшие очень многое для уяснения нашей хозяйственной действительности и положившие прочный фундамент для многих научных, солидных исследований, отличались, однако, одним существенным недостатком, можно сказать, ограничивавшим в значительной мере правильное использование их в научном отношении, а также и в практическом, поскольку статистика должна быть в основе всех мероприятий по общественному воздействию на хозяйственную жизнь. Недостаток этот заключался в том, что по отношению к задачам и целям статистического обследования в данной местности, в данной губернии, может быть, составляло и достоинство. В каждой губернии обследование велось по программе, вырабатывавшейся совершенно самостоятельно, в связи с задачами и целями исследования и в связи с теми особенностями и характерными чертами, которые имеет данная губерния. Это, конечно, вырабатывало большую углубленность исследования, вело к очень подробному

тщательному выяснению всех доступных исследованию хозяйственных условий данной местности и вело к выяснению того, что при менее внимательном отношении к местным особенностям могло бы оставаться не выясненным.

Но это усиленное внимание к характерным местным чертам вело к тому, что как программы вопросов, так затем в особенности разработка собранного материала отличались по отдельным губерниям настолько друг от друга, что не давали возможности сделать какую-либо общую сводку и сравнить надлежащим образом сельскохозяйственные условия отдельных губерний между собою.

Все это имело свои основания, так как земскостатистические обследования возникали в разных губерниях не одновременно. Кроме того, такая постановка дела давала такую полную картину условий хозяйства в данной местности, что не только служила прочным фундаментом для тех или иных мероприятий, но вызывала и в других земствах желание получить такую же полную картину условий своей местности, а это опять-таки требовало углубления во все местные особенности и детального изображения их. При этом, однако, выяснялось, что во многих губерниях то, что могло бы считаться особенностью именно данной губернии, повторялось. И это имело свою хорошую сторону, получающую особенное значение в настоящее время.

Дело в том, что каждому, конечно, ясно, какие условия сельскохозяйственной деятельности человека являются общими не только для одной страны, но даже и для всех стран мира. Но строить исследование сельскохозяйственной действительности какой либо местности на основании программы, обнимающей только эти общие черты—значило бы дать очень немного, и во-вторых *закрыть* перед собою те общие условия, которые *общи* для всей данной страны, в отличие сложения ее хозяйственных сил от того, что имеется в других странах. То же самое произошло бы и по отношению к каждой губернии, если бы при построении программы ее исследования бралась бы в основание программа исследования соседней губернии. А между тем возможно, что в данной губернии при самостоятельном построении программы ее исследования обращено было внимание на то, исследование чего, хотя и не входило в программу исследования соседней, составляет, однако, явление общее и для той губернии, но замеченное уже, так сказать, попутно по связи его с теми явлениями, изучение которых было намечено программой.

В силу всего этого, мы имеем теперь перед собою опыт проделанный всей земской статистикой на основании такого *углубленного* изучения действительности, какого не было бы, если бы с самого начала задавались целью исследовать отдельные местности по такой общей программе, чтобы можно было сопоставлять и сравнивать между собой условия разных губерний. Но, кроме того, благодаря тому же, мы имеем перед собою намеченным и ряд таких явлений, как *общих* для всей нашей сельскохозяйственной действительности, которые иначе, может быть, и не представлялись бы нам общими. И вот теперь предстоит полная возможность производить местные исследования аналогичные прежним земским по такой, общей для большинства, если не для всех местностей России, программе, которая включает в себя все, что действительно является общим для всех местностей. Такая общая программа, вытекающая из обобщения того, что явилось результатом свободного *внутреннего* развития земскостатистических исследований, может включать в себе все то, что наметилось как общее за ряд лет при помощи опыта, знания, инициативы и творчества, целым рядом земских деятелей, действовавших на протяжении почти сорокапятилетнего периода с любовью к своему делу и с живым интересом к положению трудового населения. Такая программа

должна обнимать то общее, что относится не только к сельскохозяйственной, но и промысловой деятельности населения, поскольку последняя проявляется крестьянством.

В настоящее время создались благоприятные *внешние* условия для об'единения программ местных статистических исследований. Как известно, Центральный Статистический Комитет не только производил свои статистические обследования отдельно от земских, но даже по отношению к последним проявляли такого рода воздействие, которое или ограничивало программу вопросов в них или заставляло искать какого либо искуственного выхода из такого положения (см., напр., приведенное далее подстрочное примечание к п. Б. Инструкции в Приложении I к настоящему пособию). В настоящее же время мы имеем Центральное Статистическое Управление, имеющее своей задачей об'единение статистических исследований, производящихся на пространстве Российской Республики. Управление это сосредоточило в себе целый ряд бывших земских статистиков и, кроме того, находится в постоянном, живом, проявляемом в различной форме, общении со всеми местными статистическими организациями, как непрерывно преемствующими земские статистические бюро или отделения, так и с вновь возникающими. Все это и имеет своей задачей поставить так местные статистические исследования, чтобы они производились и результаты их разрабатывались по такой общей, об'единенной программе чтобы можно было производить правильное сравнение однородных явлений по всей России. Правда при этом может возникать опасение, как бы такое об'единение, принципиально совершенно правильное и необходимое, не затушевало, не затмило, так сказать, местных особенностей и не помешало выяснению того, что в земских статистических исследованиях представляет такую громадную научную и практическую ценность. Но опасаться этого не приходится. Так как по существу дела при каждом таком об'единенном обследовании не исключается возможность присоединить к нему такие дополнительные вопросы, ответы на которые должны вскрыть то, что не может быть выяснено постановкой лишь общих вопросов. Скажу даже, что постановка таких дополнительных, в каждой местности своих вопросов, *непременно* должна производиться, так как статистические исследования должны дать нам точное проявление действительности во всем ее разнообразии и *не закрывать* того, что в той или другой местности является своею, неповторяющеюся в других местах особенностью. А если так, то *принципиально* должны предусматриваться и допускаться такие вопросы при обследовании по одной общей об'единенной программе. А затем за *фактическое* проведение этого в действительность в настоящее время ручается то обстоятельство, что в большинстве местностей остаются там же прежние земские статистики, для которых забыть об этом - значило без всякой нужды и повода отрешиться от самих себя. А затем, раз это войдет в жизнь, укоренится в ней, то и в будущем, с изменением личного состава, нельзя ожидать установления, так сказать, определенного шаблона, который бы свел к механическому опросу то живое и жизненное дело, которое представляют собою местные статистические исследования; в то же время об'единенность таких исследований даст более полное и глубокое выяснение основных явлений нашей хозяйственной жизни и получит более широкое научное и практическое значение.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Инструкция, переписная (подворная) и счетная карточки. Образцы таблиц.

Приложение 1-е.

Для более полного и наглядного представления о том, в чем может состоять инструкция и какой вид она получает по выработке ее способом, указанным в настоящем пособии, здесь помещено несколько параграфов ее, наиболее характерных в том или другом отношении. Для правильного понимания даваемых ею об'яснений необходимо предварительно *ознакомиться с подворной карточкой*, вопросы которой она имеет в виду и которая помещена вслед за сим в *приложении 3-м* (см. стр. 129—130).

ИНСТРУКЦИЯ

при составлении подворной карточки.

А. Общие правила.

1. Подворная карточка составляется на *все* дворы крестьянского населения, как *наличные*, так и *отсутствующие*, как *надельные*, так и на безнадельные, а также—на все дворы других сословий, находящиеся или на крестьянских землях, или на своих, но расположенные поселками.

Для того, чтобы ни один двор, подлежащий занесению на подворную карточку, не ускользнул от регистрации, *вменяется в обязанность*:

а) При получении карточек из волостного правления сверить число полученных и заполненных волостным правлением карточек с числом дворов соответствующего селения и, хотя бы выборочно, сличить некоторые карточки с таковыми, имеющимися в волостном правлении.

б) Не ограничиваться только такой проверкой, а по приезде в подлежащее обследованию селение—проверить со старостой, или несколькими лицами из деревни (или же на сходе, наконец), — на всех ли домохозяев селения имеются карточки. В случае пропуска на недостающие дворы тотчас же составить новые.

в) Подложить затем карточки в каком-либо определенном порядке (напр., в порядке жительства) и перенумеровать их; при опросе рекомендуется придерживаться этого порядка.

2. По всем графам карточки *безусловно* делается опрос. В случаях отрицательного ответа на какой-либо вопрос соответствующая графа *прочеркивается*.

3. Так как поселенный бланк составляется на *общину*, а не на селение, то чтобы не смешивать карточки одной общины с карточками другой, *обязательно* тотчас же, по окончании переписи какой-либо общины, все составленные на нее карточки вкладываются в особый конверт, на котором и делаются надписи с обозначением селения и общины.

4. *Двором* наз. определенная группа лиц, об'единенная общностью бюджета и места жительства, или только бюджета, или только места жительства.

5. Домохозяином считается то лицо, которое называют крестьяне; оно же должно считаться и главою семьи.

6. Если какой-либо член семьи живет на стороне *своим хозяйством* (при этом он может быть фактически и *не отделенным* от двора) и крестьяне считают его отдельным домохозяином, то на него (и его семью, конечно), составляется особая карточка.

7. Нужно строго различать *разделившиеся семьи*; но при этом иметь в виду, что если семья разделилась после осени предшествующего года, т.-е. вела в исследуемом году *одно хозяйство*, то на каждый разделившийся двор составить особую карточку, и все, что разделено (из имущества), должно быть зарегистрировано *отдельно* на соответствующей карточке. все же, что не может быть точно определено по принадлежности,—регистрируется на одной из карточек с соответствующей об этом отметкой в обеих.

8. Если *жилец* (будет ли он посторонний или родственник главе семьи—безразлично) ведет свое хозяйство, не смешивая его с хозяйством данного двора, и *при этом живет в отдельном от хозяина помещении*, то отметив его жильцом, непременно на него и его хозяйство составить *новую карточку*. В первой же карточке против него сделать отметку: „см. карт. №".

9. Сведения о населении, постройках, скоте (летнем, если перепись ведется летом, зимнем—если зимой) относятся к *моменту исследования;* сведения о земледелии—к *году исследования*, считая таковой с момента переписи и 364 дня назад. Сведения о занятиях (промыслах—на вопрос „какие") регистрируются *обычные* для данного лица; а сведения о продолжительности занятий (вопр.: „сколько месяцев в году") нужно обязательно добывать *конкретные*, относя их также к последнему году; в случае невозможности *точного* определения числа месяцев, ставить *знак вопроса* (?), если же в год исследования кто-либо не имел работы (по болезни, напр.), то, заполнив все остальные графы,—графу месяцев *прочеркнуть*.

Б. Личный состав двора.

10. Сведения о личном составе двора, внесенные в карточку в волостном правлении, при опросе должны быть проверены и исправлены (в случае, напр., смерти кого-либо, замены умершего, выхода замуж и т. п.) затем под ними *проводится черта*, и карточка наполняется относительно новых членов двора (родившихся, взятых в приемыши, нанявшихся и т. п.) *уже под чертой*: при этом заполнению подлежат все графы.

13. *Пол*—отмечается буквами м. и ж.

18. В графе *„примеч."* против каждого лица отмечается „грамотный" (такими считать умеющих читать) или „учащийся" *).

В. Занятия, кроме хлебопашества.

19. Под „занятиями" разумеются все таковые, носящие исключительно промысловый характер.

20. Хлебопашество заносится в эту графу лишь в том случае, когда оно носит *промысловый* характер и не направлено на свое земледельческое хозяйство: напр., батрачество, с-хз. рабочий, с-хз. поденщ.

Е. Скот и инвентарь.

42. Если исследование производится зимой, то *летним* скотом считать то *максимальное* число его, которое было у данного двора в период времени с на-

*) Такая отметка в графе примечаний объясняется тем, что быв. Центральный Статистический Комитет, которому, согласно изданному тогда циркуляру, пришлось представить программы на утверждение, выкинул из последних вопрос о грамотности

чала весенней пахоты до постановки скота в стойло. Если же исследование ведется летом, то *зимним* скотом считать *максимальное* число голов, бывших у двора в период с постановки скота в стойло до начала весенней пахоты.

43. *Рабочими* лошадьми считаются 4-х лет и старше.

44. *Молодыми* лошадьми считаются 2-летки (стригуны) и 3-летки.

54. *„Из молока“*, *„из телят“*—в эти графы заносятся цифрами те из зарегистрированных в момент обследования коровы и телята, которые собственно не принадлежат данному двору, а взяты им или за пользование молоком, или из телят.

Последний случай практикуется таким образом: берут корову или теленка и держат их у себя до первого, второго и т. д. теленка от них, а затем возвращают прежнему владельцу.

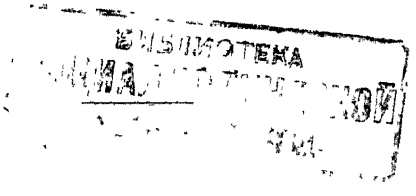
Надельная и купленная земля.

64. *Давно ли имеет надельную землю в этом составе души* *). Спрашивать год, с которого он душами этими владеет, а равно спрашивать и число душ, имевшихся у него до этого года. *Пример*: *с 93 года, раньше 3 души.*

Приусадебная земля.

81. Под *приусадебной землей* разумеется пространство, занятое постройками, огородами, конопл., садом, сенокос. (усад.) и т. п.; вообще—земля, ограниченная, с одной стороны, внешней линией дворов, с другой—рубежом, отделяющим ее от полевой или иной земли.

83. В граф.: *корн. чего*, *куст. чего*, *гряд чего*, отмечается название растения с соответствующей цифрой, напр., ябл.—4, вишн.—3, крыж.—3, смор.—20.



*) Постановка вопроса в этой форме для определения времени передела общинной земли вызвана тем, что администрация вычеркнула из программы вопросы о переделе общинной земли.

У. **Московский.** № дв. ....

Наличн. Отсутств. Посторон. Квартир.

Полож. в хоз.: *хоз., жена, мать, бабка, теща, свекровь, тетка, сестра, дочь, невестка, внуч., сир., опек., кварт., жил., раб.: с. х., пром.* .....

Возр.

Сем. пол. *дев., замуж., вдов., развед.*

Место приписки: .....

Место жительства: .....

Образов. *грам., неграм., учащ., неучащ.*

Физич. недост. *глух., нем., слеп., крив., хром., калека, безрук., безног., слабоум., душ.-больн.*

Занятия: какие?	Где?	Пол. в пром.	Вр. года.	Ск. мес.

Общ. сост. двора: **мужч.** **женщ.** **Итого**

У. **Волоколамский.** № дв.

Наличн. Отсутств. Посторон. Квартир.

Полож. в хоз.: *хоз., отец, дед, тесть, свекор, дядя, брат, сын, зять, внук, сирота, опек., квартир., жилец, работн.: с. х., пром.* .....

Возр.

Сем. пол. *хол., жен., вдов., развед.* .....

Место приписки: .....

Место жительства: .....

Образов. *грам., неграм., учащ., неучащ.* .....

Физич. недост. *глух., нем., слеп., крив., хром., калека, безрук., безног., слабоум., душ.-больн.* .....

Занятия: какие?	Где?	Пол. в пром.	Вр. года.	Ск. мес.

Общ. сост. двора: **мужч.** **женщ.** **Итого**

Приложение 3.

1899 г **МОСКОВСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЗЕМСТВО № дв.** _____ Уезд _____ Волость _____

Селение _____ Домохоз. (имя, отч., фамил.) _____

№ списка … сведения о жителях двора.								Занятия, кроме хлебопашества.				Название торгов. или промышл. завед. … Если в особ. зданиях, то:					
Кто? (хоз., жена, внук, работн., жилец и т.д.). (слеп, глух и т. д.).	Пол. М. Ж.	Ск. лет, или мес. от роду.	Хоз. (грам. и т. д.)	Место приписки.	Обычное место жительст.	Примеч.	Какие.	Где.	Врем., дост., вес.	Сколько месяцев в году.		Дл.	Шир.	Мастер. Ст.	Мастер. Кр.	В нем. Прик.	В нем. Раб.
1																	
2												Сдается в наем. Ср.	Ц.	Др. условия.			На раб. инв. пло тем. хоз.
3																	
4												Чем заняты избы?	Изб.				
5													Дл.				
6												Другие условие сдачи избы в наем?	Шир.				
7													Мат. ст.				
8													Кр.				
9													Тепл. хол. кур.				
10												Застраховано ли добровольно.	Сд. в наем. ср.				
11													Ц.				
12													Двор				
													Анб.				
												Если покуп. отопл., то на какую сумму в год?	Мш.				
													Сар.				
													Ов. рига				
												Сколько летних рабочих?	Баня.				
													Ульев.				
													Какие ульи.				

Лошадей. Рабоч. з.	Рабоч. л.	Молод. з.	Молод. л.	Коров. з.	Коров. л.	Быков. з.	Быков. л.	Нетел. и бык. з.	Нетел. и бык. л.	Жереб. (сосун.) з.	Жереб. (сосун.) л.	Телят. з.	Телят. л.	Овец. з.	Овец. л.	Свиней (порос.) з.	Свиней (порос.) л.	Из лошадей. Доморощ.	Куплен. м.	Куплен. прив.	ц.	Из коров. Доморощ.	Куплен. м.	Куплен. др. г.	ц.	Из молока.	Из тел.		Плугов.		Купл. удобр. Все. (вес.).	Ц.

Дш.	Дш.	Дс.	Дс.	Дл.	№	Дл.	Ус.д.	Их.д.	Ск.д.	Лс.д.	Неуд. дс.		Их. дш. дс.	Ц.	Оз. дш. дс.	Ц.	Яр. дш. дс.	Ц.	Ск. дш. дс.	Ц.				Дл.	№	Дл.
Надел.	Выкупл.		Куп.	Тип купл.		Общ. куп.	В купл. в личн. собствен.						А р е н д у е т н а г о д.											Пов. зу		Общ. зр.

Обработка надела. Сдача в ар. дш. дс. вложен.

1. У кого арендуется земля и где?
2. Кому сдается земля в аренду (св., посторон.).
3. При долгосрочн. ар. число дес., угодья, ср., ц. и подробн. услов.?
4. Давно ли им. надельн. землю в этом составе душ?
5. Куплена земля у кого, когда, условия (цена, при посредстве банка, единовремен. упл. и т. д.).
6. Выкуплен. над. им. черезполосно или вымеж., почему и как им польз.?
7. Если им. посев травы отдельно от общ., то давно ли где, при каких условиях завел?
8. Как пользуется посевной травой при посеве отд. или в общ.?
9. При обраб. надела наймом какие именно работы и за сколько исполняются?
10. Если не имеет: а) надела, б) хозяйства, в) лошади, г) коровы, д) лош. и кор., е) избы, то давно ли, почему, при каких обст. лишился?
11. Думает ли заводить хозяйство и при каких условиях?
12. Если обрабатыв. землю, жил раньше на стороне, то в каком занятии, сколько лет и давно ли зав. хоз.?

Ц. | Ц. | сам.всю | Часть. | Найм. всю. | Часть. | Ц. | Необр. дш. | Хл.зер. по. | Прод. с/х ск. | За сумму. | Куп. чего св. | За сумму.

Прирус. земля размер. | Под.ск. | Сад. | Корн. чего. | Кустов. чего. | Огор | Чего | Прод. б.чего. | За сумму. | В ар. об.чего. | За сумму. | Св.хл. дс. | Купл. чего св. | За сумму. | Прод. чего св. | За сумму.

Лен.						Греча.						Горох.												Травы (какие).					
Сбор сем.			Сбор рог. п.			Высев м.			Сбор м.			Высев м.			Сбор м.			Высев м.			Сбор м.			Высев ф.			Сбор п.		
н.	ар.	к.	н.	ар.	к.	н.	ар.	к.	н.	ар.	к.	н.	ар.	к.	н.	ар.	к.	н.	ар.	к.	н.	ар.	к.	н.	ар.	к.	к.	ар.	к.

Рожь.						Овес.						Ячмень.						Картофель.						Сено.			Лен.		
Высев м.			Сбор м.			Высев м.			Сбор м.			Высев м.			Сбор м.			Высев к.			Сбор м.			Сбор с.			Высев.		
к.	ар.	к.	н.	ар.	к.	к.	ар.	к.	н.	ар.	к.	н.	ар.	к.	н.	ар.	к.	н	ар.	к.	н.	ар.	к.	н.	ар.	к.	н.	ар.	к.

Приложение 4-е.

ТАБЛИЦЫ

основных статистических сведений об экономическом положении селений Московской губернии в 1898—1900 г.г.

№№ селений.	I. Названия волостей, селений и общин.	II. Разряды крестьян или род поселков.	III. Расстояние (верст). От ближайшей станции жел. дор.	От ближайшего посада.	IV. Население по сведениям 1889 года. Обычное. ВСЕГО.	С обозначением пола. Мужского.	Женского.	Приписное. Семей наличных.	В них наличных и отсутств. Мужского пола.	Женского пола.	С них отсутствующих.	В них лиц. Мужского пола.	Женского пола.	Постороннее. Мужского пола.	Женского пола.	К принесным наличным семьям принадлежит: В рабочем возрасте. Мужчин от 18 до 60 лет.	Женщин от 16 до 55 лет.	Грамотных и учащихся. Мужского пола.	Женского пола.
2		3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
	Богородский у.																		
	I. Аксеновская волость.																		
1	Аксеново	им.	27	24	*269*	120	149	49	162	174	10	19	21	4	1	75	92	68	17
2	Беседы	»	25	25	*203*	94	109	40	105	110	21	33	32	12	12	45	55	38	10
8	Головино	»	25	25	*207*	102	105	32	112	115	19	31	30	—	—	49	65	42	16
9	Горбуны ч. 1-я	»	25	25	*81*	36	45	12	36	41	—	—	—	1	6	19	29	16	3
	» ч. 2-я	»	25	25	*58*	22	36	12	23	35	4	8	13	3	6	12	6	19	1
10	Гридьково	»	23	23	*39*	20	19	9	20	19	8	8	14	1	—	9	11	3	—
11	Дуброва ч. 1-я	»	28	28	*138*	64	74	26	68	78	6	14	12	—	—	33	36	15	3
	» ч. 2-я	»	28	28	*70*	28	42	13	28	43	8	14	11	—	—	13	15	5	—
12	Еремино	гс.	30	30	*445*	197	246	71	215	251	23	32	32	2	1	103	122	108	37
13	Еккино	им.	30	30	*105*	50	55	20	52	51	7	13	12	4	5	23	24	10	1
21	С. Троицкое-Рязанцы	»	25	25	*253*	103	150	43	126	155	18	28	34	5	7	68	84	62	17
22	Старки	»	25	20	*74*	34	40	17	31	38	5	6	9	3	3	16	19	13	—
23	Степаньково (Никольск.)	»	20	10	*115*	56	59	19	60	63	7	14	11	—	—	30	34	16	2
24	Стояново	им.	25	25	*201*	94	107	32	94	104	11	20	19	6	9	43	47	36	11
25	С. Стромынь	гс.	25	25	*996*	444	552	175	453	556	17	21	27	4	3	220	320	223	77
*)	Сурмино	гс.	—	—	—	—	—	—	—	—	4	10	11	—	—	—	—	—	—
26	Шастово	им.	25	25	*37*	18	19	7	19	19	—	—	—	—	1	7	9	5	—
	По волости **).	—	20—30	10—30	*4892*	2201	2691	859	2398	2786	257	395	405	72 (62)	81 (66)	1150 [1]	1439	894	297
	XV. Теренинская вол.																		
1	Бывальня	гс.	8	13	*260*	128	132	49	148	134	13	29	30	—	—	69	64	57	14
2	Вяльково	»	2	10	*147*	71	76	22	78	76	5	5	7	—	—	37	39	41	10
3	Горбачево	гс.	1	11	*255*	133	117	27	121	107	1	3	1	20	10	58	61	74	27
4	Гридино	гс.	2	10	*310*	161	149	48	171	154	10	24	24	—	—	81	74	65	19
11	Логиново	»	9	16	*664*	328	336	104	345	340	3	10	8	7	3	158	172	121	21
20	*Дрезна, поселок*	ждр.	0	16	*122*	*66*	*56*	—	—	—	—	—	—	*68*	*57*	—	—	—	—
	По волости ***).	—	0—10	9—20	*7476*	3563	3741	1174	3773	3743	175	379	401	199 (55) [2]	111 (44)	1707 [3]	1874	1751	443

*) По книгам волостного правления числится, а в действительности не существует.

**) Здесь помещен итог по всем селениям волости; в таблице же не включены данные по селениям под №№ 3—7 и 14—20 включительно.

***) Здесь помещен итог по всем селениям волости; в таблице же не включены данные по селениям под №№ 5—10 и 12—19 включительно.

Примечание. Курсивом в гр. 3-й напечатаны те разряды крестьян *бывших* государственных имущественных, которые теперь состоят „полными собственниками".

[1]) Кроме того, по волости, в рабочем возрасте малоспособных к труду муж. 12, жен. 5 и солдат на службе 41.

[2]) Кроме того, по волости, в рабочем возрасте малоспособных к труду муж. 17, жен. 10 и солдат на службе 77.

[3]) Кроме того, 18 лет [illegible]

V. Постройки.						VI. Отопление.		VII. Землепользование.													VIII. Аренда внадельн. земли.			
	Число семей, имеющ. избы			У принятых наличных семей.				Наделъная земля.										Купчая земли.			Обществом.			
Число всех изб в селении.	Из приписных. Наличных.	Из приписных. Отсутствующих.	Из приписных. Из непоселян.	Средн. разм. кол. зимн. избы (лв. арш.).	Число всех холостых построек.	% дворов, покупающих топливо.	Средний годовой расход на двор в рублях.	Во скольких участках.	Всего десятин.	Распределение по угодьям (в десятинах). Усадьбы.	Пашня.	Покосов.	Лесных угодий.	Выгона и пастбищ.	Особых угодий.	Неудобной.	На сколько полей (душ) разделена земля.	Число надельных семей.	Число безнадельных.	Общество. (число десят.).	Отдел. домох. (число хоз.).	Кавенные угодья.	На какую сумму.	Отдельн. домохозяев. (число хоз.).	№№ селений.
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	
68	49	9	1	52,1	130	94	15,7	1	*238,3*	21,2	166,2	7,5	31,5	7,6	—	4,5	85	50	9	84	—	—	—	37	1
48	38	3	2	48,8	66	66	7,7	1	*357,1*	14,2	153,6	68,3	51,0	63,9	—	6,3	*61,5*	47	14	—	—	сн.	70	17	2
40	31	5	—	55,5	60	87	6,2	1	*293,5*	8,9	184,2	23,4	74,3	0,3	—	2,4	58	45	6	—	—	сн.	исп.	15	8
14	13	—	—	69,7	35	все	8,9	1	*81,0*	4,8	55,0	6,2	15,0	—	—	} 2,0	22	12	—	—	—	—	—	11	9
15	12	1	2	53,7	13	75	8,2	1	*102,1*	5,5	43,0	10,2	29,3	6,1	—		11	9	7	—	—	—	—	2	
12	9	1	—	47,7	14	11	8,0	1	*70,0*	1,7	25,6	3,5	38,7	—	—	0,5	20	13	4	—	—	—	—	—	10
29	25	—	—	49,1	34	83	14,4	1	*130,2*	7,1	75,7	5,8	36,7	1,6	—	3,2	*38*	30	2	—	—	вг.	20	18	11
14	12	1	—	48,1	16	все	14,8	1	*81,0*	5,9	60,3	5,4	5,3	3,5	—	0,7	23	19	2	—	—	—	—	12	
105	71	6	1	63,6	152	84	9,6	3	*708,3*	24,5	260,0	95,5	309,8	—	—	18,8	208	69	25	—	—	—	—	39	12
22	17	2	1	58,5	34	91	6,9	1	*388,5*	28,2	192,7	66,6	79,3	10,6	—	10,0	68 [2]	16	1	—	—	сн.	220	11	13
52	41	5	3	60,9	88	73	8,9	—	в ч	е	с	т	е	с	№	13.	140 [3]	37	24	—	—	вг.	?	33	21
22	17	3	1	52,6	23	6	10,0	1	*152,9*	6,0	40,0	—	136,0	—	—	0,9	22	16	6	—	—	—	—	2	22
20	17	—	—	49,2	24	12	4,0	1	*149,5*	18,5	70,6	27,1	28,8	—	—	4,4	40	26	—	—	—	—	—	5	23
37	31	2	1	53,5	48	19	9,0	1	*284,2*	12,0	100,5	24,1	110,9	31,5	—	4,3	*45*	30	13	—	1	—	—	6	24
153	144	2	1	61,2	201	90	14,3	2	*1465,8*	56,6	354,6	250,2	767,0	—	—	39,3	303	149	43	—	—	—	—	105	25
—	—	—	—	—	—	—	—	2	*69,2*	0,5	14,6	14,6	38,8	—	—	0,8	10	4	—	—	—	—	—	—	*)
8	7	—	1	50,8	7	все	8,7	1	*42,3*	1,8	21,5	10,4	7,8	0,1	—	0,8	7	7	—	—	—	—	—	6	26
998	**809**	**53**	**24**	**57,2**	**1518**	**73**	**10,9**	**1—6**	***7451,5***	**316**	**2321,1**	**1056,2**	**2933,1**	**158,2**	—	**166**	**1752,5** [4]	**874**		**84**	**3**	—	**310**	**441**	
67	49	1	—	65,9	84	*)	—	пск.	*379,9*	14,1	58,2	81,8	215,5	—	—	10,3	98	51	11	—	—	—	11	—	1
36	21	—	1	65,3	59	—	—	6	*161,7*	6,8	28,8	25,6	93,0			7,3	55½	22	5	—	—	—	5	—	2
52	27	—	4	71,4	81	29	28,9	7	*242,6*	11,7	28,9	5,8	193,9			2,8	54	26	2	—	—	—	2	11	3
63	48	2	—	50,6	101	—	—	6	*424,5*	11,8	74,0	70,0	248,0			20,7	105	46	12	—	—	—	12	1	4
131	102	1	1	57,5	193	—	—	3	*951,4*	27,0	160,0	60,0	—	698,4	—	6,0	180	103	4	—	—	—	4	3	11
21	—	—	15	—	—	—	—	—	Зо	мл	н а	рен	д. у	пр.	д.	Рудно		й.	—	—	—	—	—	—	20
1629	**1157**	**42**	**32**	**59,0**	**2216**	**2**	**24,4**	—	***10989,6***	**409,6**	**1358,7**	**1291,8**	**6609,5**			**191,2**	**2322**	**1191**	**158**	—	—	—	**173**	**139**	

*) Цифры, напечатанные курсивом, в графе 27 указывают на селения, где существует отопление торфом, как с наделъной земли, так и покупным.

Примечание к отд. VII. В общем количестве наделъной земли значится дарственной по селениям Горбуны ч. 2-я—7 дес., Дуброва ч. 1-я—1 дес., Починок—12½ дес., Остальное—15 дес.

[2]) Пашня только на 45 душ.

[3]) Пашня только на 114 душ.

[4]) Цифры в гр. 37, напечатанные курсивом, относятся к душ, а прочие

№ селений.	Названия волостей, селений и общин.	IX. Обработка надельной земли. Семей обрабатывающ.: Лично (своим инвентар.).	Наймом (чужим инвентар.).	Семей не обрабатыв.: Наличных.	Отсутствующих.	Число семей: С наемными работниками.	С наемн.	X. Посев на надельной земле ржи — в 1897 г., яров.—1898 г. Сколько всего высеяно или посажено четв.: Ржи.	Овса.	Картофеля.	Гречи, гороху.	Второстепенного хлеба в ярких полях.	Особых культуры.	Средний урожайный посев ржи в мерах.	XI. Урожай на надельн. земле в 1898 г. Рожь. Сам сколько.	Каким считается урожай.	Овса. Сам сколько.	Каким считается урожай.	Картофеля. Сам сколько.	Каким считался урожай.	Среднее количество сена с луговой десятины в пудах.
		46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65
	Богородский у.																				
	I. Аксеновская волость.																				
1	Аксеново	32	7	3	8	1	17	83	49	69	41	гк.	—	8,5	3	ср.	3,3	хр	4,5	пл.	5
2	Веседы	23	7	6	11	1	11	44	24	42	23	»	пл.	7,8	2,3	н.с.	3,2	в.с.	6,2	в.с.	70
8	Головино	17	3	11	14	—	13	43	21	41	26	»	»	9,1	3,3	вз.	2,9	н.с.	5,3	ср.	60
9	Горбуны ч. 1-я	10	2	—	—	1	5	19	25	21	4	—	—	6,9	3	ср.	2,6	»	4	?	25
—	» ч. 2-я	4	—	2	3	—	1	7	6	6	3	—	—	9,1	3,5	н.с.	3,1	на	6,9	н.с.	120
10	Гридьково	5	2	1	4	—	5	12	10	9	4	гр.	—	10,2	3,0	пл.	2,5	в.с.	4,3	ср.	90
11	Дуброва ч. 1-я	7	11	6	6	—	4	18	2	28	12	гк.	—	6,2	2,0	н.с	3	?	4,8	?	10
—	» ч. 2-я	7	4	1	7	—	8	11	3	16	9	»	—	6,8	3	»	3,3	н.с.	3,7	пл	25
12	Еремино	54	11	4	—	—	46	134	20	118	127	пр.	—	5,2	3,1	?	3	?	4	?	60
13	Екимно	11	1	3	1	—	10	29	14	27	23	—	—	6	3,0	?	2,4	н.с.	5	хр	50
21	С. Троицкое-Рязанцы	32	4	1	—	—	29	76	56	60	43	гк.	—	5,8	4	хр.	2,7	»	8	в.с.	15
22	Старки	7	4	2	3	—	3	15	5	13	4	»	—	7,3	2,5	?	3,4	в.с.	6,5	н.с	110
23	Степаньково (Никольск.)	14	1	4	7	—	5	31	28	25	5	»	—	9,2	3,1	н.с.	3,5	н.с	4,2	пл.	90
24	Стояново	24	4	1	1	—	20	17	28	44	15	»	—	10,2	3,5	ср.	3,4	с.с	6	ср.	150
25	С. Стромынь	110	28	8	3	—	103	206	52	160	164	»	—	6	2,7	н с.	3,2	»	5,2	н.с.	45
—	Сурмино	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
26	Шастово	6	1	—	—	—	1	4	2	8	5	гк.	—	6	5,7	о.х.	4,2	хр.	4,2	в.с.	30
	По волости	550 + 10	123	82	103	6	399	1172	889	1057	гр. 651,3 гк. 27,6	яр.	ри.	8,9	3,2	—	3,0	—	5,0	—	57,5
	XV. Теренинская вол.																				
1	Бывальня	34	9	6	2	—	—	18	15	71	—	яр.	ри.	1,6	4,9	н.с.	1,7	н.с.	6,6	н с.	70
2	Бяльково	18	1	2	1	6	—	14	—	24	—	—	—	2,1	5,5	?	—	—	4,6	?	90
3	Горбачево	23	—	3	—	5	—	4	—	37	—	—	—	0,9	5,3	?	—	—	5,7	?	75
4	Гридино	33	5	6	2	2	—	29	—	38	—	—	—	2,5	4,3	н.с.	—	—	4,2	н.с.	50
11	Логиново	80	16	6	1	3	—	65	67	147	—	—	—	3,1	5,3	»	2,3	н.с	6,2	»	80
20	*Древна, поселок*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	По волости	809	202	121	59	34	1	514	254	1811	84	яр. яр.	ри. сд.	3,0	5,2	—	2,4	—	5,6	—	69,2

Примечание к X отд. В общем посеве по Аксеновской волости значится посев у 5 дворов посторонних: ржи 1 четв., карт. 2 четв.—У приписного населения было еще посеяно на земле, арендованной вне своей общины: ржи 1 четв., гречи 2 четв.

В общем посеве по Теренинской волости значится посев у 1 двора посторонн.: ржи $0_{,4}$ четвер., картофеля 1 четвер.—У приписного населения было еще посеяно на земле арендованной вне своей общины: ржи 11 четв., картоф. $0_{,4}$ четв.

Примеч. в гр. 56 и 57: гк.—горох; гр.—гречь; пр.—просо; пл.—чумиза; ри.—рожь; яр.—яровая; сд.—овсы.

XII. Скотоводство.											XIII. Промысловые занятия (заводско-фабричные, кустарные и другие) приписных наличных семей.										XIV. Суммы годовых мирских (в руб.).		XV.	
У приписных наличных семей. Количество скота:						Наличных семей без:			У посторонних.		Всего семей с промысловыми занятиями	В них лиц, занимающихся промыслом		Из них работающих,				Семей раб. в своем сел. с наем. раб.	У них наемных раб. сверх пол.	Главные виды промыслов местных и отхожих.	Число заведен.		Число пчеловодов.			
														В своем селении.		На стороне.									
Рабочих лошадей.	Мазовых лошадей.	Крупного рогатого.	Мелкого рогатого.	Свиней.	Ульев.	Рабочих лошадей.	Крупного рогатого.	Лошадей и коров.	Рабочих лошадей.	Крупного рогатого.	Размер сбережен. на пособие (руб.).	Мужского пола.	Женского пола.	Мужского пола.	Женского пола.	Мужского пола.	Женского пола.				Торговых.	Промышленных.		Доходов.	Расходов.	Всех недоим. сборов в среднем (руб.) на 1 дес. надельной удобной земли.	№ № селений.
66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	
33	2	50	10	17	1	13	4	8	—	—	175	49	88	90	44	71	44	19	—	—	*1 а, г, в, 2*	—	5	2	—	163	2,9	1
24	6	35	13	9	—	8	1	9	—	3	155	39	48	47	29	34	19	13	1	8	*1 а, в, 2.*	—	4	2	31	213	2,7	2
18	2	28	8	22	5	6	1	9	—	—	?	32	62	49	37	32	25	17	—	—	*1 а, г, 3.*	—	—	—	—	175	2,1	8
12	1	14	8	12	1	2	1	—	—	—	5	12	19	21	17	20	2	1	2	6	*1 б, а.*	—	3	2	—	45	2,6	9
4	—	7	3	5	—	1	—	6	—	2		11	16	17	11	11	5	6	—	—	*1 а, б, г, 3.*	—	—	—	—	43	1,9	—
5	—	7	—	—	4	2	—	3	—	—	53	8	9	9	7	8	2	1	—	—	*2, 1 г.*	—	1	—	—	31	2,2	10
7	3	20	9	—	—	11	—	8	—	—	05	26	44	36	38	35	6	1	—	—	*1 а, г.*	—	7	1	12	69	2,9	11
8	2	11	6	2	2	4	1	2	—	—		13	14	18	14	17	—	1	1	8	*1 а.*	—	2	—	—	33	1,9	—
61	3	84	15	27	21	10	6	8	—	—	?	71	119	115	79	104	40	11	7	20	*1 а, г 2.*	—	12	4	170	259	2,3	12
12	1	15	6	10	2	1	1	8	—	—	?	18	30	17	29	16	1	1	2	19	*1 а.*	—	2	—	—	46	2,5	13
30	4	40	11	10	3	9	2	6	—	2	145	43	82	82	36	70	46	12	1	7	*1 а, г 2.*	—	4	2	18	218	с №13	21
8	—	13	8	10	—	5	—	6	1	—	90	14	21	10	16	7	5	3	—	—	*1 а.*	—	—	1	—	56	1,4	22
14	2	19	6	14	—	4	2	2	—	—	?	18	33	25	15	15	18	10	—	—	*1 а, б.*	—	—	—	—	64	2,5	23
25	3	36	15	16	9	5	3	3	2	3	150	31	54	43	40	37	15	6	3	39	*1 а, г.*	—	5	3	—	118	2,3	24
115	5	156	23	27	25	23	17	43	—	—	?	183	247	275	231	270	16	5	11	98	*1 а, 2.*	2	7	2	145	314	1,7	25
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,4	—
6	—	7	4	—	—	—	1	1	—	—	—	7	8	8	7	7	1	1	—	—	*1 а.*	—	—	2	—	16	2,0	6
500	58	833	243	345	150	151	54	162	6	14	2065,5	827	1327	1287	930	1107	403	180	42	277	*см. прим.: Промыслы.*	6	69	37	778 *)	2946	2,1	
35	2	43	6	—	—	8	—	6	—	—	150	49	85	51	53	21	34	30	—	—	*1 г, 3.*	—	—	—	—	49	1,4	1
21	1	25	3	—	2	1	—	2	—	—	120	22	45	32	25	18	20	14	6	53	*1 б, 2.*	—	7	—	—	85	2,4	2
33	1	42	7	—	2	—	—	1	—	2	120	27	65	25	47	10	25	15	2	10	*1 б, 3.*	6	—	—	227	25	0,3	3
38	1	57	8	—	3	11	—	6	—	—	140	47	95	70	10	5	85	65	4	11	*1 а, б, г.*	—	10	—	—	131	1,9	4
94	3	118	32	7	30	16	6	9	—	1	250	103	197	150	83	72	114	78	11	39	*1 б, в, г.*	2	13	—	55	202	1,4	11
—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	9	—	17	28	4	21	2	7	2	5	23	*4.*	11	4	—	—	—	—	20
966	25	1256	242	83	286	238	23	138	10	13	3333	1178	2175	1569	1257	1095	942	476	153 [1]	636	*см. прим.: Промыслы.*	33	213	3	3379 *)	1981	1,6	

ПРОМЫСЛЫ по Аксеновской волости (гр. 87): 1. *Ткацкий*: а) шелк.—27 общин, 894 м., 909 ж.; б) шерст.—10 общин 32 м. 23 ж.; в) бумаж.—10 общин, 29 м., 41 ж.; г) без обозначения материала—18 общин, 108 м. и 93 ж. 2. *Размотка нитей.*—18 общин,—31 муж и 146 жен. 3. *Прядильщики фабр.*—14 общин, 43 муж., 25 ж. *Прочие* (мелк. пром.)—38 названий, 196 м. и 50 ж. Повторных 6 м.

ПРОМЫСЛЫ по Терешинской волости (гр. 87—я): 1. *Ткацкий*: а) бумажн.—16 общ., 608 м., 623 ж.; б) шелк.—16 общ., 338 м., 279 ж.; в) шерст.—7 общ., 209 м., 188 ж.; г) без обозначения матер.—18 общ., 317 м., 223 ж. 2. *Размотки нитей*—17 общ., 21 м., 162 ж. 3. *Кирпичники*—9 общ., 146 м., 4 ж. 4. *Торговцы* (разн.)—20 общ., 105 м., 8 ж. 5. *Ломовой извоз*—14 общ., 75 м. *Прочие* (мелк. пром.)—65 назв. 398 муж., 88 жен. Повторных—24 м., 3 ж.

*) Кроме того по всей Аксеновской волости мирских доходов с питейных заведений было около 500 р. № 19—140 р. и № 25—360 р.) и случайных мирских (единовременных) расходов 259 руб.

Кроме того по Терешинской волости мирских доходов с питейных заведений было—1760 р.
№ 2—840 руб. № 10—480 р. № 11—260 р. №14—170 р. № 17—900 р.)

№ селений.	I. Названия волостей, селений и общин.	II. Разряды крестьян или род поселка.	III. Расстояние (верст). От ближайшей станции жел. дор.	От ближайшего поссо.	IV. Население по сводными 1899 года. Обычное. Всего.	Обычное. С обозначением пола. Мужского.	Женского.	Приписное. Семей налично.	В них наличных и отсутств. Мужского пола.	Женского пола.	Семей отсутствующих.	В них лиц. Мужского пола.	Женского пола.	Посторонних. Мужского пола.	Женского пола.	К приписным сельским семьям принадлежит: В рабочем возрасте. Мужчин от 18 до 60 лет.	Женщин от 16 до 55 лет.	Грамотных и учащихся. Мужского пола.	Женского пола.
2		3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
	Богородский у.																		
	VII. Запонорская в.																		
1	Анцыферово	пм.	5	—	1147	429	718	224	619	740	47	97	84	8	9	286	368	254	27
2	Барская	гс.	2	30	257	102	155	54	140	154	4	9	11	1	5	60	78	47	6
3	Велива	пм.	8	25	694	307	387	183	399	415	31	61	44	5	—	181	196	177	51
8	Елизарово	уд.	3	20	385	149	236	84	199	242	13	16	16	3	2	100	116	65	2
9	Завалинье	пм.	2	25	1238	514	724	233	705	772	68	119	119	12	20	320	399	255	76
10	Запруденье	гс.	6	30	321	138	183	59	178	185	2	2	2	3	3	90	98	56	2
11	Загряжское	„	10	—	402	195	207	72	232	213	12	15	11	—	—	106	109	67	3
18	Новая	„	15	30	362	155	207	71	193	221	18	26	24	—	—	91	109	60	7
	По волости *).	—	1/2—10	20—30	11894	5035	6858	2320	6494	7036	459	820	716	144 (52)	161 (61)	2986 1)	3589	2457	449
	VIII. Зуевская в.																		
1	Алексупино	пм.	4	8	236	113	123	42	125	132	1	1	1	1	—	59	65	55	21
2	Федорово	гс.	10	5	774	410	364	120	414	361	8	15	13	3	1	190	192	190	40
	По волости *).	—	1—10	0—10	9111	4287	4392	1214	3765	3862	125	234	237	(627) 706 2)	(631) 661	1784 1)	1964	1766	655

*) Итого по всем селениям волости; в таблицу же не включены данные по селениям под №№ 4—7, 12—17 и 19—23 Запонорской волости.

*) В таблицу не включены сведения по селениям под №№ 2—15 сел. Зуевской волости.

1) Кроме того, **по Запонорской волости**, в рабочем возрасте калек неспособных к труду муж. 30, женщ. 18 и солдат на службе 100.

1) Кроме того, **по Зуевской волости**, в рабочем возрасте калек неспособных к труду муж. 15, жен 10 и солдат на службе 66.

2) Кроме того 309 человек посторонних без определения пола

V. Постройки.						VI. Отопление.		VII. Землевладение.													VIII. Аренда внеподельн. земли.			
	Число семей, имеющ. избы		У приписн. наличных семей					Надельная земля.											Купчая земля.		Общество.			
Число всех изб в селении.	Из приписных. Наличных.	Отсутствующих.	Из посторонних.	Средн. разм. жил. зимн. избы (кв. арш.).	Число всех холодных построек.	% дворов, покупающих топливо.	Средний годовой расход на двор в рублях.	Во сколько участках.	Всего десятин.	Распределение по угодьям (в десятинах). Усадьбы.	Пашня.	Покосы.	Лесных угодий.	Выпоек и пастбищ.	Особых угодий	Неудобной.	На сколько долей (душ) разделена земля.	Число надельных семей.	Число безнадельных.	Обществом (число десят.).	Отдел домох. (число хоз.).	Какие угодья.	На какую сумму.	Отдалён. довольств. (число хоз.).	№ селений.
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	№
250	209	10	4	49,6	412	5	15,7	1	*1168,5*	63,7	415,0	60,8	532,9			96,9	466	254	17	—	—	—	—	48	1
60	52	1	2	47,1	78	83	11,7	15	*401,3*	20,0	70,0	107,2	198,3	—	—	5,8	104	58	—	—	—	—	—	1	2
139	121	5	—	59,1	213	12	11,1	3	*890,5*	50,0	113,7	651,3		24,5	—	51,0	249	139	25	—	—	—	—	3	3
79	73	1	1	46,4	62	все	13,3	14	*289,4*	42,1	96,9	129,0	18,2	—	—	3,2	181	93	4	—	—	см. пс.	156	1	8
240	216	11	8	63,7	197	15	16,2	11	*1401,5*	79,0	322,0	954,4		—	—	46,1	490	270	31	484,1	—	—	—	4	9
68	58	1	—	54,6	45	34	17,1	9	*494,7*	13,0	100,0	25,0	349,0	—	—	6,8	101	61	—	—	—	вг.	22	—	10
81	71	3	—	53,3	86	10	3,5	нек.	*427,8*	15,9	61,8	340,8			—	9,3	118	78	6	см. №	4-й	—	—	14	11
85	69	6	—	50,4	77	91	13,4	11	*452,0*	20,3	63,3	188,4	173,9		—	6,1	125	86	6	—	1	—	—	—	18
2694	2183	97	45	52,7	2881	46	18,1	—	*13156,7*	802,2 *)	2602,9	9298,7				452,9	4972,8	2548	237	789,3	4	—	469,9	164	
45	42	—	—	58,3	62	93	9,4	2	*220,7*	8,3	45,9	12,0	110,7	40,5	—	3,3	67	39	4	—	—	сн.	107	8	1
153	118	1	1	58,5	241	34	11,3	10	*693,1*	24	104,5	104,0	418,8	25,0	—	16,8	222,5	118	10	—	—	пш.	56	69	16
1721	1167	20	210	68,9	2126	26	11,7	2—10	*7712,0*	405,1	1369,3	1607,6	3696,8	279,3	56,2	297,2	2309,3	1212	127	2100,8	70	—	890	272	

*) В том числе под хмельниками 10 десятин (см. селение № 3, гр. 31-я).

№ селения.	Названия волостей, селений и общин.	IX. Обработка надельной земли: Семей обрабатывающ. Лично (своим инвентар.).	Наймом (чужим инвентар.).	Семей не обрабатыв. Наличных.	Отсутствующих.	Число семей. С наемными работниками.	С пахтарн.	X. Посев на надельной земле ржи—в 1897 г., яров.—1898 г. Сколько всего высечено или посажено четв. Рж и.	Овса.	Картофеля.	Гречи.	Второстепенные хлеба в яровых полях.	Особая культуры.	Средний душевой посев ржи в мерах.	XI. Урожай на надельн. земле в 1898 г. Ржи. Сам сколько.	Каким считается урожай.	Овса. Сам сколько.	Каким считается урожай.	Картофеля. Сам сколько.	Каким считается урожай.	Среднее количество сена с душевого надела в пудах.
		46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65
	VII. Запонорская в.																				
1	Анцыферово	83	36	89	46	2	—	55	2	337	1	яр.	хм.	1,8	4,4	хр.	3,5	?	7,3	хр.	35
2	Барская	14	35	5	4	—	—	31	18	117	2	—	—	2,5	3,5	в.с	3,3	ср.	3,3	н.с.	45
3	Белива	68	21	31	19	2	—	44	2	270	3	пр.	хм.	1,6	5,4	„	2,6	?	4,9	ср.	90
8	Елизарово	41	21	21	10	1	—	42	8	94	8	—	—	2,1	3,9	„	3,2	нс.	3,9	н.о.	20
9	Завалинье	95	41	74	60	4	—	77	1	412	25	—	кн. рп.	1,5	4,3	„	4,6	?	4,3	ср.	60
10	Запруденье	30	23	6	2	1	—	47	—	136	11	—	рп.	4	3,5	хр.	—	—	4,7	хр.	100
11	Загряжское	53	14	3	8	—	—	30	—	199	—	—	—	2,2	5,2	ср.	—	—	4,4	ср.	100
18	Новая	23	34	16	13	2	—	21	4	123	0,5	—	—	1,7	3,2	н.с.	4,2	?	4,9	ср.	70
	По волости...	951 + 2	625	607	363	32	14	916	171	4356	129,6	гх. пр. яр.	рп. кн. хм. кп.	1,9	4,2	—	2,3	—	5	—	68
	VIII. Зуевская в.																				
1	Алексунино	21	2	16	—	—	11	13	2	29	13	—	—	2,2	6,1	ср.	2	н.с.	7,8	?	90
16	Федорово	60	29	26	3	—	3	23	0,1	138	9	—	—	0,9	5,5	в.с.	?	?	7	в.с.	75
	По волости...	711	143	283	75	8	133	358	82	1234	гр.138,5; пр.3.	гр. пр. гх.	—	1,7	5,5	—	2,2	—	6,7	—	89,6

Примеч. к X отделу. В общем посеве значится по Запонорской волости посев у 15 дворов посторонних: ржи 3 четв., овса с клевером 1 четв., карт. 24 четв., клевера 30 фун. У приписного населения было еще посеяно на земле, арендованной вне своей общины и на купленной: ржи 43 четв., овса 10 четв., картофеля 80 четв., гречи 3 четв. У приписного населения Зуевской волости было еще посеяно на земле арендованной вне своей общины—ржи 28 четв. и картоф. 11 четв.

Примеч. к гр. 56 и 57: гх.—горох, гр.—греча, пр.—просо, яр.—ярица, рп.—репа, кн.—конопля, хм.—хмель, кп.—капуста.

Примечания к стр. 139-й.

1) Сдают торфяное болото по 1 руб. 50 коп. с куба.

2) Кроме того по волости мирских случайных доходов было 332 р. и доходов с питейных заведений—4988 руб. и мирских случайных (единовременных) расходов—455 р.

3) Кроме того в 1 дворе (сел. № 9) число наемных рабочих неизвестно.

4) Кроме того, в 29 семьях число наемн. раб. неизвестно.

5) Кроме того по волости мирских доходов с питейных заведений было 11000 руб. и мирских случайных (единовременных) расходов—29 руб.

XII. Скотоводство.												XIII. Промысловые занятия (заводско-фабричныя, кустарныя и другие) приписных наличных семей.											XIV. Суммы годовых мирских (в руб.).			
У приписных наличных семей. Количество скота летом.						Наличных семей без:			У посторонних.			Всего семей с промысловыми занятиями.	В них лиц, занимающихся промысл.		В них работающих.				Семей раб. в своем сел. с наем. раб.	У них наемных раб. обоего пола.	Главные виды промысла местных и отхожих.	Число заведен.			Доходов.	Расходов.	Всех податн. сборов в среднем (руб.) на 1 дес. надельной удобной земли.	№№ селений.
															В своем селении.		На стороне.										
Рабочих лошадей.	Молодых лошадей.	Крупного рогатого.	Мелкого рогатого.	Овец.	Свиней.	Рабочих лошадей.	Крупного рогатого.	Лошадей и коров.	Рабочих лошадей.	Рогатого скота.	Расход семенн на наступ (руб.).		Мужского пола.	Женского пола.	Мужского пола.	Женского пола.	Мужского пола.	Женского пола.				Торговых.	Промышленных.	Число пчеловодов.				
66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	
78	—	164	63	18	81	34	6	68	1	—	390	217	336	374	120	349	216	25	4	7	*1 а, 4, 8.*	6	11	3	90	426	2,3	1
15	—	43	24	—	11	22	—	19	—	1	170	54	69	81	13	79	59	2	—	—	*3, 6, 4.*	2	—	—	—	89	1,4	2
67	—	121	44	69	60	34	3	38	—	—	275	132	201	120	100	115	102	5	6	17	*1а,в, 7,9.*	4	13	3	—	243	2,1	3
39	2	66	17	—	37	27	2	22	—	—	235	84	128	152	7	91	122	61	—	—	*5, 3, 4.*	2	—	—	29	159	2,5	8
102	3	188	35	102	70	73	6	63	2	5	285	232	360	259	80	199	280	60	1	1	*1 а.*	3	7	1	133	459	2,3	9
28	—	63	16	28	21	26	1	7	—	1	200	59	101	111	29	110	72	1	—	—	*3, 1 а, 6.*	2	1	1	1)	100	1,3	10
56	1	88	23	97	52	16	1	5	—	—	190	62	120	106	50	101	72	5	—	—	*1 а, 6, 7.*	—	—	—	—	85	1,4	11
30	3	64	27	59	41	31	1	19	—	—	190	73	98	117	56	110	42	9	—	—	*3,1а, 2,6.*	1	—	—	22	80	0,8	18
986	22	1958	574	822	948	778	42	604	13	23	5568	2271	3524	3370	1244	3006	2304	386	21 3)	198	*см. примеч. Промыслы.*	58	52	18	485	3932	2,0	
																									2)			
23	3	40	7	—	7	10	1	9	—	—	125	42	74	59	38	45	38	14	6	24	*1 г.*	2	5	2	85	62	2,2	1
71	2	114	15	—	4	30	3	24	—	—	370	120	255	182	251	182	4	—	31	187	*1 г, а, 3.*	2	41	2	26	212	2,0	16
770	43	1231	251	45	230	280	28	218	13	—	2265	1179	2218	1695	1945	1631	282	64	4) 228	1259	*См. примеч. Промыслы.*	37	306	16	2752	3344	1,9	
																									5)			

ПРОМЫСЛЫ по Запонорской волости (гр. 87-я); *1. Ткацкий*: а) бумажн. мастер,—21 общ., муж. 820, жен. 1229; б) шерст. мат.—1 общ., муж. 8, жен. 23; в) шелк. мат.—5 общ., 21 муж.; г) без обозн. мат.—10 общ., 194 муж., 231 жен. *2. Красильщики фабр.*—19 общ., 178 муж., 8 женщ.; *3. Размотка нитей*—23 общ., 156 муж., 1537 женщ.; *4. Раб. на фарфор. фабр.*—19 общ., 141 муж., 68 женщ.; *5. Нищенство*—21 общ., 234 муж., 160 женщ.; *6. Легковой изз.*—16 общ., 266 муж., *7. Ломовой изз.*—19 общ., 156 муж., 1 жен., *8. Иконописцы*—9 общ., 136 муж., 1 жен.; *9. Чернорабочие*—20 общ., 130 муж., 9 жен. *Прочие* (мелкие пром.)—97 назв. 849 муж., 135 жен. Повторных—24 муж., 21 жен.

ПРОМЫСЛЫ по Зуевской волости (гр. 87-я): *1. Ткацкий* а) шелк. 12—общ., 771 муж., 673 жен.; б) бумажн.—3 общ., 42 муж., 18 жен.; в) шерст.—1 общ., 2 муж., 6 жен.; г) без обозн. матер.—15 общ., 982 муж., 721 жен.; д) обшивка платков—2 общ., 3 муж., 30 жен. *2. Красильщики фабр.*—6 общ., 86 муж., 8 жен., *3. Размотка нитей*—12 общ., 6 муж., 178 жен.; *4. Конторские служащие*—11 общ., 93 муж. *Прочие* (мелк. пром.)—55 назв., 247 муж., 68 жен. Повторных—8 муж.

См. примечания 1, 2, 3, 4 и 5-е на стр. 138-й.

№ селения.	I. Названия волостей, селений и общин.	II. Разряды крестьян или род поселков.	III. Расстояния (верст). От ближайшей станции жел. дор.	От ближайшего шоссе.	IV. Население по сведениям 1899 года. Обычное. ВСЕГО.	Обычное. С обозначением пола. Мужского.	Женского.	Приписное. Семей наличных.	В них наличных и отсутств. Мужского пола.	Женского пола.	Семей отсутствующих.	В них лиц. Мужского пола.	Женского пола.	Постороннее. Мужского пола.	Женского пола.	К приписным наличным семьям принадлежит: В рабочем возрасте. Мужчин от 18 до 60 лет.	Женщин от 16 до 55 лет.	Грамотных учащихся. Мужского пола.	Женского пола.
2		3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
	Бронницкий уезд.																		
	XX. Чулковская вол.																		
1	Вертячево	ул.	6	3	*264*	107	157	48	157	166	28	53	43	—	—	72	79	110	32
2	Дурниха	гс.	7	1½	*405*	177	228	77	229	237	31	48	39	3	2	101	119	138	59
3	С. Еганово	„	12	2½	*399*	148	251	82	223	256	29	47	40	1	3	104	132	146	56
4	Жукова	„	15	6	*115*	42	73	17	66	73	2	3	2	—	—	32	39	45	20
5	Какузево	„	13	4	*115*	35	80	26	50	79	15	28	25	2	2	20	36	34	18
6	Кулаково	ул.	6	½	*629*	258	371	130	361	388	44	67	46	6	6	188	216	200	54
7	С. Михайловская слобода	гс.	8	½	*923*	373	550	186	544	577	80	117	113	7	7	256	338	350	158
8	Чулкова	„	8	0	*407*	151	256	89	238	284	17	39	24	4	—	122	151	158	70
—	Приписанные к волости	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—
	По волости	—	6—15	0—6	*3257*	1291	1966	655	1868	2060	248	404	332	23 (*22*)	20 (*19*)	895 [1]	1110 [1]	1181	467

[1]) Кроме того, по волости, в рабочем возрасте калек неспособных к труду муж. 5, женщ. 1 и солдат на службе 34.

V. Постройки.						VI. Отопление.		VII. Землевладение.													VIII. Аренда внеподельн. земли.			
	Число семей, имеющ. избы.			У приписных наличных семей				Надельная земля.										Купчая земля.			Общ.			
Число всех изб в селении.	Из приписных. Наличных.	Отсутствующих.	Из посторонних.	Средн. разм. жил. зимн. избы (кв. арш.).	Число всех холостых построек.	% дворов, покупающих топливо.	Средний годовой расход на двор в рублях.	Во скольких участках.	Всего десятин.	Распределение по угодьям (в десятинах). Усадьбы.	Пашня.	Покоса.	Лесных угодий.	Выгон и пастбища	Особых угодий.	Неудобной.	На сколько душ (душ) разделена земля.	Число надельных семей.	Число безнадельных.	Общ. (число десят.).	Отдел. домох. (число хоз.).	Какие угодья.	На какую сумму.	Отдельн. домохозяев. (число хоз.).	№ селения.
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	
54	44	7	—	49	87	95	29,0	3	*128,1*	18,2	34,3	50,6	—	—	—	24,1	173	73	3	—	—	сн. вг.	150 25	1	1
90	74	8	—	52,7	131	97	27,3	1	*304,0*	27,1	233,1	21,0	2,3	—	—	20,5	210	74	34	—	—	—	—	9	2
95	79	15	—	48,6	165	94	14,7	1	*656,5*	24,5	475,8	51,1	78,6	13,2	—	13,3	247	99	12	—	—	—	—	1	3
20	17	1	—	52	46	88	12,7	1	*183,0*	8,8	123,5	30,6	17,1	—	—	3,0	55	18	1	—	1	сн.	27	—	4
27	26	3	—	50	58	все	8,1	1	*281,5*	13,5	200,0	24,3	30,6	7,5	—	5,8	100	38	3	—	—	—	—	1	5
138	124	6	3	49,7	187	94	23,2	7	*496,9*	20,7	105,7	250,9	27,2	64,5	—	27,9	451	138	36	41,0	—	—	—	2	6
195	175	23	1	49	361	89	24,6	1	*732,0*	61,6	556,8	58,7	11,8	—	—	43,1	420	207	59	—	—	вг.	126	—	7
94	89	5	1	58,8	167	89	16,8	1	*305,4*	34,8	221,5	11,4	25,8	—	—	12,4	216	92	14	—	—	—	—	1	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
713	628	67	5	51,0	1202	93	21,3	1—7	3387,4 [1]	209,0	1951,8	493,6	192,9	85,2	—	150,4	1872	739	164	41,0	1	—	328	15	

[1] Кроме показанного количества земли имеется еще в общем владении селений: Дурнихи Михайловской Слободы и Чулкова, в 10-ти уч., всего 754,8 дес.; из них: пах. 13 дес., покоса 524,5 дес., леса 143,7 дес. и неуд. 73,6 дес., и в общем влад. с. Еганова и д. Какузевой, в 6-ти уч., всего 95,0 дес., из коих покоса 72,6 и неуд. 22,8 дес.

№№ селений.	Названия волостей, селений и общин.	IX. Обработка надельной земли. Семей обрабатывающ. Личн. (своим инвентар.). 46	Семей обрабатывающ. Наемн. (нужим инвентар.). 47	Семей необрабатыв. Наличных. 48	Семей необрабатыв. Отсутствующих. 49	Число семей. С неимущими работниками. 50	Число семей. С плугами. 51	X. Посев на надельной земле ржи—в 1897 г., яровых—1898 г. Сколько всего высеяно или посажено чего. Рожь. 52	Овса. 53	Картофеля. 54	Гречи, гороха. 55	Второстепенные хлеба в яровых полях. 56	Особые культуры. 57	Средний душевой посев ржи в мерах. 58	XI. Урожай на надельн. земле в 1898 г. Рожь. Сам сколько. 59	Какими считается урожай. 60	Овса. Сам сколько. 61	Какими считается урожай. 62	Картофеля. Сам сколько. 63	Какими считается урожай. 64	Среднее количество сена с душевого надела в пудах. 65
	XX. Чулковская вол.																				
1	Вертячево	46		2	25	—	—	3	3	14	—	—	—	—	?	?	5,7	?	9,2	?	40
2	Дурниха	41	31	—	2	4	1	120	111	120	19	пр. гх.	сд.	4,6	4,4	хр.	3	ср.	9,8	о.х.	50
3	С. Еганово	32	44	1	22	3	—	54	56	50	5	гх.	„	8,2	4,5	ср.	4	„	8,4	ср.	35
4	Жукова	15	2	—	1	6	—	205	152	128	29	чв. гх. пр.	вк.	7,7	3,8	в.с.	2,4	н.с.	7,3	в.с.	25
5	Какузево	13	11	1	13	2	—	101	74	180	7	пр.	сд.	2,5	4,2	ср.	3,4	?	10,6	о.х.	50
6	Кулаково	65	50	7	16	2	—	66	47	50	5	пр. гх. чв.	„	8,3	4	хр.	2,8	н.с.	4,2	н.с.	50
7	С. Михайловская слобода	82	107	—	18	15	—	303	147	301	89	пр.	„	6,2	4,7	в.с.	2,3	„	8,6	ср.	70
8	Чулкова	47	41	—	4	3	1	140	72	133	48	пр. гх.	„	5,7	5,5	„	2,4	?	7,5	хр.	60
	По волости	295 + 46	286	11	101	35	2	992	662	976	202	пр. гх. чв.	сд. вк.	6,1	4,5	—	2,7	—	8,7	—	59

Примечание к X Отд. В общем посеве значится посев у 1 двора постороннего—ржи 1 четв.—У приписного населения было еще посеяно на земле, арендованной вне своей общины,—ржи 24 четв., овса 40 четв.

Примечание к граф. 56 и 57: пр.—просо, гх.—горох, чв.—чечевица, сд.—сады, вк.

XII. Скотоводство.											XIII. Промысловые занятия (заводско-фабричные, кустарные и другие) приписных наличных семей.										XIV. Суммы годовых мирских (в руб.).		XV.	
У приписных наличных семей. Количество скота летом.						Наличных семей без:			У посторонних.			В них лиц, занимающихся промысл.		В них работающих.						Число заведен.					
														В своем селении.		На стороне.								
Рабочих лошадей.	Молодых лошадей.	Крупного рогатого.	Мелкого рогатого.	Овец.	Свиней.	Рабочих лошадей.	Крупного рогатого.	Лошадей и коров.	Рабочих лошадей.	Крупного рогатого.	Расход селения на пастуха (руб.).	Всего семей с промысловыми занятиями.	Мужского пола.	Женского пола.	Мужского пола.	Женского пола.	Мужского пола.	Женского пола.	Семей раб. в своем сел. с наем. раб.	У них наемных раб. обоего пола.	Главные виды промыслов местных и отходных.	Торговых.	Промышленных.	Число питейных.	Доходов.	Расходов.	Всех подати. сборов в среднем (руб.) на 1 дес. надельной удобной земли.	№ селения.
66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	
10	2	26	6	8	3	22	2	21	—	—	100	47	82	57	10	46	72	11	—	—	*1, 3а, 2а, 4.*	2	—	—	557	306	10,4	1
62	7	68	26	115	11	20	6	17	—	—	225	74	127	74	34	65	94	9	—	—	*1, 5, 2а, 3а.*	1	5	2	535	349	5,5	2
45	35	54	21	86	28	25	3	27	—	—	250	80	114	95	11	90	103	5	—	—	*1, 2а, 4.*	3	4	2	51	297	2,9	3
16	1	23	4	10	21	1	1	—	—	—	140	17	35	24	1	23	34	1	—	—	*1, 2а, 4.*	—	—	1	—	99	2,8	4
17	1	24	17	16	18	7	2	6	—	—	128	26	39	32	6	28	34	4	—	—	*1, 2а, 3б.*	2	—	1	23	167	3,0	5
98	8	59	21	40	42	27	6	39	—	—	260	127	210	160	12	148	199	13	—	—	*1, 2а, 2б, 3б, 7.*	1	1	1	1400	576	6,2	6
88	16	129	54	257	97	60	9	51	—	—	400	185	298	185	29	154	270	31	2	5	*1, 2а, в, 6, 4, 7, 3а.*	6	2	4	1231	894	5,5	7
59	4	68	20	112	14	22	5	19	—	—	215	82	115	80	10	78	106	2	—	—	*1, 4, 2а, 7.*	1	1	—	475	262	5,4	8
395	**74**	**487**	**169**	**644**	**234**	**184**	**34**	**180**	—	—	**1718**	**638**	**1020**	**707**	**113**	**632**	**912**	**76**	**2**	**5**	*См. примеч. Промыслы.*	**16**	**13**	**11**	**4272** [1])	**2950**	**4,9**	

[1]) Кроме того по волости мирских доходов с питейных заведений было—1455 руб. (№ 1—100 р., № 2—275 р., № 3—80 р., № 6—400 р., № 7—300 р., № 8—300 р.) и мирских случайных (единовременных) расходов—139.

ПРОМЫСЛЫ по Чулковской волости (гр. 87-я) **1.** *Гильзовщики*—8 общ., 19 муж., 595 жен.: **2** *Извоз*: а) ломовой—8 общ., 141 муж., б) сена—1 общ., 53 муж., в) легковой—6 общ., 28 муж.: **3.** *Ткацкие*: а) бумаж. мат.—4 общ., 50 муж., 10 жен., б) без обозн. мат.—6 общ., 33 муж., 7 жен., в) шерст. мат., 1 общ., 5 муж., 1 жен.; **4.** *Артельщики*—8 общ., 62 муж.: **5.** *Точил. брусков*—2 общ., 18 муж., 16 жен.; **6** *Кимгнотзы*—1 общ., 18 муж.; **7.** *Картузники*—5 общ., 33 муж. *Прочие* (мелк. пром.)—123 назв. 581 муж., 85 жен. Повторных—5 муж., 1 жен.

№ селений.	I. Названия волостей, селений и общин.	II. Разряды крестьян или род поселков.	III. Расстояния (верст.): От ближайшей станции жел. дор.	От ближайшего шоссе.	IV. Население по сведениям 1899 года.															
					Обычное.			Приписное.						Посторонн.		К приписным наличным семьям принадлежит:					
																		В рабочем возрасте.		Грамотных и учащихся	
						С обозначением пола.			В них наличных и отсутств.		Семей отсутствующих.	В них лиц.				Мужчин от 18 до 60 лет.	Женщин от 16 до 55 лет.		
					ВСЕГО.	Мужского.	Женского.	Семей наличных.	Мужского пола.	Женского пола.		Мужского пола.	Женского пола.	Мужского пола.	Женского пола.			Мужского пола.	Женского пола.
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
	Итог по Синьковск. вол. Дмитровск. у....	—	6—20	3—12	7957	3450	4507	1341	4296	4814	337	437	356	(15) 62	(8) 56	2105	2646	2167	565
	Итог по Тимашевск. вол. Волоколамск. у..	—	2—14	0—12	7137	3093	4044	1331	3884	4398	325	494	502	(9) 22	(12) 22	1955	2316 [1]	1937	452
	Итог по Короваевск. вол. Дмитровск. у....	—	7—26	3—25	8746	4002	4744	1480	4453	4885	256	364	332	(24) 30	(22) 35	2209	2438 [2]	2077	588
	Итог по Ягунинск. вол. Звенигородск. у.	—	12—20	2—18	6858	304	3810	1214	3743	4237	214	291	271	(86) 127	(37) 54	1903	2204 [3]	1651	378
	Итог по Гарской вол Дмитровск. у.	—	3—13	7—18	3880	1887	2073	653	2036	2191	164	254	269	(59) 43	(32) 36	910	1065 [4]	973	225

[1]) Кроме того по **Тимашевской волости**, в рабочем возрасте калек, неспособных к труду муж. 7, жен. 11 и солдат на службе 82.

[2]) Кроме того, по **Короваевской волости**, в рабочем возрасте калек, неспособных к труду муж. 11, женщ. 17 и солдат на службе 60.

[3]) Кроме того, по **Ягунинской волости**, в рабочем возрасте калек, неспособных к труду муж. 11, женщ. 11 и солдат на службе 67.

[4]) Кроме того, по **Гарской волости**, в рабочем возрасте калек, неспособных к труду муж. 5, женщ. 5 и солдат на службе 40.

V. Постройки.						VI. Отопление.		VII. Землевладение.														VIII. Аренда надельн. земли.			
	Число семей, имеющ. избы.			У приписных наличных семей.				Надельная земля.												Купчая земля.		Общество м.			№ селения.
Число всех изб в селении.	Из приписных.		Из посторонних.	Средн. разм. зим. избы (в арш.).	Число всех холостых построек	% дворов, имеющих топливо.	Средний годовой расход на двор в рублях.	Во скольких участках.	Всего десятин.	Распределение по угодьям (в десятинах).							На сколько долей (душ) разделена земля	Число надельных семей.	Число безнадельных.	Общественных (число десят.).	Отдел домох. (число хоз.).	Какие угодья.	На какую сумму.	Отдельн. домохозяев. (число хоз.).	
	Наличных.	Отсутствующих.								Усадьбы	Пашни.	Покосов.	Лесных угодий.	Выгон и пастбища	Особых угодий	Неудобной.									
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	
1969	1327	87	23	47,2	4235	47	5,3	—	13872,9	506,3	4862,2	3093,3	3498,8	332,7	—	1547,16	3134,5	1177	501	—	11	—	43	527	
1538	1309	72	5	51,3	5146	50	9,2	1—5	13610,1	465,0	7919,8	3040	1775,2	92,0	5,5	313,6	3150	1287	369	196,91	20	—	7451	424	
1996	1464	71	8	55,6	3986	45	6,9	—	17027,1	318,0	3029,5	4815,7	8460,3	40	—	363,6	2736,5	1227	509	113,1	52	—	507	597	
1358	1187	64	11	54,1	2669	15,6	4,2	1—5	5) 14263,0	423,2	4389	2342,6	6410,9	147,11	—	549,9	3431	1234	160	21,1	16	—	1332,5	362	
848	645	48	8	53,1	1887	73	5,6	1—5	(5139,8 7)	185,5	2015,8	1148,2	1420,7	119,2	—	250,3	1378,5	558	259	274,3	39	—	1072	344	

6) В общем количестве надельной земли по **Ягунинской волости** значатся земли, находящиеся в других уездах, по селениям: Каринское—149,7 дес., Сергиево—140,7 дес., Спасская слобода—423,8, Малое Хаустово ч. 2-я 17 дес., Большое Хаустово ч. 1-я 26 дес., Ягунино—116 дес. в Рузском уезде; Луцыно 39 дес. в Верейском уезде; и дарственной по сел. Дютьково—1,8 дес. и по сел. В. Хаустово ч. 1-я 9,4 десятин.

6) Сюда не вошло с. Дютьково с 34 двор., так как земля здесь только усадебная.

7) В общем количестве надельной земли по **Гарской вол.** показано дарственной по селениям: Афонасово—120,5 дес., Глинки 33 дес., Гусенки—30 дес., Ново-Николаевское—43,8 дес., Пушиха—10 дес., Хохлово—39,0 дес.

№ селений.	Названия волостей, селений и общин.	IX. Обработка надельной земли.						X. Посев на надельной земле ржи—в 1897 г., яровых—1898 г.						XI. Урожай на надельн. земле в 1898 г.						Среднее количество сена с душевого надела в пудах.
		Семей обрабатывающ.		Семей не обрабатыв.		Число семей.		Сколько всего высеяно или посажено четв.						Рожь.		Овса.		Картофеля.		
		Лично (своим инвентар.).	Наймом (нужим инвентар.)	Наличных.	Отсутствующих.	С наемными работниками.	С плугами.	Рожь.	Овса.	Картофель.	Гречи, горохa	Второстепенные хлеба в яровых полях.	Особые культуры.	Средний душевой посев ржи в мерах.	Сам сколько.	Каким считается урожай.	Сам сколько.	Каким считается урожай.	Сам сколько.	Каким считается урожай.	
		46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65
	Итог по Синьковской вол.	1117	44	5	11	33	1005	2485	2092,6	1714	ячм. 958 лен 96 горох 62		кн. сд. хм. кл. [1]	6,8	4,2	—	4,1	—	7	—	72
	Итог по Тимашевской вол.	1156	63	22	46	38	1160	3310	4163	2251	266,4	гх. яч.	кн. кл. [1] вн. сд.	9,1	3,3	—	2,2	—	5,9	—	61
	Итог по Короваевской вол.	1160	37	14	16	24	332	1343	2799	2031	лен 122 ячм. 130 ядрица 12 горох, пшеница, просо.		кн.	4	6,3	—	2,8	—	4,9	—	98
	Итог по Ягунинской вол.	896	136	64	138	39	70	1994	1438	1468	ячм. 317 лен 67 горох, пшеница.		кн.	5,8	4,4	—	4	—	11,1	—	58,2
	Итог по Гарской вол. *)	510	28	6	14	18	353	723	1269	1181	лен 71 ячм. 43 горох, ядрица.		—	4,2	6	—	3	—	4,8	—	48,6

*) См. примечания на стр. 148.

XII. Скотоводство.											XIII. Промысловые занятия (заводско-фабричные, кустарные и другие) приписных наличных семей.										XIV. Суммы годовых мирских (в руб.).		XV.
У приписных наличных семей. Количество скота летом.							Наличных семей без:			У посторонних.			Всего семей с промысловыми занятиями.	В них лиц, занимающихся промысл.		В них работающих.				Семей раб. в своем сел. с наем. раб.	У них наемных раб. обоего пола.	Главные виды промыслов местных и отхожих.	Число заведен.			Доходов.	Расходов.	Всех подати. сборов в среднем (руб.) на 1 дес. надельной удобной земли.
																В своем селении.		На стороне.									
Рабочих лошадей.	Молодых лошадей.	Крупного рогатого.	Мелкого рогатого.	Овец	Свиней.		Рабочих лошадей	Крупного рогатого.	Лошадей и коров.	Рабочих лошадей.	Крупного рогатого.	Расход семенн на наступ (руб.).		Мужского пола.	Женского пола.	Мужского пола.	Женского пола.	Мужского пола.	Женского пола.				Торговых.	Промышленных.	Число пивоводов.			№ № селений.
66	67	68	69	70	71		72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93
1467	215	1940	1861	1610	645		93	49	152	5	6	3653	1305	2498	1000	305	572	2213	430	16	53	См. примеч.: „Промыслы“.	19	35	41	842	2927	2,1
																										1)		
1584	165	1799	999	1734	750		64	45	134	2	5	4230	1259	2065	695	418	262	1696	446	6	27	См. примеч.: „Промыслы“.	18	10	23	2473	3565	1,9
																										1)		
1466	162	2187	648	1836	358		146	52	181	4	6	5259	1428	2707	866	820	346	1981	527	56	256	См. примеч.: „Промыслы“.	26	84	26	279	3741	1,6
																										1)		
1041	91	1334	231	2120	477		162	59	165	—	5	4172	1166	2147	597	719	233	1430	364	43	95	См. примеч.: „Промыслы“.	34	39	6	532	5312	1,8
																										1)		
711	88	940	305	923	337		59	4	84	6	7	2295	638	1205	378	317	128	914	252	9	10	См. примеч.: „Промыслы“, на стр. 148.	14	16	10	95	1863	2,6
																										1)		

Примеч. к гр. 56 и 57: гх.—горох, яч.—ячмень, кн.—конопля, лн.—лен, яр.—ярица, пр.—просо, пш.—пшеница, хм.—хмельники, кл.—клевер, вк.—вика, сд.—сады.

В Синьковской вол. было мирских доходов с питейных заведений у 25 селений—1055 р. Всего по волости занято 176 видами промыслов 2538 мужч. и 1010 женщ. Повторн. 20 м. 2 ж.

Примечание к Тимашевской волости к X отд.— В общем посеве значится высев у 2-х дворов посторонних—картофеля 2 четв. У приписного населения было еще посеяно на земле, арендованной вне своей общины и на купленной: ржи—317 четв., овса—864 четв., картофеля—12 четв., льна—11 четв., конопли—$0_{,5}$ четв. и кроме того сеяли клевер и вику.

ПРОМЫСЛЫ по Тимашевской волости (гр. 87-я): **1.** *Ткацкие.* а) 24 общ., 117 м., 182 ж.; б) шелк. мат.—20 общ., 52 м. 40 ж.; в) шерст. мат.—14 общ., 56 м., 16 ж.; г) без обозн. мат.—19 общ., 114 м., 62 ж.; **2.** *Размотка нитей*—11 общ., 6 м., 41 ж.; **3.** *Прислуга*—38 общ., 32 м., 146 ж.; **4.** *Торговцы разн.*—37 общ., 156 м., 16 ж.; **5.** *Чернорабочие*—34 общ., 140 м., 23 ж.; **6.** *Портные, портнихи*—34 общ., 125 м., 28 ж.; **7.** *Сусальщики*—7 общ., 125 м., 1 ж.; **8.** *Извоз лом.*—28 общ., 130 м. 2 ж.; **9.** *Сапожники*—25 общ., 101 м., 2 ж.; **10.** *Фабр рабоч.*—13 общ., 75 м., 21 ж.; **11.** *Мелк. служ.*—27 общ., 76 м., 2 ж. **12.** *Сельск.-хоз. раб.*—23 общ., 28 м., 46 ж.; **13** *Полотеры*—17 общ., 56 м.; **14.** *Пекари*—15 общ., 49 м.; **15.** *Плотники*—14 общ., 42 м.; **16.** *Ломка камня*—5 общ., 35 м.; **17.** *Пильщики*—7 общ., 23 м.; **18.** *Канительщики*—2 общ., 9 м.; *Прочие* (мелк. пром.) 160 назв., 534 м., 85 ж. Повторных 49 м. 3 ж.

[1]) Кроме того по **Тимашевской волости** было мирских случайных (единовременных) доходов 165 р., доходов с питейных заведений 100 руб. (№ 1) и мирских случайных (единовременных) расходов 304 руб.

Примечания к Караваевской волости, к X отд.—У приписного населения было еще посеяно на земле, арендованной вне своей общины и на купленной: ржи—38 четв, овса—52 четв. картофеля—5 четв., ячменя—1 четв. и льна—$0_{,5}$ четв.

ПРОМЫСЛЫ по Караваевской волости (гр. 87-я): **1.** *Сапожн., башмач.*—49 общ. 1394 м., 476 ж.; **2.** *Калашники*—8 общ., 22 м., 6 ж.; **3.** *Колодочники*—6 общ., 15 м.; **4.** *Клейка стелек и каблук.*—9 общ., 28 м., 9 ж.; **5.** *Плетеные крестов*—8 общ., 1 м., 173 ж.; **6.** *Торговцы разн.*—37 общ., 154 м., 4 ж.; **7.** *Горшечники*—7 общ., 120 м., 15 ж.; **8.** *Извоз*: а) дров, леса и пр.—21 общ., 122 м., 1 ж.; б) разн. ломов.—13 общ., 39 м.; **9.** *Лесн. раб.*—29 общ., 212 м., 1 ж.; **10.** *Бондарн. и столярн. изд.*—13 общ., 120 м.; **11.** *Продольн. пильщики*—10 общ., 74 м.; **12.** *Плотники*—15 общ., 66 м.; **13.** *Выделка дранки*—12 общ., 51 м.; **14.** *Ткацк. пром.*—4 общ., 44 м., 8 ж.; **15.** *Угольщики*—4 общ., 21 м.; **16.** *Пекарн.-бараноч.*—7 общ., 18 м.; **17.** *Судовщики*—4 общ., 12 м.; *Прочие* (мелк. пром.) 136 назв.—364 м., 180 ж. Повторных—94 м. 7 ж.

[1]) Кроме того, по **Караваевской волости** было мирских случайных (единовременных) доходов 45 р. доходов с питейных заведений около 1820 р., получившихся 26-ю селениями, и мирских случайных (единовременных) расходов—465 руб.

Примечания к Ягунинской волости, к X отд.—У приписного населения было еще посеяно на купленной земле—ржи 2 четв. и овса 4 четв.

ПРОМЫСЛЫ по Ягунинской волости (гр. 87-я) **1.** *Токари*—20 общ., 332 м., 4 ж.; **2.** *Ящечники* 22 общ., 321 м.; **3.** *Столяры*—18 общ., 143 м., **4.** *Гильзовщики*—16 общ., 2 м., 96 ж.; **5.** *Медники*—13 общ., 84 м., 2 ж.; **6.** *Портные*—19 общ., 70 м., 14 ж.; **7.** *Часовщики*—16 общ., 91 м.; **8.** *Скорняки*—4 общ., 35 м., 52 ж.; **9.** *Сшив. мехов.*—3 общ., 3 м., 18 ж.; **10.** *Прислуга*—22 общ., 1 м., 81 ж.; **11.** *Посадчики*—18 общ., 77 м.; **12.** *Слесаря*—20 общ., 77 м. ;**13.** *Паяльщики*—15 общ., 65 м.; **14.** *Изгот. стор*—3 общ., 75 м.; **15.** *Сапожники*—16 общ., 59 м.; **16.** *Коробочники*—8 общ., 27 м., 17 ж.; **17.** *Чулочницы*—15 общ., 44 ж.; **18.** *Кузнецы*—14 общ.; 44 м.;, **19.** *Ткацкие*: а) бумажн. мат.—2 общ., 27 ж.; б) шерст. мат.—2 общ., 18 м., 1 ж.; в) шелк. мат.—1 общ., 3 м., 15 ж.; г) искусств. овчин.—2 общ., 4 м., 7 ж.; д) без обозн. мат.—8 общ., 30 ж.; **20.** *Размотка нитей*—8 общ., 41 ж.; **21.** *Переплетчики*—9 общ., 40 м.; **22.** *Торговля*—14 общ., 36 м., 1 ж.; **23.** *Возка дров*—4 общ., 36 м., 1 ж.; **24.** *Изгот. плетушков*—2 общ., 5 м., 17 ж.; **25.** *Прод. пильщики*—6 общ., 19 м.; **26.** *Пильщики*—5 общ. 15 м.; **27.** *Резчики*—7 общ. 19 м.; **28.** *Изгот. муз. инстр.*—4 общ., 11 м., 2 ж.; **29.** *Бердочники*—4 общ., 23 м., 2 ж.; **30.** *Печники*—5 общ., 13 м.; *Прочие* (мелк. пром.) 164. назв.—393 м., 127 ж. Повторных—2 м.

[1]) Кроме того. по **Ягунинской волости**, было мирских случайных (единовременных) доходов—486 р. и доходов с питейных заведений около 1986 р. (№ 13—600 р., № 14—70 р., № 16—121 р., № 17—437 р., № 19—145 р., № 20—112 р., № 23—200 р., № 27—100 р., № 28—201 р.) и мирских случайных (единовременных) расходов 907 руб.

Примечания к Гарской волости к X отд. В общем посеве значится общий высев у 2-х дворов посторонних: ржи 4 четв., овса—7 четв., картофеля—6 четв., льна—$0_{,2}$ четв.—У приписного населения было еще посеяно на земле, арендованной вне своей общины и на купленной: ржи 13 четв., овса—24 четв., картофеля 3 четв., ячменя—$0_{,8}$ четв., льна—$0_{,3}$ четв.

ПРОМЫСЛЫ по Гарской волости (гр. 87-я): **1.** *Сапожники*—19 общ., 337 м., 99 ж.; **2.** *Выделка корзин* (из драни)—5 общ., 214 м., 93 ж.; **3.** *Лесн. рабоч.*—17 общ., 172 м., 6 ж.; **4.** *Извоз*: а) дров—16 общ., 137 м., 2 ж.; б) корзин—4 общ., 21 м.; **5.** *Рабочие на стекл. завод.*—12 общ., 167 м., 14 ж.; **6.** *Прислуга*—15 общ., 2 м., 71 ж.; **7.** *Рабочие на фарфор. фабр.*—3 общ., 13 м., 9 ж.; **8.** *Продоль. пильщики*—3 общ., 18 м. *Прочие* (мелк. пром.) 65 назв.,—228 м., 90 ж.; Повторных—26 м., 2 ж.

[1]) Кроме того. по **Гарской волости**, мирских доходов с питейных заведений было около 780 руб. (№ 4, ч. 2-я—500 р., в том числе 100 р. натурой). № 16—130 р., № 17—150 р. и мирских случайных (единовременных) расходов—239 руб.

№№ селений.	Названия волостей, селений и общин.	X. Культуры на надельной земле в 1899 году. Посев ржи —1898 г. яровых— 1899 г. Всего высеяно или посажено четвертей. Рж и.	Овса.	Картофеля.	Фруктовые и ягодные сады. Число дворов с садами.	Преобладающие виды садоводства.	Огородные овощи. Число дворов с огород.	Преобладающие виды огородных культур.	Особые культуры.	Средний душевой посев ржи в мерах.
		52	53	54	55	56	57	58	59	60
	Московский у. XIV. Царицынская вол.									
1	Бл. Беляево.	—	26	1236	66	вшн. мл.	66	кп. ог.	—	—
2	С. Борисово.	140	15	1253	234	в. м. м. к. с. вк.	127	кп. ог. св.	птм.	2,6
3	С. Братеево.	38	11	684	89	вшн.	96	кп. ог. св. рд.	птм.	2,4
4	Марьино....	—	—	1372	—	—	87	к. о. м. и. с. р.	—	—
5	Орехово....	56	15	391	71	вшн мл. яб.	2	кп.	—	5,2
6	С. Сабурово.	11	57	838	74	вшн.	59	кп. ог. свк.	—	—
7	Хохловка...	19	3	271	27	вшн. мл.	19	кп. ог.	птм.	1,8
8	С. Царицыно.	43	13	424	45	вшн мл.	27	кп.	—	3
9	Шайдрово...	52	10	713	49	вшн. мл.	36	кп. ог.	птм.	4
10	Шепилово...	68	11	525	46	вшн. мл. крж.	36	кп. ог.	—	4,9
	По волости.	**427**	**161**	**7707**	**701**	вшн. млн. ябл. крж. смр. вкт.	**555**	капуста, огурцы, свекла, редька, морковь, петрушка, питомники.		**3,1**

№№ селений.	Названия волостей, селений и общин.	X. Культуры на надельной земле в 1899 году. Посев ржи —1898 г. яровых— 1899 г. Всего высеяно или посажено четвертей. Рж и.	Овса.	Картофеля.	Огородные культуры. Число дворов с огород.	Преобладающие виды огородных культур.	Фруктовые и ягодные сады. Число дворов с садами.	Преобладающие виды садоводства.	Особые культуры.	Средний душевой посев ржи в мерах.
		52	53	54	55	56	57	58	59	60
	Московский у. XII. Троице-Голенищ. в.									
1	Аминево ...	44	94	424	60	кп. св. мрк.	34	рзн.	—	2,3
2	С. Воробьево	78	216	816	77	кп.	80	вш. мл.	—	3,5
3	Гладышево..	26	27	169	48	кп. св. мрк.	40	вшн.	—	1,7
4	Гогорово ...	35	32	67	—	—	3	рзн.	—	5,2
5	Давыдково..	59	35	221	—	—	—	—	—	3,3
6	Камен. плот.	4	38	180	13	кп. св. мрк.	8	рзн.	—	1,3
7	Мазилово...	105	73	302	12	кп.	—	—	—	3,3
8	Маково...	118	143	72	—	—	—	—	кп.	5,3
9	Марфино ...	48	52	87	—	—	—	-	кп.	7,1
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	По волости. [1]	**2164**	**2233**	**7204**	**763**	кп. св. мрк.	**733**	вшн. млн.	кп.[1]	**5,1**

Примечание к гр. 55—59: кп.—капуста, ог.—огурцы, свк.—свекла, рд.—редька, пт.—петрушка, мр. и мрк.—морковь, укр.—укроп; рсс.—рассада, ов.—овощи, вш. и вшн.—вишня, мл. и млн.—малина, яб. и ябл.—яблоки, кр. и крж.—крыжовник, смр.—смородина, кб. и клб.—клубника, вкт.—виктория, сл. и слв.—сливы, птм.—питомники (тополи, сирень и т. п.).

[1]) См. примеч. на стр. 150.

№ селений.	Названия волостей, селений и общин.	X. Культуры на надельной земле в 1899 году. Четвертей. Картофеля.	Овса.	Огородные овощи. Число дворов с огород.	Преобладающие виды огородной культуры.	Фруктовые и ягодные сады. Число дворов с садами.	Преобладающие виды садоводства.
		52	53	54	55	56	57
	Московский у.						
	VII. Нагатинская вол.						
1	Ватюнино ...	1236	1	62	кап., ог., пт., свк., мр.	—	—
2	Граворново ...	2120	—	58	кап., ог., [illegible]	[illegible]	[illegible]
3	С. Дьяковское.	1173	5	110	кап., ог., разс., свк.	125	ябл., вшн., мал., смр., крж.
4	Дубровка. . . .	1066	—	—	—	—	—
5	Кожухово	3026	—	141	кап., ог., мр. разс., свк.	—	—
6	С. Коломенское	2410	2	217	кап., ог., разс., рд., укр., свл.	77	мал., смр., крж.
	—	—	—	—	—	—	—
	По волости [1]	23532	193	1367	капуста, огурцы, свекла, морковь, разсада, петрушка, укроп.	498	яблоки, вишни, смородина, крыжовник.

№ селений.	Названия волостей, селений и общин.	X. Культуры на надельной земле в 1899 году. Посев ржи—1898 г. яровых—1899 г. Всего высеяно или высижено четвертей. Ржи.	Овса.	Картофеля.	Фруктовые и ягодные сады. Дворов с садами.	Преобладающие виды садоводства.	Особые культуры.	Средний душевой посев ржи в мерах.
		52	53	54	55	56	57	58
	Московский у.							
	VI. Зюзинская вол.							
1	Аннино (Новые Битцы)	49	29	107	31	пр. сл.	—	5,7
2	Бирюлево	38	15	178	21	разные.	оп.	7,7
3	Битцы (Старые.	45	26	120	31	пр.	—	5
4	С. Богородское-Воропино . . .	37	25	83	16	вш.	—	7,1
5	С. Богородское-Усково	22	15	57	17	пр. сл. яб. яб.	птм.	6,9
6	Брехово	27	25	142	14	?	—	3,8
7	Беляево Дальнее	72	103	395	53	ил. смр.	мрк. птм.	3,9
8	Волхонка (Изюмино)	11	17	98	13	яб. и кр.	птм.	2,9
9	С. Воронцово-Троицкое . . .	40	30	86	27	мл. кб. кр.	птм.	5
	По волости [2]	1696	1366	8018	1078	мл. кр. слв. яб. смр. кб. вш.	ов. нт.	5,4

[1]) В волостях Троице-Голенищевской, Нагатинской и Зюзинской здесь приведены данные только для немногих селений этих волостей, а затем проставлены итоги по волости, которые и не являются здесь итогами тех 6-ти, 9-ти селений, по которым приведены данные о культурах на надельной земле.

Того же автора:

1. **Очерк хозяйства частных землевладельцев.** (Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. V, вып. 1-й). Москва, 1879 г. (распродано).
2. **Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве.** Москва, 1884 г. (распродано).
3. **Очерк истории продовольственного законодательства в России.** (Сборн. стат свед. по Московской губ Т. X, вып. 1-й). Москва, 1892 г.
4. **Значение хлебных цен для частного землевладения Европейской России.** (В I т. сборника: „Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства"). С.-ПБ. 1897 г. (распродано).
5. **Московская губерния по местному обследованию 1898—1900 г.** Т. I, вып. 1-й. Москва, 1903 г.
6. **Об условиях развития крестьянского хозяйства в России.** (Очерки по экономи землевладения и земледелия). Издание 2-е, во многом переработанное и дополненное Москва, 1908 г.
7. **Александр Иванович Чупров.** (Биографический очерк в I т. издания Московского Университета „Ученые труды А. И. Чупрова") Москва, 1909 г.
8. **Значение знаний для производительности человеческого труда.** (В Харьковской народной энциклопедии научных и прикладных знаний). Москва, 1931 г
9. **Курс статистики.** Москва. Изд. 5-е 1911 г.
10. **Политическая экономия.** Москва. 1917 г.
11. **Из чего выросли кооперативы?** Изд. Моск. Союза Кредитн. и Ссудосберегат. товариществ. Москва. 1916 г.
12. **Мелкое хозяйство и кооперация.** Изд. 2-е, Моск. Союза Кредитн. и Ссудосберегат. товариществ. Москва. 1919 г.
13. **О повышении производительности труда при русских условиях.** Москва. 1915 г.
14. **Задачи и способы собирания статистических сведений** (Для чего и как собираются статистические сведения). Руководство для волостных статистиков. —Издание Центрального Статистического Управления. Москва. 1920 г.